АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1953

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Аврорин, Р. А. Будагов, Ю. Д. Дешериев, Б. А. Серебренников, Е. И. Убрятова, Н. Ю. Шведова. Вопросы составления описательных грамматик 3

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. И. Ефимов. Некоторые вопросы развития русского литературного языка XIX — начала XX вв. 22
Т. А. Бертагаев. К проблеме сложных предложений 43

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

М. Н. Петерсон. Задача курса «Введение в языкознание» 60
А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова. О курсе «Общее языкознание» 65

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

Ло Чан-пэй. Предмет и задачи языкознания 79
Шао Жун-фэнь. Процесс формирования единого национального языка (и о фонетическом письме для диалектов). 85
В. П. Сухотин, А. Косталари. Основные проблемы албанского языкознания 90

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

А. В. Миртов. Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны 99
В. А. Истрин. Некоторые вопросы теории письма 109
В. И. Борковский. Новые находки берестяных грамот 122

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. П. Старинин. Вопросы языкознания в первых двенадцати томах второго издания БСЭ. 134

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. С. Сидоров. Совещание по вопросам изучения коми языка. 144
К. Е. Майтинская. Научная сессия по вопросам мордовского языкознания 148
К. Е. Майтинская. Совещание по вопросам удмуртского языка и письменности 149

Редколлегия:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), *Р. А. Будагов, В. В. Виноградов* (главный редактор), *А. И. Ефимов, П. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев* (зам. главного редактора), *В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.*

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К-4-01-28.

Т-04997. Подписано к печати 9.VII 1953. Тираж 15.150 экз. Зак. 1365
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆ Бум. лист. 4³/₄. Печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 15,2

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1953

В. А. АВРОРИН, Р. А. БУДАГОВ, Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ, Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ, Е. И. УБРЯТОВА, Н. Ю. ШВЕДОВА

ВОПРОСЫ СОСТАВЛЕНИЯ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИК

(Коллективный доклад на Совещании по вопросам составления описательных грамматик, лексикографии и диалектологии 18—23 мая 1953 г.)

Всестороннее изучение грамматического строя многочисленных и разнообразных языков народов Советского Союза — одна из первоочередных задач советских языковедов. Вопрос о создании научных описательных грамматик еще никогда и нигде не был поднят на такую принципиальную высоту, как в нашей стране. Ни в одной стране мира составление научных описательных грамматик не имело такого значения, как в нашем многонациональном государстве, где все народы имеют свою письменность и школу на родном языке, а родной язык играет исключительно важную роль в воспитании нового, советского человека. Поэтому издание грамматик у нас является задачей не только научной, но и общественно-политической.

В настоящей статье речь будет идти о научных описательных грамматиках литературных языков народов Советского Союза. Вопросы составления школьных учебников здесь не затрагиваются, как не затрагиваются и вопросы составления исторических грамматик или описания грамматической системы диалекта.

Научная грамматика должна дать возможно полное, всестороннее описание грамматического строя литературного языка в его современном состоянии, но обязательно с учетом развития языка, с учетом живых тенденций его движения. С другой стороны, описательная грамматика не может не ставить перед собой нормативных целей: она не просто фиксирует то, что есть в языке, не эмпирически описывает и коллекционирует факты, а описывает их в системе. Ее задача — не просто отразить грамматический строй языка в его современном состоянии, но и указать, что соответствует законам языка и что этим законам противоречит. Научная описательная грамматика современного литературного языка должна быть нормативной. Только тогда она будет действенной, практически необходимой и сможет выполнить те задачи, которые стоят перед ней как перед орудием развития и укрепления языковой культуры народа.

Следует признать, что наше отечественное языкознание имеет несомненные и большие заслуги в деле описания грамматического строя языков. Много сделано в области изучения и научного описания языков тюркоязычных народов, старописьменных языков Кавказа, украинского и др. Мы уже не говорим здесь об исключительных заслугах языковедов-русистов, которые, опираясь на материалистические традиции

наших лучших языковедов прошлого, создали построенные на большом материале детальные описания грамматической системы русского языка. Однако отсутствие правильной методологии не могло не сказаться отрицательно как на общем направлении этих работ, так и на решении отдельных частных проблем.

На исследованиях грамматического строя конкретных языков тяжело отразилось господство «нового учения» о языке. Оно затормозило работу по созданию грамматик целого ряда языков. Не случайно у нас до сих пор нет научных грамматик белорусского, таджикского, туркменского, тувинского, татарского, удмуртского, мордовских, молдавского, осетинского, даргинского и многих других языков. С другой стороны, для ряда языков грамматики создавались на ложных, методологически порочных основах, которые еще и до сих пор дают себя чувствовать в отдельных грамматических трудах.

Представители «нового учения» о языке, как известно, недооценивали роль и значение грамматики. Н. Я. Марр, сомневаясь в необходимости и полезности грамматики, призывал к ликвидации ее как «орудия формалистического учения». Антинаучные взгляды Марра на грамматику в различных вариантах представлены в трудах его «учеников» и последователей, которые стремились подогнать факты языка под выдуманные стадиальные схемы, растворяли морфологию в синтаксисе, беспорядочно смешивали морфологические и синтаксические категории, не различали фактов грамматики и лексики, грамматики и семасиологии. Все это часто сочеталось с нивелировкой фактов конкретных языков, с подгонкой их под универсальные логические схемы.

В своей книге «Общее языкознание» И. И. Мещанинов писал: «Раздел грамматики, который изучает форму и содержание слова, в дальнейшем мы будем называть лексикой. Сюда войдет то, что раньше изучалось в двух оторванных друг от друга разделах лингвистической науки: семасиологии и морфологии (в части словообразования). Учение о форме и содержании предложения, следовательно, и его составных частей, относится мною к синтаксису»[1]. Таким образом, здесь декларируется полное смешение грамматических и лексических категорий. Отвергая традиционную «формальную» схему деления грамматики, И. И. Мещанинов предложил следующую схему распределения отделов грамматики:

1. Фонетика (учение о социально значимых звуках).
2. Лексика (учение о слове в отдельности и о словосочетаниях лексического порядка).
3. Синтаксис (учение о слове в предложении и о предложении в целом)[2].

Морфология как самостоятельный раздел грамматики по этой схеме (кстати, не оригинальной и отражающей влияние буржуазного западноевропейского языкознания) выпадала, полностью растворяясь в синтаксисе.

Влияние этих порочных взглядов, недооценка морфологии и преувеличение роли синтаксиса проявились, например, в трактовке категории залога в работах казахского языковеда А. Калыбаевой.

Под влиянием той же схемы в ряде работ марровского толка границы грамматики неправомерно расширялись: в нее включались не только фонетика, но и лексика. Именно такое понимание объема и содержания грамматики легло в основу «Грамматики адыгейского литературного языка» проф. Н. Ф. Яковлева и доц. Д. Ашхамафа, «Грамматики кабардино-черкесского языка» проф. Н. Ф. Яковлева и др.

---

[1] И. И. Мещанинов, Общее языкознание, Л., Учпедгиз, 1940, стр. 27.
[2] Там же, стр. 37.

Выдвигая синтаксис на первое место в системе грамматики, безоговорочно признавая его приоритет перед «формальной» морфологией, «ученики» и последователи Н. Я. Марра неправильно понимали задачи и содержание синтаксиса. Они смешивали изучение грамматических явлений с реальным содержанием высказывания, по материалам грамматики пытались изучать идеологию говорящих на данном языке людей. Так, проф. С. Д. Кацнельсон, вслед за Н. Я. Марром смешивая синтаксические категории с категориями мышления, полагал, что, вместе с изучением грамматических значений «задачей синтаксиса в особом смысле этого слова является... исследование познавательной значимости категорий грамматики и категорий мышления...» [3] По его мнению, «раскрытие реальной идеологической или, иначе, смысловой структуры слова, обусловленной определенным уровнем общественного развития, составляет одну из важнейших сторон грамматического анализа» [4].

Одним из многочисленных пороков марровских грамматик было навязывание языкам априорной схемы стадиального развития «единого глоттогонического процесса». Антинаучные попытки применения стадиальной теории в объяснении структуры предложения нашли свое яркое отражение в «Очерках по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков» О. П. Суника, в «Очерках по синтаксису нанайского языка» В. А. Аврорина, в «Очерках по синтаксису чукотского языка» П. Я. Скорика.

Авторы этих работ без какой бы то ни было проверки принимали и проводили в своих трудах ошибочную идею о подавляющем приоритете синтаксиса над морфологией, рассматривая последнюю лишь как техническую, служебную сторону первого. Они ставили одной из основных своих задач подтверждение на конкретном материале вульгарно-социологических «теорий» о единстве глоттогонического процесса и стадиальном развитии языка в той редакции, которую получили эти порочные теории в работах И. И. Мещанинова.

В. А. Аврорин и О. П. Суник, разрабатывая вопросы синтаксиса нанайского и других родственных ему тунгусо-маньчжурских языков, стремились прежде всего найти для этих языков место на ступенях единой стадиальной лестницы: языки эти помещались ими на промежуточной ступени между поссессивной и номинативной стадиями. О. П. Суник высказывал мысль о том, что поссессивный строй предложения возник в результате взрыва инкорпорированного комплекса и развивается с неумолимой неизбежностью в сторону превращения в номинативный строй предложения. Первая часть этой формулы подтверждалась одними лишь ссылками на работы И. И. Мещанинова, а для подтверждения второй части привлекался факт наличия в нанайском и родственных ему языках предложений со сказуемыми, выраженными «притяжательными» формами причастий, наряду с предложениями, сказуемые которых выражены личными формами глагола. Первые объявлялись при этом пережитками поссессивной стадии, а вторые — элементами нарождающейся номинативной стадии.

Еще более прямолинейный и ошибочный взгляд на поссессивное построение предложений в нанайском языке как на пережиток предшествующей стадии развивал В. А. Аврорин, который считал, что в нанайском языке всякое выражение предикативности возникло из предшествующего ему более конкретного представления о принадлежности, т. е., другими

---

[3] С. Д. Кацнельсон, Историко-грамматические исследования, I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 55.

[4] Там же, стр. 57—58.

словами, что всякое номинативное предложение представляет собой трансформацию предложения поссессивного. При этом совершенно не учитывались предложения с глагольными сказуемыми в косвенных наклонениях, которые в нанайском языке не имеют ничего общего с поссессивностью. Во всех этих случаях допускалась характерная для «нового учения» о языке грубейшая ошибка, основанная на немарксистском понимании процесса развития языка, на непонимании того, что грамматический строй языка развивается путем совершенствования и обогащения существующих в нем правил, а не путем отмены одной системы правил и замены ее другой системой. Перечисленные «Очерки» не разрешали, а только запутывали поставленные в них вопросы синтаксиса.

Характеризуя вредные последствия господства марровского «учения» в советском языкознании, акад. В. В. Виноградов справедливо указывал на то, что «наиболее сильные разрушения так называемое „новое учение" о языке произвело в грамматике» [5]. Неотложной задачей советских языковедов является искоренение следов вредного влияния «нового учения» о языке и создание описательных грамматик, построенных на правильных методологических основах и принципах.

В настоящее время во всех республиках и научных центрах страны оживилась работа по составлению описательных грамматик. Необходимость таких грамматик остро ощущается всеми. Однако работа над ними пока ведется неравномерно. Для описания грамматического строя одних языков давно уже были накоплены большие материалы, позволившие выпустить в свет новые грамматические труды. Работа же по описанию грамматического строя других языков пока еще находится в стадии собирания материала и определения самих методов исследования. Перед составителями грамматик здесь встает много сложных теоретических вопросов, разрешение которых возможно только в результате коллективных усилий.

Современный этап изучения грамматического строя многих языков характеризуется стремлением к разработке отдельных частных вопросов грамматики. В диссертациях, статьях и монографиях описываются разные явления словообразования, морфологии и синтаксиса конкретных языков, делаются попытки установить закономерности развития отдельных сторон грамматического строя языка. Такая работа является необходимой подготовкой к описанию грамматической системы языка в целом.

*

Грамматика является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Этим определяется объем грамматики, которая состоит из двух основных разделов: морфологии — учения об изменении слов, т. е. о формообразовании, и синтаксиса — учения о типах и формах словосочетаний и предложений. Следовательно, в грамматике каждого языка изучаются как грамматическая структура слов, словосочетаний и предложений, так и различные виды грамматических взаимоотношений между словами, словосочетаниями и предложениями. Фонетика как учение о звуковом строе языка, о его «природной материи» в состав грамматики не входит. Сфера действия фонетики не ограничивается областью грамматики, она охватывает и весь словарный состав языка. Фонетическая система является материальной базой языка, взятого в целом. Поэтому в ряду языковедческих дисциплин фонетика должна занимать самостоятельное место.

---

[5] В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, М., Изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 34.

Но вместе с тем фонетика тесно связана с грамматикой, и описание грамматического строя любого конкретного языка практически не может не учитывать свойственные этому языку фонетические закономерности. Поэтому всякой описательной грамматике обязательно должно предшествовать описание фонетической системы данного языка — состава его фонем, типических случаев чередования, ассимиляции, диссимиляции и других явлений, характерных для звуковой системы данного языка. При описании грамматической системы каждого конкретного языка следует тщательно учитывать взаимоотношения между грамматикой и фонетикой: отдельными своими сторонами учение о звуковом строе языка органически входит в грамматику. К разделу морфологии, например, относятся все те звуковые различия, которые служат средством разграничения определенных грамматических форм. Так, в языках, в которых существует закон сингармонизма, необходимо подробно описать действие этого закона, прежде чем перейти к анализу процессов словообразования и словоизменения, так как в этих языках, в силу закона гармонии гласных, состав гласных в аффиксах зависит от характера гласных корня, а в некоторых языках (например, в чукотском) состав гласных корня изменяется в отдельных случаях в зависимости от характера гласных аффикса. Например, в эвенкийском языке: *дукудяран* «пишет», *эмэдерэн* «идет», *сокордёрон* «теряет» (суфф. *-дя// -де// дё* — показатель несоверш. вида, суфф. *-ра//-рэ//- ро* — наст. времени, суфф. *-н* — 3-его лица ед. числа).

Во многих тюркских языках закон гармонии гласных дает возможность разобраться во взаимоотношениях между гласными основы слова и гласными аффиксов. Так, в алтайском языке, если в первом слоге данного слова имеется гласный заднего ряда, то в следующих слогах должны быть только гласные заднего ряда (*карагáй* «сосна»). Если же в первом слоге имеется гласный переднего ряда, то и в следующих слогах должны быть только гласные переднего ряда (*эмегéн* «женщина»). Следовательно, для того чтобы разобраться во взаимоотношениях между основой слова и аффиксами в этом языке, необходимо учитывать и характер фонетической связи между ними.

При этом очень важно определить заранее, какие из явлений, характеризующих закон сингармонизма, следует описать в разделе фонетики и какие — в разделе морфологии. Если в разделе фонетики достаточно указать на наличие двух рядов гласных — переднего и заднего ряда или верхнего и нижнего подъема (например, в татарском и башкирском языках — задний ряд гласных *а, ы, о, у* и передний ряд *ә, и, е, ө, ү*) и описать способ образования каждого из этих звуков, то в разделе морфологии характеризуются уже не сами эти звуки, а изменения в формах слов, в морфемах, связанные с законом гармонии гласных и с обязательным употреблением звуков того или другого ряда.

Точно так же описание явлений, связанных с чередованием ступеней в западнофинских языках, следует дать одновременно в разделе фонетики и морфологии: в разделе фонетики необходимо перечислить группы согласных в сильной и слабой ступени [например, в финском языке *кк* (сильная ступень), *к* (слабая ступень), *lt* (сильная ступень), *ll* (слабая ступень) и т. д.], а в разделе морфологии, при парадигмах существительных и глаголов, описать допустимые звуковые вариации, зависящие от наличия различных ступеней (например, *кикка* «цветок», *кикан* «цветка»; *ilta* «вечер», *illan* «вéчера»; *ranta* «берег», *rannan* «бéрега»; *lukea* «читать», *luen* «читаю» и т. д.).

При составлении описательной грамматики молдавского языка о чередовании гласных можно сказать в разделе фонетики, но к нему придется

вернуться и в разделе морфологии, например, при описании способа образования форм множественного числа (ср. чередование *а* — *е*: *фатэ* «девушка», *фете* «девушки»; *масэ* «стол», *месе* «столы»; *ладэ* «ящик», *лэзь* «ящики» — или чередование *г* — *жь*: *ынтрег* «целый», *ынтрежь* «целые»).

Знание фонетических закономерностей необходимо не только для морфологии, но и для синтаксиса. В этом плане возникает важная и сложная проблема синтаксических функций интонации. К сожалению, эта проблема для большинства языков до сих пор остается совершенно неразработанной. Между тем при описании синтаксиса любого языка очень существенно дать подробную характеристику различных типов интонации и синтаксически значимых интонационных членений внутри предложения. Известно, что интонация имеет очень большое значение как для классификации типов предложения, для выражения их модальной окраски, так и для понимания различных видов соотношения между словосочетанием и предложением, между частями предложения и всем предложением.

Таким образом, разграничивая грамматику и фонетику языка, составители описательных грамматик должны вместе с тем учитывать разнообразные связи, существующие между этими двумя сторонами языковой системы.

Определяя объем и состав грамматики, необходимо разобраться в соотношении между грамматикой, с одной стороны, и лексикологией и семасиологией — с другой. Разграничение грамматики и лексики должно быть в первую очередь основано на различиях грамматической и лексической абстракции. Грамматика имеет дело с двумя видами абстракции: с одной стороны,— это абстракция от конкретных отношений между предметами и явлениями объективного мира. Такова абстракция, лежащая в основе таких грамматических категорий, как категория падежа, лица, времени и вида глагола и т. п. С другой стороны, грамматика имеет дело с абстракцией, основанной на обобщении лексических значений слов, характеризуемых присущими им категориями и формами. Именно этот второй вид абстракции до некоторой степени сближает грамматику с лексикой.

Связь грамматики и лексики обнаруживается прежде всего при выделении основных грамматических категорий языка — частей речи. Категории частей речи отражают в себе оба названные выше вида абстракции; поэтому в известной степени они выступают как очень широкие группы слов, обобщающие лексический материал языка. Так, например, категория имени существительного представляет собой обобщенное выражение большого разряда слов, обозначающих предметы. Но объединяющее все эти слова значение предметности может рассматриваться как фактор, подлежащий грамматическому изучению, только потому, что это значение находит себе в языке определенное грамматическое выражение: слова, обозначающие предметы, имеют специфические грамматические категории — категории имени существительного как части речи.

В то же время внутри класса слов с общим отвлеченным и грамматически оформленным значением предметности могут быть выделены группы слов, обладающие более узкими по сравнению со всем классом имен существительных грамматическими признаками и объединенные тоже абстрактным, отвлеченным, но более частным, более узким значением. Таковы, например, в русском языке имена существительные на *-ение*, *-ние* со значением действия: *умножение*, *зажигание*, *усвоение*, *просвещение* и т. п. При всем разнообразии своих лексических значений такие слова все же образуют и лексически, и грамматически относительно единообразную группу внутри имен существительных; специфическим

грамматическим признаком их является отсутствие форм множественного числа.

Грамматика дает описание всех типов грамматических единиц конкретного языка, как более общих, так и более частных. В разных языках количество этих грамматических единиц будет очень различным. Но как бы ни дробилась общая грамматическая категория на более частные подразделения, эти подразделения не перестают отражать в отвлеченном виде те реальные отношения, которые лежат в основе всякой грамматической абстракции.

Наличием более общих и более частных грамматических категорий, связанных с семантикой групп слов, определяется то, что конкретные грамматические правила часто распространяются именно на эти — большие или меньшие по объему и более или менее четко очерченные — лексико-семантические группы слов. Так, например, в тунгусо-маньчжурских языках (за исключением маньчжурского) в составе имени существительного выделяется особая группа основных терминов родства, характеризующаяся целым рядом морфологических особенностей: 1) наличием у каждого из них двух супплетивных основ: звательной и повествовательной; 2) отсутствием у звательной формы категорий склонения, притяжания (поскольку при прямом обращении родство определяется только по отношению к говорящему лицу) и форм множественного числа (вместо него — категория собирательности); 3) обязательностью наличия у повествовательной формы категории притяжания (поскольку в этом случае всегда необходимо указание на то, о чьем родственнике идет речь) и 4) наличием специфических аффиксов множественного числа, не тех, что у существительных. Вот примеры из нанайского языка: *ама* «отец» (зват. форма) — *амин* — то же (основа повествоват. формы, которая имеет следующие притяжат. формы: *амимби* «отец-мой», *амиси* «отец-твой», *амини* «отец-его, её», *амимпу* «отец-наш», *амису* «отец-ваш», *амичи* «отец-их», *амимби* «отца-своего» — при подлежащем в ед. числе, *амимбари* «отца-своего» — при подлежащем во мн. числе); соответственно этому: *эне* — *энин-* «мать», *ага* — *аг-* «старший брат», *эгэ* — *эйкэ-* «старшая сестра», *нэку* — *нэу-* «младшие брат или сестра», *эчэкэ* — *эксэн-* «младший брат отца», *гучэкэ* — *гусин-* «младший брат матери» и т. п.

Для всех имен существительных аффиксом множественного числа является *-сал//-сэл*, а для повествовательных форм основных терминов родства — *-л//-лтал//-лтэл*, например: *дангсасалби* «книги-мои», *ихонкансалби* «односельчане-мои», *алосимдисалби* «учителя-мои», но *аилби//аилталби* «старшие братья-мои», *эйкэлтэлби* «старшие сестры-мои», *нэилби//нэилтэлби* «младшие братья и сестры-мои» и т. п.

Среди имен существительных выделяется также группа названий частей тела, которые обладают следующей морфологической особенностью: все они употребляются в речи только в притяжательных формах. Можно сказать: *нгалаи* «рука-моя», *нгаласи* «рука-твоя», *нгалани* «рука-его, её» и т. п., но в чистой основе слово *нгала* может встретиться лишь в словаре.

В отношении форм множественного числа в нанайском языке на основании чисто семантических признаков особняком стоят имена существительные вещественные, парные, отвлеченные. Так намечаются разнообразные связи грамматики с лексикой и семасиологией.

*

При составлении описательных грамматик четко разграничиваются задачи двух основных разделов — морфологии и синтаксиса. В морфологии должны быть охарактеризованы способы словообразования и слово-

изменения, части речи с присущими им грамматическими категориями, явления перехода одной части речи в другую и т. д. Описание каждой грамматической категории должно сопровождаться характеристикой ее значения и морфологических показателей. Синтаксические же функции той или иной грамматической формы должны быть рассмотрены в синтаксисе.

Нередко одни и те же грамматические категории рассматриваются с разных точек зрения в разделе морфологии и в разделе синтаксиса. Так, например, в тюркских языках значение принадлежности выражается морфологически: основы имен существительных обладают свойством принимать специальные аффиксы, выражающие принадлежность предмета, названного данным именем, какому-либо лицу или предмету. Наличие или отсутствие притяжательных аффиксов определяет склонение имен — лично-притяжательное или безличное. В разделе синтаксиса эти же аффиксы при именах существительных рассматриваются как средство выражения синтаксических отношений определения и определяемого и как оформитель особого определительного словосочетания.

Иногда та или иная грамматическая категория, характеризующая слово как часть речи, выявляется только синтаксически. Например, в горских дагестанских языках категория грамматического класса имен существительных выявляется не в форме существительного, а в форме глагола, качественного имени прилагательного, числительного. Поэтому грамматический класс имени существительного в этих языках может быть выявлен только при анализе словосочетания или предложения. Ср. в аварском языке: *рос в-ёгула* «муж поднимается»; префикс *в* в составе глагола *вегула* показывает грамматический класс имени существительного *рос* «муж»; в примере *чIу́жу йёгула* «жена поднимается» в составе того же глагола мы находим префикс *й-*, характеризующий грамматический класс имени существительного *чIу́жу* «жена».

Эргативная конструкция предложения, являющаяся синтаксической конструкцией, характерной для переходных глаголов, отражается на морфологической системе имени и глагола в любом из иберийско-кавказских языков. Она связана с особой морфологической конструкцией глагола-сказуемого, со специфическим для нее выражением субъектно-объектных отношений и со специальной падежной формой для реального субъекта. Так, в лакском языке: *Тана́л бу́ввкунма бур лу* «Он прочитал книгу», где *тана́л* «он» представляет собой форму эргативного падежа от им. падежа *та* «он»; *б-у-в-кку-н-м-а* — причастие «прочитав», в составе которого префикс *б-* — показатель грамматического класса прямого дополнения (*лу* «книга»), *-в-* — второй формант грамматического класса того же прямого дополнения; *-нм-* — третий вариант показателя грамматического класса, к которому относится слово *лу* «книга»; *б-ур* — связка «есть», в которой префикс *б-* также служит показателем грамматического класса прямого дополнения; *лу* «книги» — прямое дополнение в им. падеже.

Таким образом, в эргативной конструкции и в системе грамматических классов перекрещиваются, с одной стороны, морфологические явления (система склонения и система спряжения), с другой — синтаксические явления (особая форма построения переходного предложения, выражение субъектно-объектных отношений).

Наглядным примером тесной связи между морфологией и синтаксисом может служить также тот факт, что некоторые падежи могут употребляться только в определенных синтаксических конструкциях. Так, например, русскому родительному падежу в коми языке соответствуют два падежа — собственно родительный и притяжательный. Притяжательный

падеж употребляется в тех случаях, когда относящееся к нему или определяемое им имя существительное является в предложении прямым дополнением, например: *Ба́тьлӧн ке́рка ми́ча* «Дом отца красив», но *а́ддза ба́тьлысь ке́рка* «Вижу дом отца», где слово *батьлысь* употреблено в притяжательном падеже.

В описательной грамматике реальное соотношение разделов морфологии и синтаксиса, естественно, будет зависеть от особенностей системы и структуры того или иного языка. Например, в финно-угорских, тюркских, монгольских, горских иберийско-кавказских языках большую роль играют послелоги и отсутствуют, как правило, характерные, например, для русского языка, предлоги. Естественно, что при описании морфологии перечисленных языков характеристика послелогов должна занять соответствующее место [6]. В тех языках, где наряду с притяжательными местоимениями существуют притяжательные суффиксы, следует дать парадигмы склонения имен существительных с притяжательными суффиксами. Там, где особый удельный вес имеют причастные и деепричастные конструкции, следует уделить им наибольшее внимание в разделе синтаксиса.

Таким образом, при составлении описательных грамматик реальное соотношение языковых явлений определяет и реальное соотношение соответствующих разделов грамматики. Даже в пределах одной и той же группы родственных языков оно может быть различно. В этом отношении показательны родственные между собой горские западнокавказские (абхазо-адыгские) и восточнокавказские языки. В то время как в абхазо-адыгских языках очень слабо развита система склонения, в горских дагестанских языках эта система развита очень сильно. Несомненно, что разделы морфологии, посвященные имени существительному, имени прилагательному, имени числительному, в грамматике любого из абхазо-адыгских языков будут резко отличаться от соответствующих разделов в грамматике того или иного горского дагестанского языка.

*

При составлении научной грамматики должны быть строго определены принципы описания грамматических явлений конкретных языков. Задача описательной грамматики заключается в том, чтобы дать тщательную и полную классификацию всех грамматических категорий и форм определенного языка и изложить правила использования их в соответствии с реальным состоянием этого языка в данную историческую эпоху.

Перед составителями описательных грамматик языков различных систем встают вопросы разного характера, разной степени трудности. Одним из наиболее трудных вопросов является вопрос о классификации частей речи, к которому в той или иной форме постоянно возвращаются специалисты по языкам тюркским, монгольским, иранским, финно-угорским и другим. Трудность эта объясняется тем, что в каждом языке система частей речи обладает известным своеобразием. Исследователь языка часто подходит к классификации частей речи с предвзятым представлением, которое обычно объясняется влиянием известной исследователю

[6] Известно, что послелоги бывают двух типов — в одной окаменелой форме и с некоторыми падежными формами. Поэтому при характеристике послелога в окаменелой форме приходится ограничиваться характеристикой его собственного значения, тогда как при описании послелогов с падежными формами необходимо описать значение этих последних. В то же время надлежит выяснить отношение падежных форм послелогов к формам наречий послеложного происхождения, имея в виду тенденцию падежных форм послелогов превращаться в наречия.

грамматической схемы другого, хорошо изученного языка. В наших условиях таким образцом чаще всего является схема грамматик русского языка. Само по себе сопоставление разных грамматических систем полезно: оно позволяет лучше выявить специфические особенности грамматического строя изучаемого языка. Отрицательные результаты такого сопоставления сказываются только тогда, когда под эту известную грамматическую схему начинают искусственно подгонять факты другого языка. Все мы сейчас разделяем мысль Л. В. Щербы о том, что «в вопросе о „частях речи" исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой...» [7]. Однако осуществляется этот принцип не всегда последовательно.

В недавно опубликованной статье А. И. Искакова справедливо отмечается, что основной причиной недостаточно четкой классификации частей речи в наших грамматиках по тюркским языкам является «... „навязывание" тюркским языкам „чуждых им категорий" и „рассматривание их сквозь призму других языков"...» [8]. Но автор этих слов сам допускает аналогичную ошибку, когда на той же самой странице пишет о «...сильной развитости явлений субстантивации, адъективации и адвербиализации отдельных частей речи...» [9] в казахском языке. Здесь имеются в виду имена прилагательные, которые в большинстве тюркских языков обладают чрезвычайно широкими синтаксическими функциями, в ряде случаев сближающими имена прилагательные с другими частями речи. Это сближение дало основание одним исследователям усматривать здесь проявление недифференцированности частей речи в тюркских языках, другим — «сильное развитие субстантивации, адъективации и адвербиализации». В качественном прилагательном, выступающем в роли обстоятельства, непременно хотят видеть наречие, которое либо «еще не дифференцировано от имен прилагательных», либо является «результатом адвербиализации прилагательного». Ни к тому, ни к другому объяснению не нужно было бы прибегать, если бы исследователи признали тот несомненный факт, что некоторые имена прилагательные в тюркских языках обладают весьма широкими синтаксическими функциями.

Привычная грамматическая схема, стандартная классификация мешала (и часто еще до сих пор мешает) грамматистам увидеть в изучаемом языке особое, своеобразное, самобытное. В этом отношении очень показательно то, как пробивали себе дорогу в грамматики тюркских языков образные и звукоподражательные слова как особая часть речи, которая пока еще не получила там прав гражданства. Эти слова начали отмечаться исследователями с конца XIX в. В работах Н. И. Ашмарина, позднее — Н. К. Дмитриева выделялся особый род междометий — звукоподражательные и образные слова. В 1943 г. была опубликована работа Л. Н. Харитонова «Неизменяемые слова в якутском языке» [10], в которой впервые, хотя и не четко, был поставлен вопрос о существовании в якутском языке образных и звукоподражательных слов как особой части речи. Более ясно эта идея проведена в его же книге «Современный якутский

---

[7] Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», Новая серия, II, Л., «Academia», 1928, стр. 6.

[8] А. Искаков, О классификации частей речи в казахском языке, сб «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке», Ташкент, Изд-во АН Уз. ССР, 1952, стр. 126.

[9] Там же.

[10] Л. Н. Харитонов, Неизменяемые слова в якутском языке, Якутск, Гос. изд-во ЯАССР, 1943.

язык»[11], в которой образные и звукоподражательные слова выделены наряду с наречиями, послелогами и частицами. В 1951 г. А. И. Искаковым была высказана мысль, что подражательные слова в казахском языке составляют особую категорию слов (часть речи) [12]. В 1952 г. им же в упоминавшейся выше статье «О классификации частей речи в казахском языке» было высказано утверждение о том, что подражательные слова составляют особую часть речи не только в казахском языке, но и во всех других тюркских языках.

Характерно, что прежде в описательных грамматиках «образным» или «подражательным» словам почти не уделялось внимания, хотя в ряде языков, например в якутском, они чрезвычайно распространены: условная грамматическая схема мешала обратить на них внимание и найти им соответствующее место в грамматиках. Весьма возможно, что дальнейшее изучение языков народов СССР позволит выявить еще много такого, на что до сих пор не обращалось достаточного внимания.

Специальных дискуссий и обсуждений требует вопрос о частичном оформлении частей речи, например, категории прилагательного в тюркских и финно-угорских языках.

При выделении и классификации частей речи следует опираться на сумму определенных признаков: 1) на обобщенное семантико-грамматическое значение слова; 2) на систему его форм с соответствующим кругом категорий; 3) на систему словообразовательных средств данного разряда слов; 4) на синтаксические функции слов. Соотношение этих признаков в разных языках различно. Однако именно на основании учета всех этих признаков для каждого отдельного языка выделяется своя система частей речи, не всегда совпадающая с системой частей речи родственных языков и тем более языков неродственных. За пределами этой системы могут оставаться отдельные слова и группы слов, отражающие живые процессы перехода слов одной части речи в другую, развитие или отмирание отдельных грамматических категорий. Реальный языковой материал, факты должны определять грамматическую теорию. Эта теория, будучи правильно построенной, помогает лучше понять и осмыслить факты конкретных языков.

С вопросом о выявлении специфических категорий конкретного языка связан вопрос о грамматической терминологии, возникающий при изучении мало изученных бесписьменных и младописьменных языков. При описании грамматического строя таких языков исследователь лишен возможности опереться на традицию. Поэтому ему необходимо сначала выявить специфические особенности грамматических категорий этих языков и лишь после этого давать этим категориям то или иное терминологическое наименование. Обратный путь может привести к тому, что исследователь окажется в плену традиционных терминов, которые могут помешать ему уяснить самобытную специфику самого изучаемого грамматического явления, толкнуть на искусственное отыскивание в изучаемом языке категорий другого языка. Таким образом, вопрос о терминологии выходит за рамки вопроса об условной грамматической номенклатуре и перерастает в проблему метода исследования.

В то же время следует покончить с терминологическим разнобоем, который мешает уяснению специфики близких грамматических явлений. Показательно в этом отношении прошедшее неочевидное время, встре-

---

[11] Л. Н. Харитонов, Современный якутский язык, ч. I. Фонетика и морфология, Якутск, Гос. изд-во ЯАССР, 1947.

[12] См. А. И. Искаков, О подражательных словах в казахском языке, «Тюркологический сборник», I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 103.

чающееся в некоторых финно-угорских и тюркских языках, которое до сих пор, несмотря на несомненное сходство значений, не имеет единого названия. Иногда его называют вторым прошедшим (в «Грамматике литературного коми языка» Д. В. Бубриха, 1949), прошедшим неочевидным (в грамматиках марийского языка), прошедшим настоящим или перфектом (в «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриева, 1948), прошедшим неопределенным (в грамматическом очерке, помещенном в «Чувашско-русском словаре» В. Г. Егорова, 1935). Несомненно, что точная научная терминология содействует правильному пониманию самого называемого явления.

*

Среди основных вопросов грамматики особо выделяются вопросы описательного синтаксиса конкретных языков. Для большинства языков народов СССР синтаксис — наименее разработанная часть их грамматик. Так, ни для одного из тюркских языков нет полного и всестороннего описания его синтаксической системы. В существующих грамматиках кумыкского, алтайского, шорского, турецкого, казахского, башкирского, узбекского и других языков либо дается только описание структуры предложения (например, в работах А. Н. Кононова по турецкому и узбекскому языкам), либо рассматриваются лишь некоторые — хотя и очень важные — вопросы синтаксиса (например, у Н. К. Дмитриева, который в «Грамматике башкирского языка» так и называет соответствующий раздел: «Основные вопросы синтаксиса простого предложения»). Так же обстоит дело с изучением синтаксиса монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских и палеоазиатских языков.

В разделе синтаксиса, кроме учения о предложении, обязательно должно содержаться также учение о словосочетании как о синтаксической единице, неоднородной с предложением, имеющей свои формы и свои функции в речи.

В научной литературе последних лет, особенно в работах по русскому языку, по-новому ставятся и разрешаются вопросы о словосочетании: о самом характере этой синтаксической единицы, о характере выражаемых словосочетанием отношений, об объеме словосочетания, о его форме и значении, о его отношении к предложению и к слову. Однако следует признать, что при изучении некоторых языков Советского Союза словосочетаниям до сих пор не уделяется должного внимания. Так, почти все существующие научные труды по горским иберийско-кавказским языкам в области синтаксиса ограничиваются описанием конструкций предложения и почти совершенно не затрагивают проблемы словосочетания. Игнорирование проблемы словосочетания свойственно подавляющему большинству работ, посвященных вопросам синтаксиса аварского, лакского, даргинского, лезгинского, кабардинского, адыгейского и других горских иберийско-кавказских языков. В результате до сих пор нет ни одного специального исследования по вопросу о словосочетаниях в этих языках.

При изучении словосочетаний следует иметь в виду их многообразие, их структурную неоднородность. Поэтому необходимо отграничивать от так называемых «свободных» словосочетаний те устойчивые словосочетания, которые тяготеют к лексике и по существу не должны изучаться в синтаксисе.

С вопросом о словосочетаниях тесно связан вопрос о типах связей слов в словосочетании. Это — один из основных вопросов структуры словосочетания. В работах по синтаксису большинства языков он еще только теперь начинает ставиться. Даже для таких языков, как тюркские, где

именные словосочетания уже давно обратили на себя внимание и были так или иначе описаны, словосочетания до сих пор рассматривались в отрыве от изучения способов связи слов.

Выбор того или иного способа связи слов при образовании словосочетания определяется характером синтаксических отношений и морфологической природой вошедших в него слов. Так, например, возможность присоединения притяжательных суффиксов к именам существительным в тюркских языках обусловливает наличие особых форм связей определяемого и определения (изафетная конструкция). Например, в татарском языке: *пролетариат диктатурасы* «диктатура пролетариата», *Урал заводлары* «заводы Урала» и т. д. В свою очередь способ связи слов определяет форму словосочетания, которая выражается различными аффиксами (принадлежности, падежа), служебными словами, а также и расположением членов словосочетания (порядок слов). Так, в таджикском языке порядок слов, выражающийся формулой «определяемое + определение», и наличие изафетной конструкции обусловливает специфику словосочетаний этого типа; например, *китóби хýби бирадáри бузýрги ман* «хорошая книга моего старшего брата». В некоторых языках к оформителям словосочетаний могут быть отнесены и некоторые словообразовательные аффиксы (в отдельных тюркских языках), и классные показатели (в иберийско-кавказских языках).

Известные во многих языках основные способы связи слов в предложении — согласование, управление и примыкание — в разных языках имеют разное применение. В значительной части языков народов СССР отсутствует согласование прилагательного и существительного. Ср. в татарском языке: *кызы́л чәчәк* «красный цветок», *кызы́л чәчәкне́ң* «красного цветка» и т. д.; в коми: *гӧрд чы́шъян* «красный платок», *гӧрд чышъянлӧ́н* «красного платка», *гӧрд чы́шъянлы* «красному платку» и т. д.

В некоторых языках существуют способы связи слов, отсутствующие в других языках, например, инкорпорация в палеоазиатских языках. Все это свидетельствует о сложности и многосторонности проблемы словосочетания, его формы и характера связей его компонентов, и убеждает, что изучение словосочетаний в каждом конкретном языке требует тщательного и всестороннего учета специфики данного языка.

Как уже отмечалось выше, проблема словосочетания связана не только с вопросами синтаксиса: она относится и к лексикологии. Во многих языках словосочетания по своей форме сближаются со словом: они принимают общий для всего словосочетания показатель синтаксического отношения к другим словам и словосочетаниям в предложении (например, падежный аффикс при изафетном словосочетании в тюркских языках); иногда словосочетания принимают даже и общий словообразовательный аффикс (например, в якутском языке). Во многих языках словосочетания образуют тесные смысловые единства и на их основе легко формируются сложные слова, фразеологические сочетания и идиомы (ср. якутск. *кыһы́л көмýс* «золото»; *киӭҥ көгýс* «терпение», буквально: «широкая спина»; кирг. *оҥ көз* «надежный человек»).

Для ряда языков Советского Союза не разрешен вопрос о специфике сложноподчиненного предложения. Особенно это относится к тем языкам, в которых отсутствует выражение подчинения в сложном предложении посредством подчинительных союзов и где широко развиты так называемые причастные и деепричастные обороты (языки тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и некоторые другие).

Причастия или, как их часто называют, глагольные имена во многих языках представляют собой очень своеобразные формы глагола. Обладая широкими синтаксическими функциями, они имеют словоизменение и

глагола, и имени. Эти формы стоят на разных ступенях своего исторического развития; они очень подвижны. Одна и та же причастная форма в разных языках, относящихся к одной семье, может быть то ближе к именам существительным, то ближе к собственно глагольным формам. Так, например, форма на *-дык* в туркменском языке стоит на грани перехода в имена существительные, тогда как аналогичная форма в якутском языке (аффикс *-тах*) может быть отнесена к собственно глагольным формам. В орхонских памятниках — это причастная форма, обладающая широкими синтаксическими функциями.

Но и в пределах одного языка разные причастные формы нередко оказываются неоднородными. Одни из них сохраняют всю полноту синтаксических функций глагола; другие тяготеют или даже совсем перешли в состав имен существительных, сохранив управление глагольной основы, и только в особых оборотах выступают как причастия; третьи, наконец, являются собственно глагольными формами и тоже только в особых случаях обнаруживают свое причастное происхождение.

В каждом из тюркских языков эти процессы протекают по-своему, и потому для установления роли так называемых причастных оборотов в синтаксисе того или иного языка необходимо детальное описание системы глагольных форм с тем, чтобы выявить их синтаксические функции и особенно синтаксические функции причастий и деепричастий.

При описании синтаксиса почти для каждого из этих языков высказываются обычно две противоположные точки зрения, из которых одна отрицает за причастными оборотами право называться придаточными предложениями, считая их развернутыми членами простого предложения, другая, напротив, считает именно их основной формой придаточного предложения в этих языках. Некоторые, правда, находят возможным часть причастных оборотов рассматривать как придаточные предложения, другую часть считать членами простого предложения (Н. К. Дмитриев) [13]. Эти разногласия объясняются, с одной стороны, особенностью самих причастных и деепричастных форм в данных языках, а с другой — и подходом исследователей к изучаемым явлениям.

Очевидно, что в этих языках необходимо специально исследовать систему средств выражения подчинительной связи. Необходимо решить вопрос — можно ли считать наличие относительных местоимений, с помощью которых выражается подчинение, например, в русском языке, обязательным признаком придаточного предложения, или в других языках могут существовать другие способы выражения подчинения (как, например, в горских иберийско-кавказских и некоторых других языках построение определенных типов сложного предложения путем присоединения к глагольной форме специального аффикса, благодаря которому данная глагольная форма становится сказуемым придаточного предложения). Решение этого вопроса, казалось бы, должно было вытекать из рассмотрения конкретного материала различных языков. Однако очень часто исследователи исходят не из этих материалов, а из априорного утверждения, что придаточными предложениями можно считать только те, отношения которых к главному выражены специальными подчинительными союзами или союзными словами, или из другого столь же априорного положения, что всякое выражение сложной мысли есть сложное предложение.

[13] Отметим также, что некоторые исследователи (Т. А. Бертагаев) в монгольских языках обнаруживают придаточно-подчиненные предложения, не сводимые к причастным и деепричастным оборотам, которые поэтому и не определяются как придаточные предложения.

Особого внимания заслуживает вопрос об отграничении конструкций книжной, письменной речи от конструкций, составляющих специфическую особенность речи разговорной. Хотя такое разграничение может быть более или менее последовательно проведено лишь для старописьменных языков, а для языков младописьменных нормы письменной речи опираются в основном на разговорную речь носителей данного языка, но в то же время несомненно, что вновь складывающиеся литературные языки уже в процессе своего формирования вырабатывают формы и конструкции, отличающие письменную речь от устной. При этом следует различать, с одной стороны, конструкции, возникшие на основе развития грамматического строя данного языка по его внутренним законам, и, с другой стороны,— синтаксические кальки. В этом плане особое внимание должны, например, привлечь живые процессы и пути образования сложных предложений и других синтаксических конструкций в литературе и публицистике младописьменных языков, находящихся в этом отношении под благотворным влиянием русского языка.

Так, например, в литературном коми языке все шире используется творительный падеж действователя (*Ке́ркасö стро́итöма пло́тникъясöн* «Дом построен плотниками»). В удмуртском языке, структура которого в древности напоминала структуру тюркских языков, в настоящее время оформились, хотя и не полностью, сложноподчиненные предложения, например: *Стахановецъёс, кудъёсыз заводы́н ужало́* «Стахановцы, которые работают на заводе»; *Ваньмы́з тодо́, ма кароно́* «Все знают, что делать» и т. д. [14]; в мордовском: *Штобу кармавто́мс ло́матнень ку́нсоломост, кня́зтне, ха́нтне ды инязо́ртнэ по́кшолгавтнесть эсе́ст дружи́наст* «Чтобы заставить людей повиноваться, князья, ханы и цари увеличивали свои дружины». Характерно также для мордовского синтаксиса развитие придаточных предложений, вводимых союзом *што* (русск. «что»).

Отмечая новые конструкции, научная описательная грамматика в то же время должна предостеречь от некритического калькирования несвойственных данному языку конструкций (ср. нередкие случаи именно такого калькирования в литературе на горских иберийско-кавказских языках).

*

Много неразрешенных вопросов связано с проблемами словообразования и его места в системе грамматики. Традиционная описательная грамматика включает словообразование в морфологию — в описание тех или других частей речи. Однако вопрос о месте словообразования не может решаться в традиционном плане. Марксистское понимание соотношения грамматики и лексики помогает точно определить место словообразования как самостоятельного раздела, тесно связанного как с грамматикой (морфологией), так и с лексикологией. Абстракция, выражаемая словообразовательными формативами, до некоторой степени сближается с абстракцией в лексике, поскольку здесь выделяются категории предметов и явлений, обладающие теми или иными признаками. В то же время в ряде языков словообразование сближается также с морфологией, поскольку определенные словообразовательные типы закономерно связаны с определенными типами словоизменения.

«Словообразование, — пишет В. В. Виноградов, — является, с одной стороны, связующим звеном между основным словарным фондом и грамматикой языка, а с другой — оно определяет формы и виды

[14] См. П. Н. Перевощиков, Краткий очерк грамматики удмуртского языка (синтаксис, лексика, морфология), «Удмуртско-русский словарь», М., Изд-во иностр. и нац. словарей, 1948, стр. 369—446.

связей и взаимодействий основного словарного фонда с общим словарным составом языка» [15]. Поэтому можно думать, что тщательное и всестороннее изучение всех способов словообразования в отдельных конкретных языках, описание всех продуктивных и непродуктивных способов образования новых слов, строго научное разграничение словообразования и формообразования в дальнейшем приведет к выделению словообразования в самостоятельный раздел языкознания. Однако наша современная грамматическая наука пока еще не дала образцов построения словообразования как такого самостоятельного раздела. По традиции оно рассматривается в разделе морфологии, при описании соответствующих частей речи. Для этого есть свои основания: как уже сказано, словообразовательные категории во многих языках тесно связаны с определенными грамматическими классами слов и с категориями словоизменения.

Так же, как и при описании всех других языковых явлений, при описании словообразования необходимо прежде всего выделять специфическое, особое для данного языка. Так, например, в описании словообразования в тюркских, монгольских и других языках необходима характеристика не только хорошо в них изученного морфологического словообразования, но и мало изученного словообразования аналитического. В тюркских языках аффиксальное словообразование изучено сравнительно хорошо. Однако этого нельзя сказать о словообразовании аналитическом, которое только в самое последнее время стало привлекать к себе внимание исследователей (ср. описание «сложных глаголов» в работах А. Н. Кононова). Данный способ словообразования не обращал на себя внимания прежних исследователей, которые пытались описывать тюркское словосложение по индоевропейским образцам. Эти исследователи обращали внимание лишь на те случаи сложения основ, когда в сложном слове не сохранялась форма словосочетания (например, *бугун* «сегодня» из *бу кун* «этот день»).

Словосложение с сохранением синтаксической формы словосочетания, являющееся основной формой сложения основ в тюркских языках, в редких грамматиках рассматривается как способ образования сложных слов. Даже в тех языках, в которых структура, например, парных слов позволяет прослеживать их во всех частях речи (ср. в якутском), они отмечаются только для имен существительных и прилагательных. Между тем создание терминов в литературных языках тюркоязычных народов выявило в очень широких масштабах, что словосложение в этих языках происходит аналитически, причем форма словосочетания выбирается в зависимости от отношения слагаемых основ (ср., например, кирг. «мировоззрение» — *дүйнөгө көз карáш*, «миролюбие» — *тынычтыкты сүйүүчүлүк*).

Но эти материалы в наши грамматики еще не попали, повидимому, на том основании, что такие слова считаются переводными. Однако нельзя отрицать, что такие переводные слова отражают национальную специфику словообразования, что бóльшая часть этих переводных терминов вошла в специальную лексику того или иного языка и постоянно употребляется на страницах газет, журналов, в выступлениях на собраниях и т. п.

Анализ изданных уже в самое последнее время грамматических работ свидетельствует об ошибках и путанице в описании системы словообразования. В этом отношении показательна вышедшая в 1951 г.

---

[15] В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 119.

«Грамматика азербайджанского языка» [16]. Следует признать, что система словообразования азербайджанского языка описана здесь неудовлетворительно. Составители ограничились простым перечнем словообразовательных аффиксов, не дали полного описания их значении, обошли вопрос о продуктивности или непродуктивности тех или иных аффиксов. В книге отсутствуют указания на случаи перехода от формообразования к словообразованию, ничего не говорится об аналитическом словообразовании в азербайджанском языке. Правда, здесь есть раздел, посвященный сложным словам, но в этом разделе неправомерно объединены действительно сложные слова, образовавшиеся из словосочетаний, и свободные словосочетания, состоящие из двух или нескольких слов. Этот раздел книги представляет собой простой перечень разных видов словосочетаний с разной степенью лексико-синтаксической спаянности компонентов.

Очень слабо разработаны вопросы словообразования в горских иберийско-кавказских языках, несмотря на то, что словообразование в этих языках имеет свои ярко выраженные специфические особенности. В результате вместо того, чтобы при создании новой научной терминологии, использовать собственные способы словообразования, писатели, переводчики и журналисты нередко переносят в свои языки искусственные, не свойственные этим языкам способы словообразования, допускают грубые ошибки и разнобой при создании новых терминов. Например, в литературе на кабардинском языке при образовании имен прилагательных от существительных то используют русский словообразовательный суффикс *-ск*, то употребляют имя существительное в функции прилагательного без какого-либо специального суффикса (например, *Азербайджанскэ республикэ* и *Азербайджан республикэ*). Аналогичные факты имеют место и в других младописьменных горских иберийско-кавказских языках.

Разработка вопросов словообразования с учетом национальной языковой специфики — одна из первоочередных задач составителей описательных грамматик конкретных языков.

*

Описательная грамматика не может быть освобождена от элементов истории языка; без учета исторических процессов не могут быть правильно поняты те постепенные изменения, которые происходят в грамматической системе языка на всех этапах его развития, в том числе и на современном этапе, не могут быть осмыслены некоторые реликтовые явления в современной грамматической системе — так называемые «исключения» из действующих правил. Это значит, что факты современного языка, требующие исторических комментариев, обязательно должны сопровождаться такими комментариями. Ф. Энгельс указывал, что понять язык можно лишь тогда, «когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие» [17], что отсутствие исторического фундамента при исследовании языка ведет к возрождению старомодной грамматики со всей ее произвольностью[18]. Ф. Энгельс наметил и пути воссоздания исторической картины развития конкретного языка, идущие по двум основным линиям: 1) изучение отживших или отживающих форм описываемого языка и 2) сравнительное изучение данного языка наряду с языками, нахо-

[16] Грамматика азербайджанского языка, под ред. М. Ширалиева и др. ч. I, Баку, Изд-во АН Азерб ССР, 1951 [на азерб. яз.].
[17] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 303.
[18] См. там же, стр. 304.

дящимися с ним в той или иной степени генетического родства, причем с языками не только живыми, но и мертвыми [19].

Исторический подход к изучению младописьменных и бесписьменных языков значительно осложняется отсутствием сколько-нибудь древних памятников. Всю, даже относительно недалекую историю этих языков и отдельных их элементов приходится восстанавливать исключительно исходя из их современного состояния, из состояния их диалектов и из современного же, как правило, состояния родственных им языков.

Особенно важное значение при этом имеет изучение различного рода исключений из действующих правил, причем эти исключения чаще всего представляют собой пережиточные явления, а установление «пережиточности» того или иного явления и раскрытие его существа наиболее полно осуществляется сравнительно-историческим анализом. Для языков же, не имеющих генетического родства с другими языками, или таких, генетические связи которых в науке остаются невыясненными (например, из языков народностей Севера: нивхский, кетский, юкагирский), единственным путем восстановления их истории остается изучение сохранившихся в них пережитков.

В описательной грамматике любого современного языка исторические экскурсы не должны превращаться в самоцель; они должны служить средством для более глубокого понимания грамматической системы современного языка.

Так, например, чтобы понять различие форм основы в именительном и косвенных падежах некоторых финских имен существительных (например, *järvi* «озеро», род. падеж *järven* «озера»), полезно напомнить, что именительный падеж этого слова некогда также оканчивался на *е*. Для объяснения появляющегося в некоторых основах слов коми языка звука *й* перед формой притяжательного суффикса 3-го лица (например, *гыж* «копыто», *гыжйыс* «его копыто») полезно также указать, что этот *й* представляет видоизменение конечного гласного некогда двусложной основы. При описании так называемого продленно-прошедшего времени, встречающегося в эрзя-мордовском языке (например, *ловнылинь* «я читал», *ловнылить* «ты читал», *ловныль* «он читал» и т. д.), уместно указать, что в его образовании некогда участвовал вспомогательный глагол *улемс* «быть», откуда его совпадение с суффиксами сказуемости типа *ломанелинь* «человек был я», *ломанелить* «человек был ты» и т.д. Полезно также прибегать к историческим экскурсам в случаях омонимии форм. Например, в молдавском языке 3-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени некоторых типов глаголов имеет одинаковую форму (например, *кынтэ* «он поет» и *кынтэ* «они поют»), где первое восходит к латинскому *cantat*, а второе к *cantant*. Исторический экскурс в данном случае поможет понять и определить современные грамматические формы.

Что касается сопоставления описываемого языка с фактами родственных языков, то и в этом случае все должно быть подчинено основной цели: всесторонне охарактеризовать особенности грамматики данного языка в его современном состоянии, и лишь в той мере, в какой сопоставления с родственными языками непосредственно способствуют этой задаче, они нужны и желательны.

Однако на этом пути перед исследователем возникает немало трудностей. Так, при составлении тюркских грамматик сопоставления затрудняются неравномерностью изученности разных языков. Дело осложняется еще тем, что тюркские языки имеют, как известно, много общего с языками монгольскими и тунгусо-маньчжурскими. Кроме того, не следует

[19] См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 303.

забывать и тот факт, что нередко очень своеобразные взаимоотношения складываются между тюркскими языками, с одной стороны, и языками других семей, с которыми непосредственно граничат тюркские народы,— с другой (ср., например, взаимодействие между языками узбеков и таджиков, уйгуров и китайцев, тувинцев и монголов, якутов и эвенков, чувашей и марийцев и т. д.). Поэтому, пользуясь сравнительно-историческим методом при описании грамматики того или иного современного тюркского языка, исследователь должен учитывать своеобразное положение данного языка в кругу других родственных и соседних неродственных языков.

Исторические и сравнительно-исторические экскурсы в описательной грамматике должны служить и другой цели: они должны способствовать выявлению живого и продуктивного в языке. Во многих младописьменных и бесписьменных языках Советского Союза в настоящее время под влиянием русского и других старописьменных национальных языков развиваются новые грамматические формы и категории. Например, к числу новых явлений, которые должны получить свое отражение в грамматике младописьменных и бесписьменных восточнокавказских и западнокавказских языков, относятся: 1) развитие личного спряжения в младописьменном лакском, бесписьменном бацбийском и других языках; 2) превращение послелогов в глагольные аффиксы в младописьменных абхазском, даргинском, бесписьменных кистинском, хиналугском и других языках под влиянием русского и грузинского языков; 3) развитие относительного подчинения в кабардинском, аварском, кистинском, бацбийском, крызском и других языках. Такие новые, зарождающиеся явления должны найти свое полное отражение и объяснение в описательных грамматиках соответствующих языков.

*

Роль грамматик в развитии языков чрезвычайно велика. Поскольку описательная грамматика устанавливает систему норм, систему действующих правил, определяет живые тенденции языкового движения и на научных основаниях отвергает то, что противоречит законам языка, постольку описательная грамматика направляет развитие литературного языка по правильному пути. Полная, строго научная, построенная на правильных методологических основах описательная грамматика помогает не только познать и изучить языковые законы и правила, но и применить их вполне сознательно в интересах людей, в интересах постоянного совершенствования языка как средства общения людей в обществе.

Языковые категории абстрагированно отражают результаты работы человеческой мысли. Поэтому точное и всестороннее описание грамматического строя языка имеет огромное культурно-познавательное и общественно-историческое значение. Нет сомнения в том, что советские языковеды с честью справятся со стоящими перед ними задачами и создадут полноценные научные описательные грамматики всех языков нашей многонациональной Родины.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1953

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. И. ЕФИМОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX — НАЧАЛА XX вв.

Вопросы развития литературного языка, как и вообще национальной речевой культуры, вызывают огромный интерес у всей нашей общественности и в первую очередь — у языковедов, литературоведов и самих «мастеров слова».

В свете работ И. В. Сталина по языкознанию ставятся и обсуждаются сложные и нерешенные вопросы, связанные с пониманием самой специфики литературного языка, его отношения к языку общенародному, роли «мастеров слова» в творческой обработке богатств общенародного языка, вопросы о диалектных и просторечных речевых средствах, о социальных жаргонах, о народности языка художественного произведения, не говоря уже о многих более специальных проблемах стилистики (о составе стилей литературного языка, о слоге писателя, о художественно-эстетических качествах языка литературного произведения и т. п.).

В данной статье мы касаемся некоторых спорных вопросов в развитии литературного языка, раскрывая и комментируя их преимущественно на материале из истории русского литературного языка XIX — XX в.

Одним из сложных вопросов, стоящих перед историками литературного языка, является определение самой специфики последнего и его отношения к языку общенародному. Литературный язык — это в своей основе язык общенародный, обработанный и творчески обогащенный «мастерами слова». Поэтому его нельзя противопоставлять языку общенародному, а необходимо рассматривать как высшее достижение речевой культуры народа. Литературный язык — это высшая форма, цвет языка общенародного, результат речетворчества всего народа во главе с его выдающимися «мастерами слова». Средства и нормы литературного выражения не только создаются всеми носителями языка, но — что очень важно — бережно и заботливо охраняются обществом как большая культурная ценность.

Народ — творец и носитель языка. Это положение открывает ясные перспективы изучения как самой специфики литературного языка, так и закономерностей его исторического развития в неразрывной связи с историей общества, с историей народа.

История русского литературного языка со всей очевидностью убеждает, что язык — и в первую очередь его словарный состав — весьма чутко реагирует на различные изменения в истории народа и прежде всего в общественной жизни, что история появления и употребления многих слов и выражений тесно связана с развитием общественной мысли. Так,

например, в 40—60-х годах XIX в. входят во всеобщее употребление такие слова, как *социализм*, *коммунизм*, *конституция*, *реакция*, *прогресс* и т. д. Ср. также замечания проф. П. Я. Черных о появлении на разных этапах истории русского народа таких слов, как *крестьянин*, *дворянин* (с XV в.), *работные люди*, *мастеровые* (с XVII в.), *рабочие* (с XIX в.) и др.[1]

Разные общественно-исторические факторы оказывали большое влияние на развитие языка. Значительную роль играло развитие производства, появление классов, письменности, зарождение государства, развитие торговли, развитие литературы. Каждый из этих факторов не только нашел свое отражение в русском литературном языке, но и оказал известное влияние на развитие средств литературного выражения.

К важнейшим задачам, связанным с изучением истории литературного языка в связи с историей общества, относятся: во-первых, определение того, как история народа находит свое отражение в формировании средств литературного выражения, как развитие общественной жизни влияет на развитие стилей литературного языка, в силу чего в нем появляются новые слова и выражения, а также изменяется смысловое значение многих слов, постепенно выходят из употребления устаревшие слова и т. д.; во-вторых, изучение того влияния, которое язык, будучи средством общения, орудием борьбы и развития общества, оказывает на развитие культуры, науки, литературы и искусства; в-третьих, выяснение тех определяемых внутренними законами языка специфических явлений в развитии и совершенствовании морфологической и синтаксической структуры, в которых общественная жизнь находит не прямое, а преломленное, опосредствованное отражение.

*

Одной из важнейших задач истории литературного языка является определение значения и роли «мастеров слова» в творческой обработке общенародного языка. Было бы совершенно неправильно полагать, что под «мастерами слова» следует разуметь исключительно только поэтов и писателей. Такая точка зрения не только предельно суживает круг тех лиц, которые играют роль в развитии средств литературного выражения, но и неправильно, односторонне представляет самый процесс развития литературного языка.

Литературный язык с его двумя основными разновидностями — письменно-книжной и устно-разговорной — представляет собой сложную систему стилей (художественно-беллетристических, общественно-публицистических, научных, производственно-технических, документально-деловых и т. п.), исторически развивающихся и находящихся в постоянном взаимодействии. Писателям принадлежит выдающаяся роль в развитии стилей поэзии и прозы. Но не одни только писатели являются творцами литературного языка. Нельзя, например, умалять роль видных ученых, принимавших деятельное участие в формировании стилей научного изложения. Это относится, например, к Ломоносову, создавшему многие научные термины, широко известные в литературном языке. То же самое можно сказать о роли Белинского в формировании стилей литературно-критических работ. Не менее велика роль передовых общественных деятелей и публицистов, например Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, которые оказали огромное влияние на развитие

[1] См. П. Я. Черных, О связи развития языка с историей народа в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.—Л., 1951, вып. 3, стр. 244.

общественно-публицистических стилей русского литературного языка второй половины XIX в.

В соответствии с этим нельзя, например, сказать, будто все заслуги в создании современного белорусского литературного языка принадлежат лишь писателям Янке Купале и Якубу Коласу. Нет сомнения, что вся белорусская общественность во главе с лучшими писателями, общественными деятелями, учеными, журналистами, учителями, а также специалистами-языковедами принимала и принимает самое деятельное участие в формировании и совершенствовании средств и норм белорусского литературного языка.

Обратимся теперь к вопросу, решение которого может пролить свет на соотношение литературного языка и общенародного, а также будет способствовать правильному пониманию роли «мастеров слова» в развитии национальной речевой культуры,— к вопросу о существе самого процесса, который называется творческой обработкой народного языка. Эта литературно-творческая обработка общенародного языка осуществляется обычно в двух направлениях: 1) отбор из огромного запаса общенародного языка наиболее ярких, жизненных и типичных речевых средств; 2) творческое обогащение и развитие этих речевых средств, осуществляемое лучшими «мастерами слова».

Отобранные в литературный язык речевые средства рассматриваются затем как образцовые, общепринятые в литературном обиходе, как «правильные» и закрепленные традицией. Поэтому выбор средств литературного выражения имеет огромное значение для дальнейшего развития речевой культуры народа, являющейся составной частью всей его культуры. Горький был очень строг и требователен в этом отношении. Упрекая некоторых писателей в неразборчивости, в попытках привлечь в литературный язык всякий «хлам», он справедливо призывал следовать практике лучших русских писателей-классиков. Он писал: «...начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот „великий прекрасный язык“, служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого»[2].

Какие речевые средства отбираются в литературный язык и какие остаются за его пределами? Исторический процесс формирования русского литературного языка свидетельствует о непрекращающемся пополнении средств литературного выражения за счет наиболее жизненных и всему народу широко известных слов, выражений, оборотов и конструкций, наиболее типичных и характерных для непрерывно развивающегося общенародного языка. Вбирая и осваивая общеупотребительные речевые средства, литературный язык в то же время оказывал заметное влияние на развитие лексики, фразеологии и грамматического строя общенародного языка.

Лексика и фразеология литературного языка, пополняясь не только за счет национальных речевых запасов, но и путем заимствования, а также благодаря появлению в разных стилях литературного языка множества неологизмов, в свою очередь распространяется во всем общенародном языке и становится общеупотребительной. Литературный язык не только постоянно пополняется словами общенародного языка, но в свою очередь поставляет в общенародный язык новые и жизненно необходимые слова. Например, слова *коммунизм*, *социализм*, *революция*, *агитация*, *пропаганда* получили широкую известность через посредство общественно-публицистических стилей литературного языка, характерных для революционно-демократической литературы XIX в. Прежде чем войти в основной словарный фонд общенародного русского языка, они вначале

[2] М. Горький, сб. «О литературе», М., «Советский писатель», 1937, стр. 146.

употреблялись в стилях революционно-демократической публицистики, распространяясь затем в стили научно-философские, официально-документальные, художественно-беллетристические и т. д.

В состав средств литературного выражения отбирается далеко не всё, чем располагают словарный состав и грамматический строй языка. Обычно за пределами литературного языка остаются:

а) диалектные слова и выражения, а также элементы словообразования и синтаксические конструкции, характерные для какого-либо говора или группы их;

б) просторечные слова, употребляемые в различных социально-речевых стилях общенародной разговорно-бытовой речи, но не имеющие прав литературности (*огорошить*, *подкузьмить*, *объегорить*, *налимониться* и т. д.), а также просторечные значения многих общеупотребительных слов: *вкатить*, *заехать*, *залепить* (в смысле ударить), *стянуть* (украсть), *надуть* (обмануть), *смазать* (промахнуться) и т. п.;

в) жаргонная лексика, фразеология и элементы словоупотребления, характерные для существовавших в прошлом жаргонов;

г) арготические слова и выражения, свойственные, например, воровскому арго, а также арго картежников, людей социального дна и т. д.;

д) специфические профессиональные термины, хотя и имеющие права литературности, но не входящие во многие стили литературного языка из-за ограниченности сферы их применения и непонятности для неспециалистов.

Кроме отбора различных речевых средств общенародного языка, происходит также их обработка, осуществляемая «мастерами слова». Обратимся к тому, что конкретно следует понимать под этой творческой обработкой. Развитие русского литературного языка в XIX в. свидетельствует, что эта обработка выражается в следующем.

1. Происходит дальнейшее развитие значений общеупотребительных слов, осуществляемое в соответствии с внутренними законами развития языка. Например, благодаря словоупотреблению Горького (*бывшие люди*), у слова *бывшие* появился новый смысловой оттенок, вследствие чего это слово стало употребляться для социально-идеологической характеристики известного круга людей.

2. Осуществляется фразеологическое новаторство, обогащающее язык меткими образными изречениями, новыми удачными словосочетаниями. «Язык неистощим в соединении слов»,— утверждал Пушкин, имея в виду те огромные и неистощимые возможности, которые представляет родной язык для творческой деятельности. В подтверждение укажем на получившие широкую известность выражения — Гончарова (*жалкие слова*), Тургенева (*дворянское гнездо*), а также сатирические формулы Салтыкова-Щедрина (*телячьи восторги*, *административное остроумие* и т. п.).

3. Развиваются и обогащаются средства словесно-художественной изобразительности — сравнения, метафоры, эпитеты, перифразы и т. п.

4. Создаются новые слова, причем некоторые плоды словотворчества писателей, ученых и публицистов становятся достоянием общеупотребительной лексики.

5. В процессе обработки общенародного языка происходит непрерывное улучшение и совершенствование его грамматического строя. Роль «мастеров слова» в этом улучшении грамматического строя вполне очевидна.

Белинский, придававший большое значение слогу художественных произведений, неоднократно отмечал заслуги писателей в смысле развития и совершенствования грамматического строя языка. Например, по его мнению, «Карамзин имел огромное влияние на русскую литературу.

Он преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славянщины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи»[3].

Существование в литературном языке двух основных разновидностей — письменно-книжной и устно-разговорной, развивающихся в тесном единстве, дает интереснейший материал для познания разных сторон одного и того же явления. Разговорная литературная речь в отношении лексико-фразеологического состава в основных своих чертах совпадает с книжной, чего нельзя сказать об ее структурно-синтаксическом своеобразии. Стремление освобождаться от специфически книжных, порою тяжеловесных и громоздких конструкций и оборотов — вот одна из основных закономерностей, которые характерны для исторического развития ряда стилей русского литературного языка и, в первую очередь, стилей художественной литературы. Решительно порывая с устаревшими традиционно-книжными, условно-риторическими приемами повествования, многие русские писатели XIX в. практиковали различные приемы стилизации, воспроизводя в художественной литературе средства и приемы выражения, характерные для разговорной речи. Например, «Капитанская дочка» написана от имени Гринева, «История села Горюхина» — Белкина; в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» стилизуется рассказчик — Рудый Панько; в «Герое нашего времени» даны рассказы Максима Максимыча или же воспроизведен журнал Печорина; множество рассказов В. Даля, Тургенева и других писателей написаны не от автора, а рассказываются каким-либо персонажем. Такой прием позволяет стилизовать живую и многообразную разговорную речь.

*

Специфика литературного языка состоит в том, что это язык нормированный — как в отношении словарного состава, так и в отношении грамматики. В отличие от диалектов, просторечных речевых средств литературный язык немыслим без исторически развивающейся литературной нормы. Понятие литературной нормы находится в непосредственной зависимости от внутренних законов развития каждого языка, благодаря действию которых в языке происходит постепенное и длительное накопление элементов нового качества и постепенное отмирание элементов старого качества. В языке, таким образом, постоянно зарождается и появляется новое и отмирает старое, не удовлетворяющее уже функции языка как средства общения, орудия борьбы и развития общества.

Литературная норма определяет самый круг тех речевых средств, которые в данное время (или эпоху) являются жизненными, активными и общепринятыми. Она призвана устанавливать и узаконивать употребление типичного для литературного языка и его стилей круга слов, их значений (лексико-семантические нормы), морфологической структуры и синтаксических конструкций (грамматические нормы), а также самые приемы употребления речевых средств, методы создания средств художественной изобразительности (стилистические нормы), не говоря уже о единообразном произношении, принятом для каждого литературного языка в определенный период его развития (орфоэпические нормы).

Литературная норма изменяется в соответствии с общими закономерностями развития языка. Она, безусловно, не может быть антиисторичной, не может идти против течения и предписывать языку то, что не соответствует его состоянию и тенденциям развития. Нормализаторы

[3] В. Г. Белинский, Соч., СПб., 1896, т. III, стр. 299.

языка не должны отставать от века и удерживать в языке отжившее, исчезающее. Творцом и носителем языка является народ. Поэтому литературная норма должна быть в идеале общенародной, современной и отражать поступательное развитие языка.

Высоко оценивая «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля, В. И. Ленин, однако, отметил, что этот словарь «областнический» и устарел, что следует создать новый словарь современного русского языка. Это указание имеет очень важное значение для понимания литературной нормы: она не включает в современную общеупотребительную лексику «областнические», т. е. местные, диалектные слова; она исключает из лексикона всё устаревшее, не отражающее современного состояния русского языка.

Так как под понятием литературного языка объединяются две его разновидности — книжная и разговорная, то вопросы нормы и культуры речи относятся к той и другой, но прежде всего к языку книжно-литературному, который служит задаче наиболее широкого культурного общения; именно на его основании создается национальная языковая норма. Однако несомненно, что нормализации подвергаются не только письменные формы книжно-литературного языка, но и его устные формы (лекции, доклады, речи, выступления по радио и т. п.)[4].

*

Речевым средствам, входящим в систему литературного языка, обычно противопоставляется просторечие. В отличие от литературного языка с его общепризнанной нормой, просторечие обычно квалифицируется как отступление от этой нормы, как нелитературная речь. К просторечию относятся те многочисленные и весьма разнообразные по своему происхождению речевые средства, которые будучи употребительны в различных социально-речевых стилях общенародной разговорно-бытовой речи, остаются за пределами литературного языка и рассматриваются как фамильярно-упрощенные, иногда грубоватые, не характерные для книжной речи и образцового языка. От диалектизмов просторечные слова отличаются тем, что они бытуют не в каком-либо одном говоре, а известны всему народу. Таковы, например, слова *якшаться* (слово, употребляемое Пушкиным), *трухну́ть* (Гоголем), *гурьба* (Щедриным) и другие, отнесенные академическим словарем 1847 г. к просторечным.

Многие слова, которые словарем Академии российской еще квалифицировались как просторечные, с течением времени вошли в литературный язык. Примером могут служить слова *ковылять*, *молодиться*, *свадьба*, *молодежь* и др., которые в словарях XIX в. и современных уже не имеют стилистических помет, указывающих на их просторечный характер. Из этого можно сделать вывод, что просторечие — резерв, за счет которого пополняется лексика литературного языка.

Видную роль в системе средств литературного выражения играют также те просторечные значения, которые возникают у общеупотребительных слов вследствие их метафорического употребления (*накатать* в смысле написать, *так и режет* — бойко говорит и т. п.). Эти просторечные значения охотно привлекались в художественную литературу, потому что они образны, эмоциональны и экспрессивны. Например, Гоголь неоднократно прибегал к просторечным образно-метафорическим значениям слов, используя их в целях создания комического: «А там уже в стороне четыре пары *откалывали* мазурку»; «...Чичиков понял заковыку, которую

[4] См. Е. С. Истрина, Нормы русского литературного языка и культура речи, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 13.

завернул Иван Антонович»; «...и протопопшу *надул* более чем на сто рублей»; «Скрипки и трубы *нарезывали* где-то за горами» («Мертвые души»; курсив наш.— *А. Е.*).

Следует при этом заметить, что привлечение подобных значений, наблюдающееся в стилях художественно-беллетристических, не типично для некоторых других стилей литературного языка (документально-деловых, производственно-технических и др.). Следовательно, то, что типично и закономерно для формирования одного стиля, может быть не характерно для другого. С другой стороны, далеко не все элементы просторечия входили и входят в систему речевых средств, считающихся литературной нормой. Это относится не только к грубо фамильярным словам (*налимониться*, *рыло*, *морда*, *рожа* и др.), но и к некоторым элементам и способам словопроизводства.

Приобщиться к средствам литературного выражения этим просторечным элементам мешает их своеобразный «стилистический паспорт», свидетельствующий о принадлежности их к различным социально-речевым стилям разговорно-бытовой речи народа. Чтобы раскрыть понятие литературности и существо литературной нормы, необходимо кратко охарактеризовать эти социально-речевые стили и их место в системе общенародного языка.

*

Социально-речевые стили — это отличающиеся особенностями словоупотребления многочисленные разновидности общенародной разговорно-бытовой речи. Характер этих разновидностей зависит от неоднородности самих носителей языка: представители различных социальных прослоек вносят в разговорную речь некоторые специфические черты, отражающие круг их интересов, вкусы и излюбленные приемы выражения. Указывая, что язык общенароден и неклассов, И. В. Сталин пишет: «Но люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются „классовые“ диалекты, жаргоны, салонные „языки“»[5].

Итак, жаргоны создаются верхушечными слоями имущих классов, которые оторвались от народа, стараясь противопоставить себя ему и в отношении речевой культуры. Помимо этих верхушечных слоев имущих классов, в обществе сосуществуют различные социальные группы и прослойки, которые тоже несколько отличаются в смысле использования языка, выделяются в отношении специфики словоупотребления. Существованием этих социальных групп и прослоек определяется наличие в языке социально-речевых стилей, являющихся достоянием преимущественно общенародной разговорно-бытовой речи; так, например, речь свах в произведениях А. Островского — это конкретный, частный случай использования весьма немногих слов и выражений русского языка, представляющего собой, по выражению Ломоносова, «едва ли пределы имеющее море».

В отличие от жаргонов, располагающих специфическими и часто непонятными народу словами и выражениями, социально-речевые стили разговорно-бытовой речи по составу и характеру привлекаемого словарного и грамматического материала понятны и доступны всем. Но при всем этом особая печать лежит, например, на словоупотреблении чеховского

[5] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

унтера Пришибеева, пушкинского Савельича, гоголевского Манилова, старообрядцев, изображенных Мельниковым-Печерским, чиновников и помпадуров у Щедрина и т. д. Заслугой русских писателей и показателем реалистичности их творчества обычно считалось точное воспроизведение речи персонажей, принадлежавших к различным социальным прослойкам, уменье воспроизвести то типичное, что характерно для каждого социально-речевого стиля.

Итак, социально-речевые стили — это разновидности общенародной разговорно-бытовой речи, отличающиеся специфическими приемами подбора слов, их расположения и употребления некоторых из них в особых значениях, использованием излюбленных оборотов и выражений, своеобразием орфоэпии и т. п. Изучение социально-речевых стилей русской разговорно-бытовой речи и анализ характерных для них речевых средств позволит всесторонне разобраться в сложных и интересных процессах взаимодействия устно-разговорной разновидности литературного языка с многообразными ответвлениями общенародной разговорно-бытовой речи.

Так, весьма интересным является вопрос о самом соотношении между социально-речевыми стилями общенародной разговорной речи и устной разновидностью литературного языка. Входят ли социально-речевые стили в систему устно-разговорной литературной речи? Решение этого вопроса возможно лишь при учете того, насколько речевые средства, типичные для этих стилей, соответствуют литературной норме, обязательной не только для письменно-книжной, но и для устно-разговорной разновидности литературного языка.

Если, например, социально-речевые стили, характерные для разговорной речи культурных людей (например, медиков, артистов, научных работников, учителей и т. п.), по составу речевых средств и нормам их употребления не отходят от литературной нормы (за небольшим исключением узко профессиональных слов и оборотов речи, например, в речи учителей: *окно* в расписании, ликвидировать *хвосты*), то они, разумеется, входят в систему устной литературной речи. Что же касается речевых средств, бытовавших некогда, например, в социально-речевых стилях, типичных для купечества, приказчиков, свах и т. п. [ср. выражения свахи из «Доходного места» Островского: *брюле* (брюнет); *и орген на шее, а умен как, просто тебе истукан золотой*], то они являлись отклонениями от литературной нормы и поэтому не входили в систему разговорной литературной речи. Без решения проблемы социально-речевых стилей и изучения их специфики нельзя приступать к анализу речи персонажей и правильно определять степень ее типичности.

Являются ли в наше время диалектизмы резервом, из которого пополняется лексика современного русского литературного языка? Есть много оснований утверждать, что диалектные речевые средства уже не пополняют лексический состав современного русского литературного языка, не входят в его многочисленные стили. Привлекаемые же в художественное произведение, они выполняют определенные стилистические функции, т. е. служат материалом стилизации и создания речи персонажей (как это можно заметить у Шолохова и других советских писателей). Но на разных этапах развития языка роль диалектных речевых средств в системе литературного языка менялась, и в известные эпохи формирования и развития литературного языка местные диалекты, как ответвления общенародного языка, являлись важнейшим источником, из которого литературный язык непрерывно пополнялся.

По мере своего развития литературный язык перестает опираться на какой-либо один диалект и начинает базироваться на всем общенарод-

ном языке в целом. Поэтому к числу важнейших задач, стоящих перед историей русского литературного языка, относится определение того, на каких этапах его развития диалектизмы являлись резервом и источником, из которого пополнялась литературная лексика. Каждый национальный литературный язык имеет свою историю, свои закономерности развития. В силу этого решать проблему диалектизмов, пополнявших состав средств литературного выражения, можно лишь применительно к отдельно взятому языку.

Литературный язык характеризуется устойчивостью основных и важнейших элементов его лексики, фразеологии, морфологии, синтаксиса, средств художественной изобразительности. Трудно поэтому предположить, что когда-либо общеизвестные литературные слова *петух*, *варежки*, *брюква* будут заменены или потеснены диалектными синонимами (*кочет*, *шубенки*, *калега*). Что же касается появления в языке новых слов, необходимых для обозначения новых понятий и предметов, то, как убеждает развитие лексики русского языка в советскую эпоху, они привлекаются не из местных диалектов, а создаются при помощи разнообразных форм словопроизводства, а также путем переосмысления общеизвестных слов и путем заимствования. Поскольку литературный язык отличается устойчивостью речевых средств, понятностью и доступностью их всему народу, а сфера употребления и понимания диалектизмов ограничена обычно какой-либо небольшой территорией, постольку привлечение диалектизмов в высокоразвитый литературный язык, каким является сейчас русский литературный язык, не представляется целесообразным и оправданным.

*

Перейдем к вопросу о стилях русского литературного языка, обратив при этом внимание на то общее, что их объединяет в единую систему литературного языка, и то специфическое, что отличает каждый стиль. Литературный язык представляет собой систему стилей, соотношение и характер взаимодействия которых изменяются в разные эпохи в зависимости от развития языка в связи с развитием общества. «Стиль языка,— указывает акад. В. В. Виноградов,— это семантически замкнутая, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той или иной сфере общественной деятельности (например, стиль официально-деловой, стиль канцелярский, телеграфный и т. п.), той или иной социальной ситуации (например, стиль торжественный, стиль подчеркнуто вежливый и т. п.), тому или иному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества. Система стилей литературного языка очень изменчива. Не все стили равноценны. Они различаются не только по своему идеологическому весу, экспрессивным качествам, сферам употребления, но и по своему семантическому объему. Структура, количество, качество и иерархическое соотношение стилей литературного языка изменяются от эпохи к эпохе»[6].

Развитие стилей литературного языка нельзя рассматривать в отрыве от развития жанров литературы, понимаемой в широком смысле (т. е. включая литературу научную, публицистическую, производственно-техническую и т. д.). Как самый состав речевых средств, так и нормы их употребления находятся в тесной связи с содержанием высказывания. Следо-

[6] В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв., «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1946, вып. 3, стр. 225.

вательно, жанровый принцип лежит в основе выделения и классификации самих стилей литературного языка. Так, в соответствии с реальным существованием публицистики как определенного жанра литературы выделяется публицистический стиль. То же самое следует сказать о стилях художественно-беллетристических, документально-деловых и т. п.

Другой принцип, в соответствии с которым выделяются стили торжественный, фамильярный, нейтральный и т. п., исходит из учета уже эмоционально-экспрессивных качеств, своеобразие которых объясняется социальной ситуацией, содержанием и целенаправленностью речи, ее эмоциональной заряженностью. В зависимости от жанра письменности и соответственного подбора речевых средств, стили литературного языка могут объединяться в целые группы. В соответствии с жанрами письменности нашего времени в современном русском литературном языке выделяются следующие группы стилей, характерные прежде всего для его письменно-книжной разновидности, но — хотя и не в одинаковой степени — находящие свое отражение в устно-разговорной речи.

1. Стили художественно-беллетристические, в составе которых выделяются две основные разновидности: стили поэзии и стили прозы. В свою очередь эти стили выделяют такие разновидности, как стиль сатиры, стиль басен и т. п. Поскольку существует такой литературный жанр, как басня, то есть все основания говорить о существовании баснописного стиля как исторически оформившейся системы речевых средств, способов и приемов словоупотребления, характерных для этого литературного жанра.

2. Стили общественно-публицистические, в составе которых выделяются стили газетно-журнальные, стили литературно-критических работ, стили различных социально острых памфлетов, обличительных статей, очерков и т. д.

3. Стили научного изложения, очень разнообразные по своему составу и характеру речевых средств. В связи с мощным развитием науки, в связи с усиливающейся специализацией знаний стили научного изложения существенно изменяются. Поэтому, например, стиль медицинских работ существенно отличается от стиля работ математических, а последний в свою очередь значительно отличается от стиля научно-философских работ. То же можно сказать о юридических работах, стиль которых весьма специфичен.

4. Стили профессионально-технические, которые характерны для производственно-технической литературы, обслуживающей нужды и потребности крайне разнообразных профессий, для различных областей техники, для военного дела и других сфер деятельности.

5. Стили официально-документальные, в свою очередь подразделяющиеся на ряд разновидностей, к числу которых относится стиль правительственных актов, официальных распоряжений, законодательных документов и т. д.

6. Эпистолярные стили, характерные для бытовой переписки, дневников, писем и т. д.

На разных этапах развития литературного языка меняется и ведущая роль его стилей. Если, например, в XVIII в. стили поэзии свое ведущее положение начинают уступать стилям прозы, то в середине XIX в. на первое место выходят стили общественно-публицистические, оказавшие большое организующее влияние на развитие всех средств и норм литературного выражения.

Общим для всех стилей литературного языка является прежде всего грамматический строй языка. Основной словарный фонд языка тоже общеупотребителен во всех стилях языка, так как он жизненно необходим, без него невозможно существование языка. В отличие от специфической

лексики, характерной для какого-либо стиля (например, химические, медицинские или математические термины, типичные для стилей научных работ), слова основного словарного фонда в смысле стилистической принадлежности более нейтральны, составляют общестилевую основу языка. В силу этого стили имеют общую единую основу, позволяющую рассматривать литературный язык как систему стилей, которая представляет собой целостный синтез всех его речевых средств. Таким образом, единство всех стилей литературного языка, а также общие закономерности их развития определяются тем, что общей их основой, выполняющей связующую и цементирующую роль, является основной словарный фонд и грамматический строй языка.

Остается пока еще недостаточно выясненным вопрос о том, что является специфическим признаком каждого стиля, отличающим его от других стилей. Прежде всего следует указать, что для стилей характерны особые специфические смысловые оттенки, создающиеся у общеупотребительных слов. Например, возьмем принадлежащее к основному словарному фонду русского языка слово *дух*, имеющее общепринятое значение — разумная сила, побуждающая к действию (*поднять дух армии*). Но это слово, привлекаемое в стили публицистики, приобретает в них иное значение, типичное для общественно-политической литературы (например, *дух статьи*, т. е. идейное направление). В научно-философских стилях слово *дух* употребляется для обозначения того, что противопоставляется обычно материи. В существовавших в прошлом церковно-богослужебных стилях слово *дух* употреблялось в значении сверхъестественного божественного существа. В просторечии и в некоторых отраслях производства и профессиях оно означает запах или воздух (*свежо, дух видно*; ср. в словаре Грота: «***Дух***... *Горн.* Употребляемое иногда рабочими название воздуха, вдуваемого в плавиленные печи»). Но все эти значения возникают на базе основного значения, и в силу этого они не теряют между собою связи; разрыв этой связи ведет к образованию новых слов — омонимов.

Следует также отметить, что стили характеризуются своеобразием средств художественной изобразительности, особенностями словоупотребления, а также привлечением особых конструкций предложений, их связью между собою. Акад. Л. В. Щерба следующим образом характеризует своеобразие некоторых стилей современного русского языка:

«Так, основная разновидность канцелярского стиля имеет своей задачей представить все обстоятельства дела во всех их логических взаимоотношениях вместе с выводом из них в одном целом. Отсюда и вытекает культура сложных предложений по способу подчинения в канцелярском стиле...

Язык законов требует прежде всего точности и невозможности каких-либо кривотолков; быстрота понимания не является уже в таком случае исключительно важной, так как заинтересованный человек безо всякого понукания прочтет всякую статью закона и два и три раза. Зато язык прокламаций, имеющий в виду широкие народные массы, должен схватываться на-лету, должен бить в одну точку и не размениваться на мелочи и оговорки — все это тоже находит свое языковое выражение. Научный язык имеет свою специфику: строгость в выборе терминов, которые не должны допускать никаких двусмысленностей. Эпистолярный стиль имеет множество вариантов в зависимости от социальных взаимоотношений корреспондентов. Эти разновидности были всегда так очевидны, что в прежние времена составлялись особые руководства для писания писем, называвшиеся „Письмовниками". Язык художественной литературы имеет, конечно, гораздо больше вариаций, чем деловой язык, но они не так очевидны и во всяком случае не так легко классифицируются. Но главное то, что они

имеют совершенно иную направленность: они должны рисовать все то разнообразие разговорных, социальных и отчасти и географических диалектов, которые объединяет данный литературный язык. Через язык рисуется та социальная среда, к которой принадлежат действующие лица. При этом все дело в том, что диалекты вводятся в ткань литературных произведений, конечно, не полностью, а лишь в очень немногих элементах, являющихся как бы условными намеками на данные диалекты...

Совершенно особо стоит стихотворный язык и не с точки зрения его собственно поэтической функции, а с узко лингвистической: он традиционно допускает такие слова, которые вовсе невозможны в обыкновенной речи, как, например, *хладный* вместо *холодный*, *пламень* вместо *пламя* и многое другое.

Еще более особо стоит язык драмы — своеобразный продукт контаминации разговорного и литературного языков»[7].

Стилистическое богатство и разнообразие литературного языка объясняется многогранностью его функций и сфер применения. Так, в зависимости от содержания и целей высказывания, а также самой ситуации, экспрессивные качества речи бывают весьма различными. На основании этого акад. Л. В. Щерба выделил в устной разновидности литературного языка «...три, если не четыре соотносительных слоя слов — торжественный, нейтральный и фамильярный, к которым можно прибавить и четвертый — вульгарный. Их иллюстрировать можно, например, следующими рядами: *лик*, *лицо*, *рожа*, *морда*; *вкушать*, *есть*, *уплетать*, *лопать* или *жрать*»[8].

Таким образом, многообразие стилей литературного языка определяется не только существованием многих жанров письменности, но и степенью смысловой и эмоциональной насыщенности речи.

Взаимодействие стилей, перемещение элементов, например, поэтических стилей в прозу — также одна из неизученных проблем, ожидающих своего разрешения. Еще в XVIII в. стили поэзии оказывали большое организующее влияние на средства и нормы прозаического языка. Державин, напутствуя Карамзина, писал: «Пой, Карамзин! — И в прозе глас слышен соловьин!» Язык карамзинской прозы, действительно, был обильно насыщен элементами поэтической лексики и фразеологии.

Для стилей публицистики характерна общественно-публицистическая лексика, постоянно отражающаяся также в стилях прозы и поэзии, в которых она вступает в своеобразное взаимодействие с лексикой других пластов. Изучение этого взаимодействия дает интересные материалы, позволяющие характеризовать не только особенности слога писателя, но и его мировоззренческие позиции. Дело в том, что стили публицистики неоднородны: в них отражаются общественные направления и идеологическая борьба. Например, стили революционно-демократической публицистики середины XIX в. коренным образом отличались от стилей публицистики реакционной или смыкавшейся с ней буржуазно-либеральной. Это принципиальное отличие находило отражение и в самой лексике этих стилей, особенно в тех словах, в которых отражались черты классового влияния.

Взаимодействие различных стилей языка обнаруживается и в том, что художественная литература, используя научные термины, способствует обычно процессу их метафоризации и созданию образа. Например, философские термины *материя* и *дух* следующим образом употреблены Салты-

---

[7] Л. В. Щерба, Современный русский литературный язык, «Русский язык в школе», М., 1939, № 4, стр. 21—23.

[8] Там же, стр. 22.

ковым-Щедриным при описании внешности Горехвастова: он имел огромный рост, «...голос густой и зычный; глаза, как водится, свиные. Вообще заметно, что здесь материя преобладает над духом...» («Губернские очерки»).

Немаловажное значение имеет и характеристика того взаимодействия, в которое вступает научная терминология, употребляемая писателем, с лексикой других стилей. Ср. сочетания терминологического с разговорно-бытовым или книжным у Щедрина: *эпидемия болтовни*, *эмбрион стыдливости*, *духовное малокровие*, *опыты фильтрации чепухи* и т. п. Примеры эти свидетельствуют также о том, что между стилями прозы и публицистики нет каменной стены, что творчество писателя отражает оригинальный взаимообмен речевыми средствами, который происходит между этими стилями, что самый литературный язык есть сложный синтез его стилей и закрепленных за ними слов и выражений.

Перемещение в состав литературно-критической лексики терминов различных наук (ср. употребление Белинским терминов естествознания и философии: *роды* и *виды* поэзии, *субъект*, *идея* и др.) представляет интерес как для изучения взаимодействия речевых средств различных стилей литературного языка, так и для истории развития слов, относившихся к словарному составу русского языка и постепенно входивших в его основной словарный фонд. При этом становится очевидным, что слово лишь тогда поступает в основной словарный фонд, когда оно, перемещаясь из одной стилевой сферы в другую, постепенно теряет свою связь и относимость только к одному из стилей языка и становится общеупотребительным, так сказать, межстилевым (например, *идея*, *роман*, профессиональные термины типа *операция* и т. п.). От таких слов обычно образуются многие производные слова, в свою очередь поступающие в различные стили языка.

Характеристика состава стилей русского литературного языка и типичных для них речевых средств свидетельствует о том, что история литературного языка тесно переплетается со стилистикой литературной речи. Стилистика изучает закономерности употребления речевых средств в различных стилях языка. Изучение состава и функций этих речевых средств, употребляемых в стилях поэзии, прозы, науки, публицистики и т. п., является важнейшей задачей стилистики. Но стилистика литературно-книжного языка должна иметь прочную базу в виде стилистики общенародной образной речи, изучающей средства и приемы словесно-художественной изобразительности, которые выработались в языке народа.

Изучая стилистику общенародной речи, историк литературного языка и исследователь языка и слога художественных произведений сможет избежать довольно типичных ошибок, заключающихся, например, в том, что писателю приписывается создание многих выражений и образных значений слов, существовавших до него в общенародном языке. Это относится также и к синонимике, встречающейся в художественных произведениях, и к другим явлениям речетворческой деятельности.

*

Кратко остановимся теперь на вопросах, связанных с отражением классовых интересов в стилях литературного языка, а также в слоге писателя.

Различные стили литературного языка в той или иной степени испытывают на себе стремление классов использовать язык в своих целях, внести в него специфические слова и выражения. Но степень насыщенности стилей этими специфическими словами и выражениями далеко не одинакова. Если, например, стили документально-канцелярские вбирали

в себя ничтожное количество таких специфических речевых средств, если в стилях научного изложения (например, в математических, астрономических, химических исследованиях) эти специфические слова и выражения тоже незначительны (хотя, конечно, для философа имеет первостепенное значение идейный смысл таких, например, слов, как *материя*, *идеализм* и т. д.), то в стилях общественно-публицистических они представлены значительно полнее. В свете учения В. И. Ленина о наличии при капитализме двух культур в рамках одной нации приобретает определенное значение, например, известное заявление Салтыкова-Щедрина о том, что в публицистике, наряду с «рабьим языком», появился еще «язык холопский», представляющий собой смесь наглости и клеветы.

Слог писателя тоже не может быть отнесен к явлениям надстроечно-классового характера. Под слогом понимается система речевых средств, отобранных писателем из общенародного языка и употребленных в соответствии со своеобразием его творческого метода. Слог, следовательно,— это излюбленная у писателя манера выражения. По составу речевых средств, т. е. лексики, фразеологии, синтаксических конструкций, и по нормам их употребления он общенароден и неклассов. Но он также не свободен от некоторой примеси специфических слов и выражений, по-разному понимаемых различными классами. Роль таких специфических элементов, которых в языке насчитывается менее одного процента, нельзя преувеличивать и объявлять все речевые средства, используемые писателем, классовой категорией.

Таким образом, мировоззрение писателя находит свое отражение как в выборе, так и в понимании и толковании отдельных специфических слов и выражений, следовательно, в семантике некоторых слов. В целом же слог писателя представляет собой индивидуальную разновидность общенародного языка. И оттого, что язык использован для выражения идеологии, он безусловно не стал явлением классово-надстроечного характера.

Единство формы и содержания художественного произведения скрепляется тем, что влияние идеологии на способ выражения обнаруживается именно в выборе соответствующих, иногда весьма специфических речевых средств. Пониманию этого своеобразия самого строя речи писателя или публициста и зависимости стиля от идейного содержания помогает знаменитое ленинское положение о двух видах или способах полемики[9].

*

Очень интересен также круг вопросов, связанных с отношением литературного языка к социальным жаргонам. Немало затруднений возникает при определении самих жаргонов, которые существовали в качестве ответвлений общенародного языка и в различной степени соприкасались с языком литературным.

В процессе своего развития литературный язык может испытывать некоторое временное влияние и даже давление социальных жаргонов. Средства литературного выражения могут поэтому иногда не только несколько засоряться элементами жаргонного словоупотребления, но даже под влиянием жаргонов и соответствующим образом подбираться и культивироваться. Например, существование в XVIII в. аристократически-дворянского салонного жаргона не могло в какой-то мере не отразиться на нормах литературной речи, на стилях прозы и поэзии того времени. Это объясняется тем, что некоторые писатели старались

[9] См. В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 381 и сл.

привлекать в литературный язык такие речевые средства, которые, как тогда выражались, «не шокировали бы слух благородной дамы». Поэтому все то, что могло коробить слух благородной дамы — просторечные выражения, старинные летописные изречения и т. п., некоторыми писателями старательно устранялось из художественной литературы. Это грозило обеднением некоторых стилей литературного языка, сужением их возможностей, засорением их жаргонными словами и выражениями. Вот почему для историка литературного языка далеко не безразлично, какие в русском языке существовали жаргоны и какова была судьба этих жаргонов.

К числу жаргонов, существовавших в прошлом как ответвления общенародного русского языка, относятся: салонно-дворянский жаргон, церковно-богословский, купеческо-торгашеский, чиновничий.

При изучении жаргонной лексики возникает необходимость выделить и охарактеризовать самый набор специфических жаргонных слов, а также установить роль этих слов в языке писателя и его персонажей. Если же учесть, что жаргоны не имеют своего словарного фонда и заимствуют слова из национального языка, то приобретают интерес и изменения значений слов, попадавших в жаргон и приобретавших в нем специфический смысл.

В художественной литературе элементы лексики и фразеологии жаргонов находили различное преломление и применение. Они являлись иногда наиболее характерным материалом для создания речи персонажей. Многие персонажи, созданные русскими писателями, типичны и выразительны именно в силу того, что их речь насыщалась элементами социального жаргона, свойственного той среде, из которой они вышли. Ср. примеры «нижегородско-французского» словоупотребления Мурзавецкого (из комедии Островского «Волки и овцы»), обращающегося к Купавиной: «Ах, оставьте, лесе! Вы мне надоели. Миль пардон, мадам! Я совсем о другом. Изволите видеть, я чист... Ма тант — старая девка». «Сетасе. Мерси, гран мерси! Через два дня, пароль донер!»

Перед историками русского литературного языка со всей остротой стоит сейчас задача изучения того, как писатели боролись против жаргонизмов, за чистоту литературного языка. Известно, что социальные жаргоны, имевшие узкую сферу обращения и лишенные языковой самостоятельности, обреченные на исчезновение, находили в художественной литературе соответствующую оценку и применение. Лучшие русские писатели выступали против давления жаргонов на нормы литературного языка, против распространения жаргонного словоупотребления, отстаивая права общенародного языка. В этом отношении показательна борьба Пушкина с салонно-дворянским жаргоном, с его жеманством и кастовой замкнутостью (ср. желание поэта, чтобы в салоне Татьяны «был принят слог простонародный»).

Изучение состава жаргонных элементов и их функций в языке художественных произведений проливает свет и на самую проблему заимствования тех ненужных и жизненно не оправданных слов и выражений, которые получали распространение в светских жаргонах. Отсюда возникает необходимость четко различать заимствования жаргонного характера (с течением времени исчезнувшие из употребления) от заимствований общенародных, прочно вошедших в словарный состав, а частично и в основной словарный фонд русского языка.

Значительный интерес имеет также отражение в литературном языке элементов церковно-богословского жаргона. В свое время еще Фонвизин в «Недоросле» прекрасно воспроизвел важнейшие признаки этого жаргона, наделив Кутейкина весьма специфической

речью. В отличие от Цифиркина Кутейкин говорит именно на том искусственно-книжном, явно архаизированном жаргоне, который культивировался в семинариях — там, где готовились кадры священнослужителей.

Этот церковно-богословский жаргон, как и любой иной социальный жаргон, не располагая своим грамматическим строем и основным словарным фондом, отличался набором специфических слов, выражений и оборотов речи. В художественной литературе он неоднократно использовался для создания «речевых костюмов» персонажей — выходцев из церковно-богословской среды или причастных к ней. Писатели обнаруживали много творческой изобретательности, создавая эти образы и пользуясь элементами церковно-богословского жаргона. Поэтому наряду с определением того круга специфических слов и выражений, которые принадлежат этому жаргону, возникает также необходимость изучать самые способы и приемы иронического использования их в художественной литературе.

Купеческо-торгашеский жаргон, элементы которого встречаются в речи купцов Островского, Салтыкова-Щедрина и других писателей, также представляет для историка литературного языка интересный материал, позволяющий характеризовать состав речи персонажей в ее отношении к литературному языку. К специфической лексике и фразеологии купеческо-торгашеского жаргона относятся часто употребляемые купцами из пьес Островского и других писателей слова и выражения *магарыч*, *бить по карману*, *вылететь в трубу*, *потерпеть крах*; ср. хищнический девиз купцов: *Йён доста-а-нет!*, воспроизведенный Щедриным.

В некоторых стилях литературного языка нашел своеобразное отражение существовавший в прошлом чиновничий жаргон, т. е. специфические речевые средства, которые бытовали в среде чиновников и которые давали возможность писателям очень ярко изображать нравы «...всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего русского чиновничества...»[10]. Чиновничий жаргон отличался набором некоторых специфических слов и выражений, к числу которых относятся, например, упоминаемые в «Мертвых душах» Гоголя разного рода «взбутетенивания, распекания и всякие должностные похлебки, которыми начальник угощает своих подчиненных».

Воспроизводя жаргонную лексику чиновников, писатели, естественно, обнаруживают свое отношение к ней. Замечания и отзывы писателей весьма ценны не только для выяснения их мировоззренческих и литературно-стилистических позиций, но и для выяснения общественного значения жаргона. Например, Салтыков-Щедрин при помощи нескольких выражений (*чего изволите?*, *как прикажете* и *не погубите*) очень метко охарактеризовал чиновничий жаргон, указав, что все существо этих «служительских слов» определяется девизом: «спасай себя!»

Несколько особое положение занимают в языке так называемые арготизмы, т. е. элементы условного лексикона какой-либо социальной среды или группы. Так, например, как средство речевой конспирации вырабатывалось обычно воровское арго. В нем, как и в жаргонах, слова общенародного языка наделялись особым условным значением, вырабатывалось некоторое количество специфических слов. Однако отождествлять эти арго с жаргонами нельзя, как нельзя отрывать изучаемые явления языка от их носителей. Дело в том, что носителями жаргонов являются верхушечные слои имущих классов; цель, преследуемая при создании жаргонов,— противопоставить народу свою речевую культуру,

[10] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 313.

по замыслу более изысканную и утонченную, а фактически — обедненную, кастово замкнутую и подчас космополитическую. Носителями же арго, часто создававшегося в целях речевой конспирации, являлись представители социального дна. Так что и по составу носителей, и по целенаправленности арго существенно отличаются от жаргонов.

*

Художественно-эстетические качества литературного языка, единство коммуникативной и эстетической функции, характерное для всех средств и приемов литературного выражения,— это тоже одна из наиболее сложных и неразработанных проблем, стоящих перед историками литературного языка. В целях успешного решения ее необходимо прежде всего отказаться от совершенно неверного взгляда, будто бы единство коммуникативной и эстетической функции присуще только языку художественных произведений и составляет его специфику. Такая точка зрения обедняет литературный язык, приписывая эстетические качества лишь одному из его многочисленных стилей — стилю художественно-беллетристическому, бесспорно выделяющемуся в отношении эмоционально-эстетической насыщенности.

Было бы по меньшей мере неосмотрительно и легкомысленно отказать в эстетических качествах стилям публицистических произведений, научных работ и многим другим разновидностям литературного языка, хотя степень эстетичности их далеко не однородна. Имея в виду литературный язык в целом, акад. В. В. Виноградов справедливо замечает: «Образно-художественная функция языка основывается на коммуникативной функции его как средства общения и обмена мыслями, из нее исходит, но осложняет ее задачами и законами словесно-художественного выражения»[11].

Таким образом, эстетические качества, эмоциональность и экспрессивность характерны в различной степени для всех стилей литературного языка. Наряду с точностью, ясностью, понятностью и общедоступностью языка публичных выступлений большевистских агитаторов и пропагандистов, В. И. Ленин и И. В. Сталин всегда указывали на эмоционально-эстетические качества этого языка: целеустремленность, страстность, убежденность, живость и образность. Коммунистическая партия, говорил В. И. Ленин, «...обязана уметь и пропагандировать и организовать и агитировать наиболее доступно, наиболее понятно, наиболее ясно и живо...»[12]. И. В. Сталин указывал на такие характерные черты языка ленинских работ: «Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело,—когда каждая фраза не говорит, а стреляет»[13].

Эстетические качества различных стилей литературного языка неоднородны, как и самые речевые средства, которые выполняют художественно-изобразительные функции. В стилях художественно-беллетристических они представлены богаче и разнообразнее. «Функции языка в художественной литературе,— указывает акад. В. В. Виноградов,— расширяются и усложняются. На базе общенародного языка, при помощи его выразительных возможностей, создаются формы художественного изображения, принципы речевого построения образов и характеров, приемы

[11] В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, М., «Правда», 1951, стр. 27.
[12] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 88.
[13] И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 53.

типизации и индивидуализации речи персонажей, осложненные способы ведения диалога, богатая художественная фразеология, целый арсенал изобразительных средств. Приемы и принципы художественного мастерства, образные обобщения передаются по традиции; некоторые из них включаются в общенародный язык. В национальную сокровищницу стилистики и поэтики входят те способы и приемы отражения и воспроизведения действительности в слове, которые исторически обогащаются в процессе развития национальной литературы. В закономерностях развития средств словесно-художественной образности и экспрессии выражается национальная специфика литературы. Чем ближе они к словесно-художественному творчеству народа, его национальным качествам, тем они сильнее и действие их долговечнее. Печать глубокого национального своеобразия лежит на них»[14].

*

Народность литературного языка и языка писателя — это тоже один из актуальнейших вопросов, требующих конкретной разработки. Воплощение в литературном языке и в языке художественных произведений всех лучших достижений речевой культуры народа, органическая связь языка писателя с языком общенародным — вот существо и основное содержание понятия народности языка. В соответствии с этим резкому осуждению должны быть подвергнуты, к сожалению, еще наблюдающиеся иногда попытки видеть народность языка художественного произведения лишь в употреблении писателем грубых, полуграмотных, иногда явно нелитературных слов. Такая точка зрения не только искажает действительное положение вещей, но и отражает старые, барски-пренебрежительные взгляды на народ, с которыми еще в свое время вели непримиримую борьбу Белинский, Салтыков-Щедрин, Чернышевский и другие революционные демократы.

Белинский беспощадно разоблачал также попытки всякого рода сочинителей, фальсифицирующих народную речь, «выезжать ...на разбитых носах, фонарях под глазами, зипунах, лаптях, мужицких речах и поговорках, кабаках и харчевнях»[15], называя «вульгарно-народными» «безвкусные и бездарные изделия» этих представителей псевдонародности. Язык, который «отзывается цинизмом, тоном извозчиков», все «подделки под народность» Белинский характеризовал как пошлость[16].

Народность языка писателя — это такое качество, которое создается в процессе обработки и творческого развития всех богатств общенародного языка. Одним из важнейших признаков народности языка художественного произведения является воспроизведение писателем лучших образцов и высших достижений многовековой национальной культуры слова, использование наиболее жизненных, типичных и национально-самобытных средств и приемов выражения, свидетельствующих о кровной связи языка писателя с языком общенародным.

К признакам народности относится творческое обогащение и развитие словесно-художественных средств, следовательно, создание новых языково-стилистических ценностей, осуществляемое в соответствии с внутренними законами развития языка и обогащающее его изобразительные возможности. Народность языка писателя определяется, следовательно, тем вкладом, который сделал автор в смысле литературного освоения

---

[14] В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, стр. 27.

[15] В. Г. Белинский, Соч., СПб., 1896, т. III, стр. 101.

[16] См. там же, т. II, стр. 814 и 976, т. IV, стр. 445.

богатств общенародного языка, их обработки, шлифовки, а также и пополнения, посредством собственного речетворчества, выражающегося в словарно-фразеологическом новаторстве и вообще в развитии всех выразительных средств языка.

Признаком народности языка писателя является творческое использование прежде всего основного словарного фонда и грамматического строя языка, являющихся основой языка и свидетельствующих о его самобытности и характерности. Следовательно, проблема народности языка — это проблема лучшего выбора и удачного применения наиболее ярких, типичных и общеупотребительных речевых средств. Народен такой язык литературного произведения, который по своим художественно-эстетическим качествам может служить образцом и примером высших достижений речевой культуры народа.

Реалистичность средств и приемов выражения, их употребление в единстве и органической связи с идейным содержанием произведения, простота и общедоступность слога, его характерность и индивидуальность, свидетельствующие о высоком творческом мастерстве автора,— все это тоже неотъемлемые признаки и качества народности языка художественного произведения.

Важнейшим признаком народности языка писателя является также распространение излюбленных индивидуально-авторских средств и приемов выражения во всем общенародном языке, а также то огромное организующее влияние, которое, например, Ломоносов, Пушкин, Гоголь, Некрасов, Щедрин, Толстой, Чехов, Горький и другие писатели оказали на развитие родного языка.

*

В заключение коснемся проблемы развития литературного языка в связи с развитием литературы. Проблема эта спорная и дискуссионная, поэтому решение ее возможно после тщательного и всестороннего изучения закономерностей развития стилей литературного языка.

Так как литературный язык с его важнейшей письменно-книжной разновидностью — это прежде всего язык литературы в широком смысле этого слова (художественной, научной, публицистической и т. п.), то история литературного языка, изучаемая в связи с историей национальной литературы, не может обособляться от истории языка крупнейших писателей; она должна изучаться в тесном единстве с ней. Это тем более необходимо, что в произведениях выдающихся писателей наиболее выразительно отражены система литературного языка эпохи и основные тенденции развития его грамматического строя и словарного состава.

Периодизация истории литературного языка, понимаемой в первую очередь как история развития его стилей, только в том случае может считаться реальной и исторически оправданной, если она не будет оторвана от развития литературы, от развития общественной мысли. Это, безусловно, не значит, что история стилей русского литературного языка должна быть полностью отождествлена с историей русской художественной литературы и, следовательно, с развитием надстроечных категорий. На известных этапах развития литературный язык не мог удовлетворять все возраставшим потребностям, и общество, нуждавшееся в коренных усовершенствованиях средств и норм литературного выражения, весьма одобрительно относилось к реформаторской деятельности, например, Ломоносова или Пушкина, гениально решавших важнейшие проблемы развития и совершенствования национального литературного языка. Но при всем этом история литературного языка не может быть обособлена от истории литературы. Являясь формой общественного сознания, «зер-

калом действительности» (по определению Белинского), литература чутко реагирует на многогранные явления общественной жизни и всесторонне их воспроизводит. Все это находит отражение в самой исторически развивающейся системе стилей литературного языка, в средствах литературного выражения и оказывает существенное влияние на развитие лексики, фразеологии, средств художественной изобразительности.

В системе стилей литературного языка особое положение занимают стили художественной литературы (язык художественных произведений). Отличаясь своей образностью, эмоциональностью и экспрессивностью, стили поэзии и прозы имеют неизмеримо большую популярность и известность в народе, чем, скажем, стили документально-деловые.

В разные периоды развития литературного языка роль художественной литературы, конечно, не одинакова. Особенно большое значение приобретает она в эпоху становления национального языка и последующего его развития. В это время «...художественная литература является лабораторией, в которой происходит отбор и „отработка" средств национально-литературного выражения и в которой определяется национально-языковая норма. Так было в истории русского языка, и тот же процесс, хотя и с своеобразными национально-историческими видоизменениями, мы наблюдаем в развитии многих литературных языков Советского Союза. Вместе с тем, если стилистика национального языка является могучим подспорьем при изучении специфики литературно-художественной речи и ее жанров, то и, наоборот, стилистическое изучение речи литературно-художественных произведений (или, как принято говорить, „языка писателя") содействует разработке и углублению основных понятий и категорий стилистики национального языка, а также его семантики»[17].

Язык художественной литературы является, таким образом, рассадником и популяризатором образцовых средств и приемов литературного выражения. В то же время художественная литература является критерием, на который приходится равняться при отборе в литературный язык различных речевых средств. Отсюда становится совершенно очевидной весьма почетная и ответственная роль писателей в формировании литературного языка, в развитии национальной речевой культуры, ибо, по образному выражению Гюго, «язык колеблется от царственного шествия великих писателей».

В свете указания В. И. Ленина о необходимости составить словарь современного русского языка «от Пушкина до Горького»[18] становится очевидным, что периодизация истории русского литературного языка не может не учитывать деятельности таких выдающихся писателей, как Ломоносов, Пушкин, Толстой, Горький.

Характеризуя закономерности развития русского языка, И. В. Сталин выделяет исторический период — со времени смерти Пушкина до наших дней, определяя, таким образом, огромное значение поэта в истории русской речевой культуры. Указывая на величие и мощь языка Тургенева, Толстого, Добролюбова и Чернышевского, В. И. Ленин рассматривал деятельность этих писателей и критиков в плане их благотворного влияния на развитие русского языка.

Вырастая на почве общенародного языка, различные стили литературной речи в той или иной степени отражают индивидуальное своеобразие языка и слога «мастеров слова». В стилях художественной литературы и публицистики эта индивидуальность авторов обнаруживается значительно

---

[17] Два года движения советского языкознания по новому пути [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 17.

[18] См. В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 416.

ярче и отчетливее, чем, скажем, в стилях производственно-технических, не говоря уже о стилях документально-деловых, где элементы специфически авторского, индивидуального довольно незначительны.

Такого рода своеобразие ряда стилей литературного языка не может не учитываться при решении проблемы общенародного и индивидуального в языке писателя, публициста, ученого и т. п. Выяснение того, какие средства привлекаются автором из общенародного языка и что нового, индивидуально-своеобразного вносит он в средства литературного выражения и в самые способы выбора и употребления слов, имеет первостепенное значение для понимания процесса становления и развития литературного языка.

Раскрытие соотношения общенародного и индивидуального в художественном, публицистическом или научном произведении поможет также установить: а) кто и какой творческий вклад внес в литературный язык; б) каково индивидуальное своеобразие словесно-художественных средств, каковы излюбленные приемы словоупотребления, применяемые автором. Учет всех этих факторов не позволит приписать автору того, что не было создано им самим, а являлось достоянием общенародного языка, а наряду с этим вскрыть и охарактеризовать методы обогащения и развития языка путем речетворчества «мастеров слова».

Таким образом, роль писателя в развитии национальной речевой культуры определяется, во-первых, «открытием» и привлечением новых, еще не освоенных речевых средств, расширяющих самые границы и возможности литературного языка; во-вторых, ценностью, оригинальностью и своеобразием его творческого мастерства, его новаторства в области искусства образного слова.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1953

Т. А. БЕРТАГАЕВ

К ПРОБЛЕМЕ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

(На материале монгольских языков)

О причастных и деепричастных оборотах

Пытаясь определить процесс развития сложного предложения в так называемых агглютинативных языках, представители «нового учения» о языке (в частности, А. Рифтин) утверждали, что сложные предложения возникают и развиваются двумя путями: 1) два или несколько предложений объединяются в одно сложное предложение или 2) придаточные предложения возникают внутри простого предложения в результате «взрыва» причастного или деепричастного оборота («...когда спрягаемая форма глагола заменила отглагольное имя, взорвав тем самым оборот и создав придаточное предложение»[1]). При этом было сказано, что «...в языках агглютинативных ... главная роль принадлежит второму пути...»[2], т. е. развитию придаточных предложений внутри простого предложения на основе оборотов.

Такое объяснение развития сложных предложений в языках типа монгольских, несомненно, противоречит действительному положению вещей. Факты языка, исследуемые в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, говорят совершенно об обратном. Остановимся сначала на проблеме самих причастных и деепричастных оборотов. Вопрос об этих оборотах и об их отношениях к сложным предложениям в монголоведении и тюркологии очень осложнен и запутан. Так, часть монголистов, признавая, как и А. Рифтин, основой придаточных предложений обороты, полагает, что последние могут быть придаточными предложениями сами по себе и что ими и представлены так называемые подчиненные предложения. Более того, на этом основании они склонны признать, что подлежащее выражается не только именительным падежом, но и родительным, и видят в этом особую самобытность упомянутых нами языков[3]. Признание оборотов за предложение, в котором субъект выражен, в основ-

---

[1] А. Рифтин, О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке, сб. «Советское языкознание», т. III, Л., 1937, стр. 63.

[2] Там же, стр. 66.

[3] См. тезисы доц. Д. А. Алексеева к его докладу «Синтаксис сложного предложения», прочитанному на Республиканском совещании учителей родного и русского языка при Улан-Удэнском институте усовершенствования учителей в 1943 г., где автор пишет: «В бурят-монгольском языке имеются придаточные предложения, которые характеризуются тем, что подлежащее выражается именем существительным или местоимением в родительном падеже, а сказуемое причастной и деепричастной формой». Эта точка зрения нашла свое отражение и в его учебнике, изданном в соавторстве с М. Н. Имехеновым и Д. Д. Дугаржабоном на бурят-монгольском языке. («Грамматика бурят-монгольского языка», ч. II, Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1946.)

ном, существительным в родительном падеже, несомненно, должно было служить оправданием стадиальной теории акад. И. И. Мещанинова, его утверждений о существовании особого поссессивного или притяжательного строя языка, при котором подлежащее выражалось именами в родительном падеже. Аналогичные утверждения мы находим и у других последователей И. И. Мещанинова[4].

Однако на самом деле в монгольских, а также в тюркских языках имеется лишь определенная группа причастных и деепричастных оборотов, которые выполняют иногда ту же самую функцию, что и соответствующие именные обороты и придаточные предложения в индоевропейских языках, в частности в русском. Так, например, в составе бурят-монгольского предложения: *Ахайн һургуулида ерэхэдэ багша класстаа байба* «Когда брат пришел в школу (или „при приходе брата"), учитель уже был в классе» — имеется так называемый причастный оборот *Ахайн һургуулида ерэхэдэ*, заменяющий русское придаточное предложение «Когда брат пришел в школу». Анализируя этот оборот, мы видим, что субъект действия (а в русском — грамматическое подлежащее) выражен существительным в род. падеже (*ахайн* «брата»), обстоятельство места — существительным в дат. падеже (*һургуулида* «школе»), а действие (в русском — сказуемое) — причастием в дат. падеже *ерэхэдэ* «пришедшему»

«Брата	школе	пришедшему	учитель	классе	был».
Ахайн	*һургуулида*	*ерэхэдэ*	*багша*	*класстаа*	*байба.*

Но такое буквальное воспроизведение конструкции бурят-монгольского предложения по одним внешним грамматическим формам нельзя считать точным, оно может быть в лучшем случае только приближенным. Из приведенного примера ясно, что, например, форма русского дательного падежа, воспроизводящая дательно-местный падеж бурят-монгольского слова *һургуулида* «школе», не передает в точности направительное значение этого падежа, потому что последний в русском, если имеет подобное значение, то с несколько другим оттенком, с оттенком приближения к чему-нибудь («идти к школе»), но не направленности во внутрь предмета[5]. Это же своеобразие, очевидно, в более усложненной форме, находим и в самом причастии.

Почему же субъект в причастных оборотах употребляется в родительном падеже, а не в каком-нибудь другом? Известно, что родительный падеж в монгольских языках является только приименным падежом, т. е. зависящим от имени существительного, например: *колхозой байдал* «положение колхоза», *багашуулай баяр* «радость детей», *нүхэдэй уулзалга* «встреча друзей», *арадай зол* «счастье народа», *ахайн гэр* «дом брата», *колхозой хүгжэлтэ* «развитие колхоза» и т. п.

Из наблюдений над значениями родительного падежа монгольских языков видно, что этот падеж показывает, в основном, идею принадлежности. Вторым интересующим нас сейчас значением является значение субъекта, в известной степени выступающее в наших примерах при таких отглагольных существительных, как *баяр* «радость», *уулзалга*

---

[4] См., например, Д. Д. Амоголонов, Деепричастие в бурят-монгольском языке, Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1948, стр. 98. Д. Амоголонов говорит: «К притяжательному строю предложения в бурятском языке относятся те подчиненные предложения, сказуемыми которых служат обстоятельственные деепричастия... Поэтому подлежащее при сказуемых, выраженных этими деепричастиями, оформлено родительным падежом...»

[5] В сочетании слов «бросить в воду» русский вин. падеж с предлогом *в*, соответствующий бурятскому послелогу *руу*, показывает, как это выясняется из значения последнего, действие, направленное сверху вниз или внутрь чего-либо.

«встреча», при которых всё же господствующим оказывается значение принадлежности. Но более отчетливо значение субъекта обнаруживается в сочетании типа *колхозой хүгжэлтэ* «развитие колхоза», т. е. при существительном, образованном от глагола сравнительно недавно, вернее, не утратившем еще живую связь со своим прошлым. Следовательно, родительный падеж субъекта в монгольском языке является падежом при существительных, образованных от глагольных форм (ср. еще *онгосын ябаса* «движение лодки»)[6]. Тем более он должен быть употребительным при субстантивированных причастиях, т. е. при тех причастиях, которые переходят в категорию существительных окказионально[7] или в данном контексте. Подобные окказиональные, или контекстуальные, существительные по всем своим признакам и представляют собой причастия наших оборотов.

Причастия в оборотах, которые мы взяли предметом нашего анализа, в монгольских языках могут иметь почти все падежные формы имен существительных, а не только дат. падежа, например, им. падежа: *Ахайн һургуулидаа ерэхэнь мэдээтэй* «Известно, что брат придет в школу», буквально: «брата школе прихождение известно»; вин. падежа: *Ахайн һургуулидаа ерэхые харааб* «Видел, как брат пришел в школу», буквально: «видел брата школе прихождение»; твор. падежа: *Зуун айлай һуухаар гэр бариха*[8] «Строить дом, чтобы вселить сто семей», буквально: «ста семей вселением строить дом» и т. д.

Причастие в таких оборотах принимает на себя все грамматические признаки существительного: оно может сопровождаться, как и существительное, послелогами, например: *Ахайн һургуулидаа ерэхын түлөө...*», «Ради того, чтобы брат пошел в школу...», буквально: «брата школе прихождения ради...» и т. д. А так как оборот и его причастия относятся к основному глаголу-сказуемому предложения, то они выполняют в нем, как и существительное, не только роль прямого и косвенного дополнения, но и подлежащего.

У многих причастий в подобных оборотах слабее выражен также и их основной признак — категория времени. Так, в предложении *Ахайн ерэһэндэ баярлааб* «Обрадовался приходу брата», буквально: «брата пришедшему обрадовался», причастие в прошедшем времени *ерэһэндэ* значительно ослабляет свое значение времени и выражает процесс, предшествовавший действию основного глагола. Словом, причастие здесь ведет себя как деепричастие, в котором время присутствует в виде намека или вовсе отсутствует[9]. Стало быть, причастия, субстантивируясь в подобных оборотах и завися от основного глагола-сказуемого предложения, одновременно приобретают оттенок деепричастий, поясняющих глагол, следовательно, предицируются, но только в известной мере[10].

Вместе с тем причастный оборот имеет иногда и самостоятельное значение. Примером могут служить предложения, взятые из стихотворений поэта Ж. Тумунова: «*Ямар һайн һэн ааб тантай уулзахадам, Ямар гоё һэн*

---

[6] Ж. Тумунов, Шинэ шүлэгүүд, Улан-Удэ, 1950, стр. 33.

[7] По терминологии В. В. Виноградова. См. его «Современный русский язык», вып. II, М., Учпедгиз, 1938, стр. 5.

[8] Д. Гунзынов, Нютагаймни хүнүүд, Улан-Удэ, 1950, стр. 33.

[9] См. Г. Д. Санжеев, Грамматика бурят-монгольского языка, М. — Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 77.

[10] В основном так же, очевидно, развивается и герундий в английском языке; см. статью И. П. Ивановой «Значение герундия в раннеповоанглийском языке», «Ученые записки ЛГУ», № 156, 1952, стр. 314, где она пишет: «Сама же вербализация заключается в неуклонном возрастании предикативных свойств герундия; именно в силу этого герундий становится центром предикативного оборота в сочетании с притяжательным местоимением или родительным падежом...»

ааб танние харахадам»[11] «Как было бы хорошо встретиться с вами, как было бы прекрасно увидеть вас», или: *Баясанаб сэдьхэлhээ: ...Город тосхонние шэмэглэн ерехэдэ*[12] «Я радуюсь от души: ...Когда украшают города и деревни». Такое построение можно наблюдать часто и в живой разговорно-бытовой речи: *Тугалнай хухөөд байгаал, минии ерэхэдэ* «К моему приходу теленок уже высосал», буквально: «теленок высосал моего приходу». Во всех этих случаях причастный оборот с родительным падежом субъекта расположен после сказуемого, от которого он зависит. Обычно же причастия и вообще зависимые слова в монгольских языках располагаются перед теми словами, от которых они зависят. Подобное изменение обычной позиции причастия встречается в следующих случаях. Во-первых, в приведенных нами оборотах с субстантивированными причастиями и, во-вторых, в случае обособления определения, выраженного причастием, например: *Угтана намайе багша басаган, Урданайм хани — хамта hураhан*[13] «Встречает меня девушка-учительница, Давнишняя приятельница — вместе учившаяся». Здесь, конечно, имеем случаи обособления, приобретения причастием и причастным оборотом известной самостоятельности.

Обыкновенные причастия приобретают свободу расположения ввиду того, что они в постпозиции редко меняют свою синтаксическую функцию и, естественно, обрастая пояснительными словами и сопровождаясь соответствующей выделительной интонацией, становятся более полновесными и в синтаксическом, и в семантическом отношении. Но обособленные причастия, главным образом в оборотах больше предицированы и, следовательно, более самостоятельны, чем необособленные. Это обстоятельство и создало возможность смешения их с придаточными предложениями.

Несмотря на это, из всего изложенного выше ясно, что самостоятельность и независимость так называемых причастных оборотов с родительным падежом субъекта носит слишком относительный характер, чтобы можно было приравнять их к придаточным предложениям.

Несколько бóльшая независимость ощущается в причастных оборотах в тех случаях, когда в них логический субъект выражен не родительным падежом, а падежом основы, формально совпадающим с именительным. Правда, выражение субъекта причастного оборота падежом основы является ограниченным в смысле своего распространения[14]. Оно не распространяется на имена существительные одушевленные и характерно только для имен неодушевленных. Например: *Саhа ороходо, санаар ябахабди* «Когда выпадет снег, покатаемся на лыжах», буквально: «снег павшему, лыжами пойдем»; *Бороо ороходо, hэрүүн болохо* «Когда пойдет дождь, станет прохладно», буквально: «дождь павшему, станет про-

---

[11] Ж. Тумунов, указ. соч., стр. 18.

[12] Там же, стр. 29—30.

[13] Там же, стр. 39. В старом монгольском письменном языке существовал в этом отношении определенный канон, согласно которому все зависящие слова должны находиться в препозиции. Это относилось и к подлежащему, которое должно находиться впереди сказуемого. В современном литературном языке, особенно в художественном, под влиянием живой речи нарушен старомонгольский порядок слов и в большом ходу свободное расположение слов. Нередко сейчас встречаем случаи, когда предложение начинается со сказуемого (глагола) по образцу народного языка, как это находим у Ж. Тумунова и др. Под влиянием разговорной речи и в старомонгольском письменном языке изредка встречается подобный же порядок слов.

[14] Из этого ясно, что в причастных оборотах мы имеем дело с изживающим себя падежом основы. Следовательно, было время, когда субъект причастного оборота оформлялся в падеже основы, заменявшей в свое время родительный падеж, который возник в монгольском как падеж одушевленных существительных, выражающий идею принадлежности предмета действующему субъекту, а затем распространившийся на другие существительные, неодушевленные.

хладно»; *Ногоо ургахада, адаhан садаха* «Когда трава вырастает, скот наедается», буквально: «трава выраставшей, скот наедается».

Проявление большей самостоятельности причастных оборотов с субъектом, оформленным существительным в падеже основы, объясняется тем, что в них не выражено значение принадлежности, явно ощущаемое в родительном падеже субъекта и поэтому придающее существительному функцию определения. Кроме того, внешнее формальное совпадение падежа основы с именительным падежом тоже придает причастным оборотам вид определенной самостоятельности[15].

Еще большую самостоятельность и независимость, чем все виды причастных оборотов, имеют так называемые деепричастные обороты, у которых также может быть свой логический субъект, выраженный родительным или именительным падежами.

*

Все имеющиеся в монгольских языках разновидности деепричастий, а их свыше десяти, распадаются на две основные группы. К первой группе относятся деепричастия, в которых не проявляются признаки причастий или имен: 1) соединительные деепричастия с суффиксом *-жа*, например: *ябажа*; 2) разделительные — с суффиксом *-аад*, например: *ябаад*; 3) слитные с суффиксом *-н*, например: *ябан*. Ко второй группе относятся все остальные деепричастия, которые обладают некоторыми признаками причастий. К таким признакам относится, например, то, что они, как и причастие, управляют родительным падежом, т. е. в обороте в роли субъекта имеют имя в родительном падеже; кроме того, они могут иметь при себе притяжательные частицы, например: *минии ябатарамни*. (В этом примере к деепричастию *ябатар* присоединяется притяжательная частица *-мни* и местоимение в род. падеже —«моего»). Деепричастия же первой группы лишены всех этих особенностей. Субъектом оборота при них является существительное или местоимение в именительном падеже. Правда, самостоятельными оборотами являются только соединительные и разделительные деепричастия, а третьи — слитные — не составляют самостоятельного оборота и поэтому не имеют собственного субъекта.

Вторая группа деепричастий, таким образом, можно полагать, происходит из причастий, и в ней до сего времени сохранились те признаки, которые были свойственны этой группе в прошлом. Это — особый переходный тип деепричастий, которые можно назвать гибридными, или смешанными, деепричастиями.

Но и деепричастия первой группы не совсем свободны от родимых пятен своего прошлого. В них обнаруживается, например, следующий именной признак, как это в свое время подметил Г. Д. Санжеев: «...деепричастия первой группы выражают действие, являющееся объектом другого действия...»[16]. Это значит, что деепричастия первой группы «...в качестве дополнения управляются последующим глаголом»[17], что свойственно именам. Правда, таким правом по отношению к нашим деепричастиям обладает небольшая группа глаголов. Но ведь это лишний

[15] В современном монгольском языке (халхаском) появился вторичный падеж основы в результате выпадения конечного слога с *н*, исчезнувшего при переносе ударения на первый слог, например: *морь* из *морин* «конь», *хонь* из *хонин* «овца» и др. Этот вторичный падеж основы функционально полностью совпадает с именительным падежом. Такой вторичный падеж основы необходимо отличать от первичного падежа основы, сохранившегося наиболее рельефно, например, в бурят-монгольском языке. В нашей работе речь будет идти только о первичном падеже.

[16] Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 78.

[17] Там же.

раз подчеркивает пережиточный характер именных свойств деепричастий этой группы. Кроме того, эти деепричастия, также как имена и причастия, могут выступать в роли составного сказуемого со связкой, например: *Ахай ябажа байна* «Брат ходит», буквально: «брат хаживая есть». Все это, несомненно, указывает на то, что и первая группа деепричастий, представляющая собой «чистую форму деепричастий», происходит от причастий.

Интересно теперь выяснить, как наши деепричастия ведут себя в составе оборота. Большинство оборотов с деепричастиями второй группы в качестве субъекта имеет имя в род. падеже. Но часть из них, например условное деепричастие, наряду с субъектом в родительном падеже, может иметь и субъект, выраженный в падеже основы или в именительном падеже. Например, в предложении: *Нара гарбал дулаан болохо* «Если взойдет солнце, то будет тепло» — деепричастный оборот состоит из субъекта, выраженного в падеже основы без *н* (*нара* «солнце»), и условного деепричастия *гарбал*. Возьмем еще другой пример: *Ногоо ургабал адаһан шимтэй болохо* «Если вырастет трава, то скот станет жирнее». И здесь субъект оборота выражен в падеже основы. Но не исключена возможность, что одновременно субъект такого оборота может стоять в именительном падеже, например: *Наран гарбал дулаан болохо, ногоон ургабал адаһан шимтэй болохо* (перевод см. выше). В этом случае в словах, выражающих субъект, наличествует *н* как своеобразный показатель им. падежа. Наряду с подобным параллельным употреблением субъекта и в падеже основы, и в именительном падеже, имеются отдельные случаи употребления субъекта только лишь в именительном падеже, например: *Үүлэн хөөрбэл бороо ородог* «Туча соберется, дождь будет» (условное деепричастие не переводимо буквально на русский язык). Здесь субъект оборота *үүлэн* «облако» употребляется с *н*, т. е. в именительном падеже. Все это говорит о том, что некоторые деепричастия второй группы, хотя весьма неровно, с большими колебаниями и отступлениями, но постепенно приобретают в качестве субъекта своего оборота имя в падеже основы, затем в именительном падеже. Тем самым они постепенно освобождаются от своих первичных признаков, например выражения субъекта оборота в родительном падеже, и переходят в категорию подлинных деепричастий.

Деепричастия первой группы, за исключением слитного, как уже сказано выше, в качестве субъекта имеют всегда имя в именительном падеже. Нет сомнения, что эти деепричастия стали относиться к субъекту в именительном падеже через падеж основы, как это мы наблюдали у причастий и деепричастий второй группы. Доказательством могут служить те рецидивы, которые встречаются в подобных деепричастных оборотах. Так, например, в отдельных случаях, наряду с субъектом в именительном падеже, может появляться, вполне свободно, и субъект в падеже основы: *Наран гаржа дулаан болобо* и *Нара гаржа дулаан болобо*, буквально: «солнце восходя тепло стало». Но это исключено в таких случаях, как *Наран шаржа дулаан болобо*, буквально: «солнце грея тепло стало», ибо здесь при переходном глаголе падеж основы выступил бы уже не в роли падежа субъекта, а в роли прямого объекта. Стало быть, деепричастие первой группы, будучи организующим центром деепричастного оборота, относится главным образом к субъекту, выраженному именем в именительном падеже и, реже, в падеже основы.

Деепричастные обороты, состоящие из деепричастий первой группы и субъекта в именительном падеже, являются наиболее самостоятельными и наиболее независимыми изо всех подобных оборотов. Они во многих случаях не только приближаются к предложению, но могут рассматриваться и как предложения. Максимальной самостоятельности подобный оборот достигает, когда выступает в составе сочинительного предложения,

особенно со значением противопоставления: *Хурдан туруута харайжа, хошоо эбэртэ оёдодог* (поговорка) «Лошадь скачет (через препятствия), а вол рогами поддевает», буквально: «быстрокопытный скача, рогатый поддевает (рогами)», или: *Шубуун ниидэжэ, мал газараар ябадаг* «Птица летает, а скот по земле ходит», буквально: «птица летя, скот по земле ходит». Такую же самостоятельность проявляет этот оборот и в роли компонента соединительного сложносочиненного предложения в повествовательно-описательной речи: *Дулаан боложо, шубуун жэргэжэ, сэсэг һалбаржа хабарай нарта дулаан удэрнууд ерэбэ* «Стало тепло, птицы защебетали, цветы распустились, и наступили солнечные весенние дни», буквально: «становясь тепло, щебеча птицы, распустясь цветы весенние солнечные дни пришли».

Но самостоятельность такого оборота-предложения во многом зависит от значений слов данного оборота и от смысла предложения в целом. Так, например, в предложении: *Дулаан боложо, ногоон ургаба* «Стало тепло, и травы выросли», буквально: «становясь тепло травы выросли» — деепричастный оборот имеет оттенок подчиненного предложения причины, и деепричастие, являясь сказуемым, в то же время, несомненно, имеет и признак обстоятельства. В еще большую зависимость от основного глагола попадают деепричастия, когда выполняют роль слитного сказуемого: *Би эндэ нэгэ һуни хоноод маргааша бусахаб* «Проведу здесь одну ночь, а завтра уеду», буквально: «я здесь одну ночь проведя, завтра уеду». В таком предложении значение обстоятельства, несомненно, усиливается, и самостоятельность деепричастия значительно утрачивается. В этой роли деепричастие первой группы легко может переходить в обстоятельство, тем самым окончательно утрачивая свою независимость: *Хоноод бусахамни* «Переночевав, уеду».

Деепричастия первой группы, за исключением последнего случая, в синтаксическом отношении, как уже было сказано выше, относительно самостоятельны, и они даже выполняют функцию сказуемого без помощи служебных слов, но сказуемого очень своеобразного, не имеющего временного значения, а главное — личных окончаний, весьма характерных для сказуемых, например, бурят-монгольского языка. Кроме того, такое сказуемое легко переходит в положение слова, подчиненного основному сказуемому данного предложения, в зависимости от лексического окружения и значения предложения в целом. Поэтому Г. Д. Санжеев называет эти виды сказуемых деепричастными сказуемыми[18], в отличие от обычных, а соответственно этому обороты, выступающие в роли таких относительно полноценных предложений, можно назвать деепричастными предложениями, подчеркнув тем самым те их особенности, о которых мы говорили выше. Подобные предложения, переходя в обычные, утрачивают свою зависимость и свойство подчиненного предложения.

Все остальные обороты, за исключением тех, организующим центром которых являются деепричастия первой группы (соединительные и разделительные), являются только оборотами, причем, в отличие от простых оборотов без субъекта в родительном падеже или падеже основы, мы называем их самостоятельными причастными и деепричастными оборотами или, вслед за Г. Д. Санжеевым — «развернутыми» членами предложения. Предложениями же они по всем приведенным нами выше признакам не могут являться, хотя по общей внешней структуре и напоминают предложения. Из этого следует, что не прав и Г. Д. Санжеев, когда относит их к особым типам предложения[19].

[18] См. Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 80.

[19] См. там же, стр. 175. Автор говорит: «...развернутый член (предложения.— *Т. Б.*) есть как бы предложение в предложении».

Мы видели, что деепричастия первой группы многообразны по своей синтаксической функции: они могут быть дополнениями в отдельных случаях, обстоятельствами, слитными сказуемыми и сказуемыми сочинительного предложения. Такое многообразие функций подобных деепричастий есть отражение того длительного исторического пути, который они прошли от причастий почти до verbum finitum. Можно полагать, что деепричастия первой группы возникли и функционировали до появления формы родительного падежа. И в дальнейшем, благодаря совпадению падежа основы с именительным падежом, им удалось закрепить последний в роли падежа субъекта оборота.

Остальные деепричастия, возникшие в период формирования родительного падежа, заменяющего падеж основы и выступающего параллельно с последним, сохранили в роли субъекта имя и в родительном падеже, и в падеже основы. Наши же причастные обороты, очевидно, захватили период вытеснения падежа основы формой родительного падежа, чем объясняется частое употребление субъекта оборота в родительном падеже и лишь изредка в падеже основы[20].

В заключение необходимо сказать, что развитие причастных и деепричастных оборотов проходит очень сложный и крайне длительный путь, причем это развитие происходит не путем взрыва, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества.

Итак, в монгольских языках причастные обороты функционируют во всех падежах, за исключением родительного без послелога. Наличие такого явления связано со структурными особенностями монгольских языков — отсутствием согласования. Отсутствие согласования и специализация одного определенного падежа в роли выразителя субъекта[21] причастных и деепричастных оборотов явились причиной многообразия и живучести последних в монгольских языках, чего не наблюдаем в языках с иной структурой, в частности в русском.

Основным фактором, послужившим причиной функционирования причастных оборотов, как относительно независимых единиц, и развития их в сторону деепричастия, явился порядок слов, который при отсутствии согласования оказался одним из важнейших средств изменения функции причастия и дальнейшего переключения его в систему деепричастий.

В связи с этим окказиональный переход причастий в категорию существительных в косвенном падеже, следовательно, освобождение их от подчинения определяемому имени, переход их в зависимое положение от глагола и дальнейшее сближение с ним являются показателями того пути, по какому развивались причастия, переходя в категорию деепричастий. Хотя причастия в постпозиции оказывались субстантивированными, но тем не менее они сохраняют свои глагольные качества: свойства управлять именем, например в винительном падеже, а также особенности залога и некоторые другие. Все эти глагольные признаки причастий при сближе-

---

[20] Следует указать, что в языке современных бурятских писателей встречаются причастные обороты, имеющие субъектом имя в им. падеже, например, у Хоца Намсараева: *Цыремпил хойморто орой болохые хулеэже ядаһан хэбэртэй өөдөө харан һуухадань...* «Когда Цыремпил, нетерпеливо ожидая наступления сумерек, смотрел в дымовое отверстие...», буквально: «Цыремпил сумерек наступление в нетерпении ожидая в верх смотря сидевшему», что является результатом влияний деепричастий, вошедших в состав данного оборота.

[21] В халха-монгольском в роли такого падежа в причастных оборотах иногда выступает вин. падеж: *Чамайг ном олж ирвэл би дүүдээ захидал бичнэ* «Если ты найдешь книгу, то напишу письмо брату». Субъект данного оборота, заменяющий русское местоимение «ты», дан в вин. падеже — «тебя». Можно полагать, что здесь получилась своеобразная контаминация род. и вин. падежей благодаря падежу основы.

нии с глаголом-сказуемым находят благоприятную почву для дальнейшего развития, и постепенно, при длительном употреблении подобных причастий в одной и той же функции (например, дат. падежа в значении времени), их суффиксы и окончания могут приобрести специализированную функцию застывших, неизменяемых форм деепричастий.

Следующим, не менее важным фактором развития независимости причастных, а также деепричастных оборотов оказался падеж основы, прогрессировавший в сторону именительного падежа и имевший для этого благоприятные условия в виде формального совпадения с последним. Отсюда вытекает, что развитие причастных и деепричастных оборотов в монгольских языках вызвано внутренними языковыми факторами и спецификой структурной системы этих языков.

Наконец, мы должны отметить, что причастные и деепричастные обороты не являются ядром образования придаточных предложений в языках типа монгольских, как это полагал А. Рифтин[22], а скорее всего звеном, скрепляющим два или несколько предложений или сочетаний слов в одно сложное целое. Вместе с этим сложным целым причастие (или деепричастие) подчиняется тому члену предложения, к которому оно само относится. В указанной роли — скрепляющего звена — выступают не все слова, являющиеся деепричастиями и причастиями, а только некоторые, выделившиеся в процессе развития языка.

О сложноподчиненных предложениях

Проблема сложноподчиненных предложений в монгольских языках не менее спорна, чем вопрос о причастных и деепричастных оборотах. Одни лингвисты, выдавая причастные и деепричастные обороты за придаточные предложения, находили, что эта проблема исчерпывается анализом только одних этих оборотов, и тем самым они по существу отрицали наличие сложноподчиненных предложений в монгольских языках[23]. Другие, хотя правильно оценили природу этих оборотов и не считали их придаточными предложениями, но все же приходили к неправильному заключению, отрицая наличие вообще всяких сложноподчиненных предложений. Третьи же пытались дальше разработать и расширить те положения, которые впервые были поставлены известным монголистом первой половины XIX в. А. А. Бобровниковым. Хотя он и выдвинул свою особую теорию о так называемых «членных предложениях»[24], но все же не прошел мимо способов выражений прямой и косвенной речи и тем самым заложил начальную основу учения о сложных предложениях в тюркско-монгольских языках. Эти краткие замечания о прямой и косвенной речи, находящиеся в самом конце его обширной грамматики, не привлекали внимания исследователей и не вызывали к себе особого интереса монголистов в течение целого столетия. Причина такого отношения в основном заключается в том, что слова, связывающие два или несколько предложений и одновременно являющиеся словами с полноценным значением, не рассматривались многими как служебные слова, равные союзам. Например, возьмем такое слово, как *гэхэ*, которое означает

[22] См. А. Рифтин, указ. соч., стр. 63, где он пишет: «В них (в оборотах.— *Т. Б.*) мы хотим видеть то ядро внутри простого предложения, из которого выросло придаточное предложение...»

[23] Что было бы действительно наивно, как об этом правильно говорит В. А. Аврорин. См. его статью «К вопросу о национальной самобытности языка» (сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., Изд-во АН СССР, 1952), стр. 417.

[24] См. А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849.

«произнести, сказать, говорить, молвить, ответствовать, издавать звук» и т. д.[25] Оно в своих разнообразных причастных и деепричастных формах (*гэхэ*, *гэжэ*, *гээд*, *гэһэн*, *гэһэнһаа*, *гэһэндэ*, *гэбэл*, *гэтэл*, *гэһэндли* и т. д. и т. п.)является не только связующим словом, но и частицей и вспомогательным глаголом при неизменяемых словах. Значение этого слова в грамматической системе монгольских языков велико, хотя многие исследователи и не желали признавать его грамматической роли, а если и признавали, то неохотно. Мысль об этом слове, как о грамматическом показателе, стала возникать под влиянием исследований русистов, которые проводили идею о переходе знаменательных слов в служебные[26]. Окончательно к этой мысли языковеды-монголисты пришли после трудов И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», где, как известно, дается глубокое теоретическое обобщение всем подобным фактам языка.

Первоначальная и основная функция глагола *гэхэ* заключается в передаче чужой речи в самом ее простейшем виде: *Ерэ гэбэ* «Сказал: „приходи“»; *Би ерээб гэбэ* «Сказал: „я пришел“» и т. д. Но одновременно в будущем времени этот глагол передает уже не прямую речь в непосредственном ее виде, а предполагаемую прямую речь, вернее, воображаемую: *Би ерэхэб гэхэб* «Скажу: „я приду“»; *Ши ерэхэб гэхэш* «Ты скажешь: „приду“» и др.

В подобного рода формах выражения уже наблюдается начальное, чуть заметное отклонение этого глагола от своей основной функции: передача фактически еще не высказанной чужой речи, т. е. потенциальной или возможной прямой речи, сконструированной говорящим лицом по существующему образцу[27], а не прямой речи в непосредственном виде. В этой своей роли глагол *гэхэ* еще не связующее слово, он выступает в своем непосредственном вещественном значении. Его первый отход к служебным, в частности к связующим, словам наблюдается в тех случаях, когда он употребляется в деепричастных и причастных формах в сочетании с глаголами *асууха* «спросить», *дуугарха*, *хаахирха*, «кричать, крикнуть», *хэлэхэ* «сказать, говорить» и некоторыми другими. Например: *Ерэхэ гүүш гээд асууба* «Спросил: „придешь ли?“»; *Ханһалсыт гэжэ хаахирба* «Крикнул: „помогите!“»; *Ерээрэйлтэ гээд хэлэбэ* «Сказал: „приходите“»[28]. Во всех этих примерах деепричастная форма глагола *гэхэ*— *гээд*, несомненно, выполняет функцию связующего слова, что наглядно видно хотя бы из третьего примера, где повторение двух синонимических слов (*гээд хэлэбэ*) было бы неоправданным, если бы не были в какой-то мере разделены их функции в предложении. Однако во всех наших примерах, особенно в первых двух, деепричастные и причастные формы *гэхэ* еще не утратили своего вещественного значения.

Деепричастные и причастные формы этого глагола, как мы видим, устанавливают здесь связь между прямой и авторской речью[29]. Следова-

---

[25] Это слово не соответствует в полной мере ни одному из приведенных русских слов, но в то же время вполне передает значение всех этих слов в зависимости от контекста речи. В своем же основном, непосредственном значении оно имеет оттенок приказания, волеизъявления (ср. киргизское *де-* «говорить, молвить»).

[26] См. труды по современному русскому языку А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, Л. В. Щербы и др.

[27] Конечно, такого рода чуть заметное отклонение («микроотклонение») не единично. Здесь градация может быть очень тонкой. Но объем журнальной статьи не позволяет нам останавливаться на всех видах отклонений.

[28] В монгольских языках существует несколько синонимов со значениями «говорить, сказать, молвить и т. п.». Например: *хэлэхэ* «говорить, сказать, повествовать»; *үгэлэхэ* «молвить, говорить» (букв. словословить); *хөөрэхэ* «рассказывать, говорить»; *табиха* (в аффективной речи) «болтать, говорить»; *гэхэ* (см. выше) и др.

[29] Может возникнуть вопрос, почему же при прямой речи, включаемой в авторскую речь, выраженную глаголом *гэхэ* (*Яба гэбэ* «Иди сказал»), не прибегают к помощи связующего слова, в отличие от тех случаев, когда эта речь относится к глаголу *хэлэхэ*

тельно, *гэхэ* может быть связующим словом только в своих деепричастных и причастных формах, не являющихся главными членами предложения. Но в таких предложениях, как, например: *Ехэ зэмэтэйб гэжэ үгэеэ үгэхэ байнаб* «Я должен заявить, что я виноват»[30]; *Би бурууб гэжэ хэлэхэ ёһотойш* «Ты должен сказать, что не прав»[31]; *Тогоошон боло гэжэ албадаагуй* «Не принуждал, чтобы я стал поваром»[32], чувствуется, что вещественное значение деепричастия *гэжэ* соревнуется с его союзным значением. Так, например, в предложении *Би бурууб гэжэ хэлэхэ ёһотойш*, буквально: «я виноват говоря сказать должен», вещественное значение деепричастия *гэжэ* «говоря» затушевано значением глагола *хэлэхэ* «сказать». То же самое — и в остальных предложениях, где деепричастие «говоря» также не имеет полноценного вещественного значения.

Дальнейшую ступень абстрагирования деепричастных и причастных форм глагола *гэхэ*, выступающих в роли связующего слова, можно проследить в такого рода предложениях: *Абай Гэсэр хүбүүе ерэтээгэйл гэжэ татаба*[33] «Абай Гэсэра пригласили с тем, чтобы приехал», буквально: «Абай Гэсэра молодца пусть приходит говоря пригласили»; *Тэдэнэрэй үялгануд соо трактор заһабарилга саг дары дүргэхэбди гэжэ хэлэгдэнэ*[34] «В их обязательствах сказано, что ремонт тракторов они закончат немедленно», буквально: «в их обязательствах трактора ремонт немедленно закончим говоря сказано».

В этих примерах вторые подчиненные предложения уже в значительной мере утратили особенности и значение прямой речи. В первом предложении подчиненное предложение, состоящее из одного сказуемого «пусть приходит», выражено глаголом в форме 3-го лица желательного наклонения *ерэтээгэйл*. А между тем прямое непосредственное обращение к Гэсэру должно было быть выражено в форме 2-го лица глагола *ши ерээрэйш*. И само слово *гэжэ* «говоря» функционирует здесь больше как связующее слово, нежели в своем прямом, вещественном значении. Поэтому такое предложение на русский язык может быть переведено только лишь в следующем виде: «Абай Гэсэра пригласили с тем, чтобы он приехал», а не «Абая Гэсэра пригласили, сказав: „пусть придет“». Но если в русском эквиваленте отсутствуют черты прямой речи, то в монгольском (бурятском) все же они выступают довольно заметно. В следующем же предложении *гэжэ* «говоря» имеет больше формальное служебное значение, чем вещественное, хотя само предложение выражено в форме прямой речи. Это предложение полностью соответствует по своему построению так называемой неправильной косвенной речи, встречающейся в русском народном языке: «В их обязательствах сказано, что ремонт трактора мы закончим немедленно» вместо «В их обязательствах сказано, что ремонт трактора они закончат немедленно». Но в монгольских языках, в отличие от русского, такая неправильная косвенная речь существует как норма, органически вытекающая из особенностей развития этих языков.

Связующие слова — деепричастные и причастные формы глагола *гэхэ* — испытывают влияние окружающих слов и приобретают иногда

и другим синонимам этого слова. Дело в том, что, хотя эти глаголы имеют сходные значения, кое в чем они различаются: *гэхэ* имеет оттенок приказания, волеизъявления, а *хэлэхэ* — оттенок повествования, рассказывания. Поэтому, если можно сказать: *Яба гэбэ* «Иди сказал», то нельзя говорить *Яба хэлэбэ*.

[30] Пагбаин, Баатар, газ. «Үнэн» 4 II 45.

[31] Там же.

[32] Там же.

[33] См. Произведения народной словесности бурят. Вып. 1. «Гэсэр-Богдо. Эпопея, Л., 1930, стр. 4.

[34] Газ. «Үнэн» 16 II 45.

оттенок таких слов, как *решить*, *подумать*, *намереваться*, *полагать*, и некоторых других глаголов этой группы. Например, в предложении *Хожомоо юуш бологдаа гэжэ эдижэорхибо*[35] «Решив, чтобы там ни случилось, он съел», буквально: «потом, чтобы ни случилось, говоря съел», слово *гэжэ* «говоря» не имеет своего собственного значения, а выступает в значении глагола «решить». Вся фраза может быть передана так: «Решив, чтобы там ни случилось, съел».

Следовательно, в монгольских языках связующие слова одновременно могут быть и членами предложения, как русские союзные слова, и выражать вещественное значение, связанное главным образом с категорией высказывания: *сказать*, *называться*, *приказать*, *утверждать*, *заставлять* и некоторые другие.

Это своеобразие связующих слов монгольских языков сказывается не только в сохранении ими знаменательного значения, но и в структуре самого предложения, как это мы видели выше. В некоторых случаях (правда, в очень редких) главное предложение при переводе на русский язык может быть даже передано придаточным, и наоборот. Если возьмем такое предложение, как *Юунээ түлөө сэрэгэбди гэжэ байнабди*[36], буквально: «Чего ради мы войско говоря стоим», то в нем связующее слово *гэжэ*, помимо того, что включает в себя оттенок значения слова «называясь», соединяет предложения таким образом, что монгольское (бурятское)[37] главное предложение *байнабди* может быть придаточным при переводе на русский язык: «Для чего мы войско, если стоим»[38].

В процессе грамматикализации связующих слов известную роль играет употребление этих глаголов в переносном значении. Так, например, в следующем предложении: *Тугалынь хажуудань ерэжэ хүзүүемни маажажа угыт гэһэндэл дэбхэрээд абана*[39] «Теленок подпрыгнул и подошел к нему, как бы говоря: „почеши шею“», буквально: «теленок-его к нему-около подойдя шею-мою почесав дайте сказавши-будто раз подпрыгнул», — первоначальное значение связующего слова отходит на задний план. Особенно это рельефно выступает в предложении: *Энэ нохой эжээ таняаб гэжэ гунижажа байна* «Эта собака, ласкаясь, хочет показать, что узнала своего хозяина», буквально: «эта собака — хозяина узнал — говоря ласкается». Здесь *гэжэ* не выступает и не может выступать в прямом конкретном значении «говоря», оно имеет значение желательной частицы, выполняющей одновременно функцию союза. Благодаря изменениям значения связующих деепричастных и причастных форм и переносному употреблению, стало возможным сочетание их с такими словами, с которыми они, казалось, не должны сочетаться. Поэтому в современных монгольских языках мы наблюдаем значительное количество предложений, в которых деепричастные и причастные формы глагола *гэхэ* выполняют только служебную функцию союза, например: *Хүн ябана гэжэ хараахнэйб*[40] «Мне показалось, что идет человек», буквально: «человек идет говоря видел я», и др. Здесь связующее слово «говоря» окончательно утратило свое вещественное значение и выполняет только функцию связи.

---

[35] Сб. «Бурят-Монголой Залуу Уранзохёолшод», Улан-Удэ, 1948, стр. 50.

[36] Там же, стр. 48.

[37] Монгольские языки синтаксически мало чем отличаются друг от друга, поэтому употребляю общее наименование «монгольский».

[38] Предложение такого же содержания, но несколько иного построения в монгольских языках передается предложением с причастным оборотом, например: *Юүнээ түлөө байнабди сэрэг һэн хойноо* «Чего ради стоим войско раз-есть после», «Для чего стоим, если мы войско».

[39] Х. Намсараев, Илалтын туяа, Улан-Удэ, 1944, стр 65.

[40] Пагбаин, Баатар, газ. «Үнэн» 4 II 45.

Итак, в монгольских языках мы наблюдаем живой процесс формирования подчинительных союзов и подчинительных предложений, длящийся несколько сот лет и обнаруживаемый в настоящее время почти во всех своих звеньях. Из наших примеров вырисовывается, хотя бы в общих чертах, картина последовательного включения деепричастных и причастных форм глагола *гэхэ* в цепь постепенного их абстрагирования и грамматикализации. Такое включение происходит в соответствии с потребностями речевого общения, возникающими у носителей данного языка, в процессе ежечасного, ежедневного обмена мыслями. При этом последующее звено включения опирается на предшествующее, составляя единую неразрывную цепь в своем движении, т. е. здесь мы наблюдаем строгую преемственную связь между звеньями этой цепи развития. Таким образом, потребность в коммуникации, в выражении своих мыслей и чувств, возникающая на основе постепенного расширения познания и восприятия носителей языка, явилась стимулом развития указанных форм с конкретным знаменательным значением в сторону их грамматикализации и абстрагирования. Анализируемые деепричастные и причастные формы в своем движении прошли ряд многочисленных ступеней, переходящих одна в другую, из которых нами замечены следующие пять.

Первая ступень — это сочетание с такими словами, как *асууха*, «просить», *хаахирха* «восклицать», *хэлэхэ* «сказать» и другими. На этой ступени анализируемые нами формы имеют полное вещественное значение, а придаточное предложение является прямой речью в собственном смысле слова. Вторая ступень развития — когда предложение со словом *гэхэ* приближается к косвенной речи, но не приобретает все свойства последней. Третья ступень — когда деепричастные и причастные формы наподобие русских союзных слов наряду с вещественным значением выполняют также и функцию связующих слов: эти два значения как бы находятся в состоянии некоего равновесия. Четвертая ступень — это ступень косвенных предложений, когда связующие слова являются только союзами; наконец, пятая, последняя ступень — когда деепричастные и причастные формы не имеют уже никаких других значений, кроме функции связи, и достигают ступени полной грамматикализации и превращения в союзы, например: *Халуун гарьемни бариба гэжэ зүүдэлбэ* «Ему снился сон, что он поздоровался с ним за руку».

Таким образом, в результате своего развития деепричастные и причастные формы глагола *гэхэ* постепенно превращаются в служебные слова, используемые для выражения функции связи двух или нескольких предложений, т. е. в союзы, одновременно, в некоторых контекстах сохраняя свое прежнее значение. Вот этой особенности данных форм монгольского языка исследователи до сих пор не представляли себе ясно и, прибегая часто к буквальной передаче их значений на русский язык, искажали смысл переводимых сочетаний и предложений.

*

Чем же объясняется то, что в роли связующего слова выступили именно формы глагола *гэхэ*, а не какого-нибудь другого глагола? Если сравнить монгольские глаголы высказывания, кроме *гэхэ*, например: *хэлэхэ*, *үгэлэхэ*, *хаахирха*, *дуугарха*, *хүүнүүлхэ* и некоторые другие с соответствующими русскими глаголами, эквивалентными им, например: «говорить» «сказать», «восклицать», «сообщить», «передавать» и т. д., то между ними мы обнаружим тонкое, едва уловимое различие, которое находит свое выражение в особенностях сочетаемости слов. Так, если русские глаголы «говорить», «сказать» могут быть сочетаемы с глаголами,

то в монгольских языках для таких сочетаний требуются связующие слова. Например, невозможно по-монгольски строить предложение в следующем виде: *Ерэхэ хэлэбэ* «Придет — сказал», *Ерээ хэлэ* «Пришел — скажи» и т. д., что вполне возможно по-русски, особенно при соответствующей интонации и следующем порядке слов: «Сказал — придет», «Скажи — пришел» и т. д. В монгольских же языках никакая интонация и никакой порядок слов не поможет такого рода сочетаниям. В этих случаях всегда требуется вмешательство связующих слов *гэжэ, гээд* и др.: *Ерэхэ гэжэ хэлэбэ* «Придет говоря сказал», *Ерээ гэжэ хэлэ* «Пришел говоря скажи»[41].

Следовательно, монгольские глаголы высказывания *хэлэхэ, үгэлэхэ* и другие имеют оттенок описательно-повествовательный, без той модальной окраски некоторой утвердительности и категоричности, какая, очевидно, в известной степени присутствует в русских глаголах «сказать», «говорить» (ср. «сообщить», «рассказать», «поговорить»). Зато этими оттенками даже в большей степени, чем русские глаголы, обладает в монгольском языке глагол *гэхэ*. От названных нами глаголов, являющихся его синонимами, он имеет ряд нижеследующих отличий.

В-первых, глагол *гэхэ* имеет свойство сочетаться лишь с теми словами, которые выражают что-либо исходящее от действующего лица или предмета в силу внутреннего его переживания или внутреннего состояния, например, со словом, высказанным кем-либо: *Би гэбэб* «Сказал: „я“», буквально: «я — сказал»; или со звуком, изданным кем или чем-либо: *Модон няд гэбэ* «Дерево издало треск», буквально: «дерево — няд — сказало» (в этом сочетании *няд* является подражательным словом); или с глаголом, выражающим действие, исходящее от лица (предмета) по его какому-то внутреннему движению или проистекающее само по себе, как бы по своему внутреннему импульсу[42]. Ср. *Морин ябана* «Лошадь ходит» и *Морин ябад гэбэ* «Лошадь походила», буквально: «Ходя говорила»; *Сахан оробо* «Снег пошел» и *Сахан ород гэбэ* «Снег попáдал», буквально: «входя говорил»; *ангаганаха* «раскрываться» (например, о пасти) и *ангагад гэбэ* «разверзнуть», буквально: «раскрывшись сказал»; *атаганаха* «вздрагивать» и *атагад гэбэ* «вздрогнул», буквально: «вздрогнув сказал». Как видно из примеров в сочетаниях, где нет глагола *гэхэ*, описываются окружающие явления без отношения к субъекту[43], а в сочетаниях с глаголом *гэхэ* высказывается нечто исходящее от самого субъекта, связанное

---

[41] Исключение составляет только повелительная форма этих глаголов, сочетающаяся с глаголом в вопросительной форме, например: *Хэлэ: «ерээ гүү»*? «Скажи: „пришел ли?“» Здесь существенную роль играет то, что вопросительная частица *гүү* имеет окраску утвердительно-императивной частицы, известной категоричности, которая приближенно передается по-русски описательной формой: «Скажи — пришел или нет?» А русская частица «ли» не обладает, очевидно, этими особенностями. Такая модальная окраска значения этой частицы соответствует значению императивной, повелительной формы глагола *хэлэ* «скажи» и придает глаголу *ерээ гүү* оттенок некоторой императивности.

[42] Вообще этот глагол свидетельствует, что в представлении носителей языка существует мир объективных вещей и их признаков и мир явлений, связанный с самим субъектом, его внутренним переживанием, его внутренним импульсом. Когда монгол говорит: *Хун ябана* «Человек идет»,— то ему представляется все это совершившимся независимо от субъекта, и передается оно эпическим, повествовательно-описательным высказыванием, но другое дело: *Хун ябад гэбэ* «Человек походил достаточно». Это он проделал в силу некоторой внутренней активности или внутренней принужденности, связанной с каким-нибудь обстоятельством.

[43] Значение *гэбэ* во всех приведенных примерах передается приближенно. Но тем не менее можно все же, в основном, передать его. Например, *атаганаха* «вздрагивать» связано с действием, протекающим несколько раз, потому носящим как бы эпический характер, а глагол *атагад гэхэ* «вздрогнуть», выражающий внезапность совершения действия, ярче оттеняет действие, совершившееся само по себе, по своему внутреннему импульсу.

как бы с внутренним состоянием или зависящее от внутреннего импульса действующего субъекта.

В-вторых, глагол *гэхэ* легко сочетается или с прямой речью, или речью, которая не высказана, но должна быть высказана, судя по внутреннему состоянию говорящего субъекта, например: *Ябаяа гэбэ* «Сказал: „идем“», буквально: «идем — сказал».

В-третьих, по тем же причинам глагол *гэхэ* не может непосредственно сочетаться в описательном плане с именами, выступающими в роли подлежащего[44] и второстепенных членов предложения, потому что в этой функции они выражают мир объективно существующих вещей, независимых от субъекта, и в таком случае речь носит описательно-повествовательный характер. Ср. *Бадма хэлэбэ* «Бадма сказал» и невозможное сочетание в том же значении *Бадма гэбэ*. В последнем случае требуется или особое слово в качестве посредника, исходящее от самого Бадмы, например: *Бадма ерэ гэбэ* «Бадма приходи сказал», «Бадма сказал: „приходи“», или же слово «Бадма» должно быть высказано каким-то другим субъектом: «Сказал: „Бадма“»; далее, ср.: *Бадмада хэлэбэ* «Бадме сказал» и *Бадмада гэбэ*, которое можно перевести только так: «Сказал: „Бадме“», т. е. «Сказал, что это Бадме».

В-четвертых, имя, сочетаемое с глаголом *гэхэ*, испытывая особенности его значения, например, оттенка утвердительности, становится предикатом или предицируется: *Модон гэнэ* «Дерево сказал», т. е. утверждается: сказал, что это дерево. И не случайно формы *гэхэ* выступают в роли связующего слова между приложением и определяемым словом: «*Ударник*» *гэжэ колхоз* «Колхоз „Ударник“», «*Правда*» *гэжэ газет* «газета „Правда“» и т. д. В приложении предмет не только кем-то условно наименован, но существительное, выступающее в этой роли, являясь атрибутом, приближается к предикату[45].

В-пятых, каждое имя, сочетавшееся с глаголом *гэхэ*, является сколком прямой речи или какого-нибудь предложения в этом роде. Ср. *Худлаар хэлэнэ* «Неверно говорит» и *Худлаар гэнэ* «Говорит: „Неверно“».

В-шестых, на тех же основаниях глагол *гэхэ* может непосредственно сочетаться с глаголами, а между тем его синонимы лишены этого свойства. Ср. *Ерэбэ гэбэ* «Сказал: „идет“» и невозможное сочетание *ерэбэ хэлэбэ*.

Таким образом, хотя по своим основным значениям глагол *гэхэ* является синонимом глаголов *хэлэхэ*, *үгэлэхэ* и других, но тем не менее он очень своеобразен и во многом отличается от последних. И это отличие выражено прежде всего в тех особенностях сочетаемости этого глагола с другими словами, которые основаны на едва уловимых смысловых его оттенках[46]. В связи с этим глагол *гэхэ* выделяется из синонимического ряда и имеет возможность сочетаться с глаголами или с предикатом вообще, т.е. одним из тех членов предложения, которые могут быть организующим его центром. Следовательно, глагол *гэхэ* может сочетаться с грамматически организованной единицей речи (прежде всего, с прямой речью),

---

[44] *Гэхэ* в форме причастия *гээшэ* может быть частицей, сопровождающей подлежащее, вроде русской частицы «мол» (молвить): *Бадма гээшэ хаана ябана* «Бадма мол где ходит», или «Так называемый Бадма где бегает». В этом случае подлежащее приобретает оттенок известной субъективной окраски.

[45] См. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III, Харьков, 1899, стр. 101—102 и В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 419.

[46] Точно так же в русском языке синонимы «путь» и «дорога» сочетаются по-разному (ср. *водный* или *воздушный путь*, *жизненный путь*, *проселочная дорога*, *взял на дорогу сумочку* и т. д.), потому что они имеют разные оттенки в своих значениях. Слово «путь» более общо по своему значению, чем «дорога».

а в своей причастной или деепричастной форме он может и подчинить такую единицу составу другого предложения. И перед причастными, и перед деепричастными формами *гэхэ* в таких случаях открывается дорога для движения в сторону связующих слов — союзного слова или союза, о чем было сказано выше.

В современных монгольских языках по нашим наблюдениям имеется не менее четырнадцати видов различных союзных сложноподчиненных предложений, большинство из которых образовано при помощи союзного слова и союза из причастных и деепричастных форм. Придаточных предложений, выраженных формами глагола *гэхэ*, не менее десяти, и по своему значению они бывают: определительные, дополнительные, сравнительные, обстоятельства цели, уступки, условия, предположения, образа действия времени и причины[47].

Кроме форм глагола *гэхэ*, в роли связующих слов выступают и некоторые другие слова, но их удельный вес сравнительно небольшой. Так, например, придаточные следствия вводятся в главное предложение при помощи разных форм так называемых «глагольных местоимений» — *тиихэ*, *иихэ*, *тиимэ*, *тиимэ hаа* и др. Затем в придаточных подлежащем, сказуемом, обстоятельства места и степени связующими словами являются корреляты, состоящие из местоимений *хэн* — *тэрэ* «кто — тот», *ямар бэ* — *тиимэ* «каков-таков», *хаана hаа* — *тэндэ hээ* «откуда — оттуда» и др. Помимо многочисленных видов союзных предложений, имеется и несколько бессоюзных сложноподчиненных предложений.

Заключая все сказанное нами выше, можно сделать следующие выводы:

1. В монгольских языках имеется довольно сложная и развитая система сложноподчиненных предложений.

2. Сложноподчиненные предложения в монгольских языках, языках агглютинативных, вопреки марристской стадиальной теории, возникают не изнутри простого предложения[48], «...когда спрягаемая форма глагола заменила отглагольное имя, в з о р в а в (разрядка наша. — *Т. Б.*) тем самым оборот и создав придаточное предложение» [49], а главным образом из недр прямой речи путем постепенного абстрагирования значения различных форм глагола *гэхэ* «говорить».

3. Развитие сложноподчиненных предложений, как мы видели, происходит на основе внутреннего закона развития языков — общего и частного, — т. е. путем постепенного абстрагирования значения связующих слов с сохранением их старого качества и — в силу особой своеобразной функции и значения глагола *гэхэ* и его причастных и деепричастных форм — грамматической структуры монгольских языков в целом. Все это наложило очень своеобразный характер на систему сложноподчиненных предложений в монгольских языках. Абстрагированное развитие форм глагола *гэхэ*, выступающих в роли связующих слов, стало настолько значительным, что они стали сочетаться со словами, по своему значению выходящими далеко из круга синтаксического функционирования глагола *гэхэ*.

4. В формировании монгольских сложноподчиненных предложений сыграли свою роль также «самостоятельные причастные и деепричастные обороты», названные нами выше «самостоятельными» и выполняющие

---

[47] См. статьи Т. А. Б е р т а г а е в а: «Классификация союзных и бессоюзных придаточных предложений в современном бурят-монгольском языке», сб. «В помощь учителю», Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1949 (1950), стр. 61—76 и «К исследованию сложноподчиненных предложений в бурят-монгольском языке», «Записки Бурят-Монгольского НИИКЭ», Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1947, стр. 97—109.

[48] См. А. Р и ф т и н, указ. соч., стр. 64.

[49] Там же, стр. 63.

такие функции придаточных предложений, которые не могут быть выполнимы собственными придаточными предложениями монгольских языков.

5. Развитие причастных и деепричастных оборотов имеет свои особые внутренние законы, определяемые структурной особенностью этих оборотов, и связано с общими законами постепенного и неравномерного развития языковых явлений. В результате этого обороты имеют тенденцию переходить в независимые предложения, являясь подчиненными или зависимыми лишь в том состоянии, когда они еще неполноценные предложения, т. е. предложения не в полном смысле слова. При этом переход в независимые предложения происходит в процессе постепенного угасания подчинительной функции суффиксов деепричастного оборота, относящегося к основному глаголу предложения, и окончательного предицирования, следовательно, вербализации деепричастия. Стало быть, деепричастие, утратив собственную функцию, приобретает уже функцию verbum finitum, т. е. организующего центра независимого, а не подчиненного предложения; но это происходит не с каждым причастием или деепричастием подобного оборота.

Итак, основная линия развития сложноподчиненных предложений в языках типа монгольских проходит не через «развитие сложноподчиненного предложения изнутри простого предложения» и не через процесс внешнего механического объединения двух или трех предложений в одно, а через процесс изменения отдельных структурных элементов монгольских языков по их внутренним законам развития в сторону подчинительной функции, вызванной потребностями общения носителей языка.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1953

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

М. Н. ПЕТЕРСОН

ЗАДАЧА КУРСА «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

1

Курс «Введение в языкознание» строился различно в зависимости от задачи, которую ему ставили, и от слушателей, для которых он предназначался. Достаточно даже беглого знакомства с историей развития этого курса в Московском университете, чтобы убедиться в справедливости данного положения.

В Московском университете впервые курс «Введение в языкознание» разрабатывал Ф. Ф. Фортунатов. Перед ним были слушатели, получившие в гимназии классическое образование. Задачей курса было — подготовить студентов к слушанию сравнительной грамматики индоевропейских языков. Этим определялось построение курса. Начинался курс с разъяснения «предмета языкознания». За этим следовала довольно подробная генеалогическая классификация языков, которая занимала почти треть курса. Дальше рассматривался вопрос о «языке и наречии», а потом шло «общее изложение фактов языка» (слова, словосочетания, предложения, формы слов) и краткое знакомство с морфологической классификацией языков. Курс заканчивался фонетикой, точнее — физиологией звуков речи, которая в то время только что разрабатывалась и служила непосредственным введением в сравнительную фонетику индоевропейских языков, за которой следовала морфология — склонение и спряжение. Иллюстративным материалом служили главным образом русский язык, затем классические языки, отчасти новые славянские и современные западные языки.

В таком виде курс читался с 70-х годов XIX в., постепенно изменяясь применительно к новым условиям. По литографированным курсам, издававшимся почти каждый год, можно проследить эти изменения[1]. Главное изменение состояло в том, что курс приобретал все более самостоятельное значение. Он становился введением не только в сравнительную грамматику индоевропейских языков, но и в другие лингвистические дисциплины: старославянский язык, историю русского языка, литовский язык, готский язык, историческую грамматику латинского и греческого языков, санскрит. К тому же изменялась и подготовка слушателей. В гимназиях изучение классических языков сокращалось: греческий язык стал необязательным, латинский начинали изучать не с первого, а с третьего класса.

---

[1] См., например: «Сравнительное языковедение. Лекции проф. Ф. Ф. Фортунатова, читанные в 1891—92 году на I и II семестрах».

В. К. Поржезинский, занявший кафедру после Ф. Ф. Фортунатова (1902 г.), читал «Введение в языкознание» как самостоятельный курс, предназначавшийся и для тех, кому было необязательно слушание сравнительной грамматики индоевропейских языков, например, для историков. Значительно изменилась и программа курса. В нем появились новые отделы. Перед изложением генеалогической классификации языков, занимавшим значительное место в курсе, студентам сообщались важнейшие сведения из истории науки о языке. После генеалогической классификации следовали: физиология звуков речи, отдельные слова языка, форма в языке, морфологическая классификация языков, словосочетание и предложение.

Как видно, сама последовательность этих отделов изменилась, и были прибавлены в конце три новые главы: изменение фактов языка; вопрос о происхождении языка и искусственные языки; индоевропейский праязык и доисторическая эпоха в жизни «индоевропейцев»[2].

В дальнейшем к курсу присоединили практические занятия, программу которых разработал Д.Н. Ушаков. Эти занятия состояли главным образом в наблюдениях студентов над звуковой системой русского литературного языка и диалектов.

2

После Великой Октябрьской социалистической революции в преподавании лингвистических дисциплин произошли большие изменения. Изучение древних языков отходило на задний план, их место заняли современные языки. Впервые на филологическом факультете стало обязательным преподавание современного русского языка. Постепенно вводилось изучение национальных языков Советского Союза.

Задача курса «Введение в языкознание» изменилась: он должен был служить подготовкой к изучению современных языков. Очень возросло значение практических занятий: на этих занятиях студенты учились приемам исследования современных живых языков. Преподавание лингвистических дисциплин приблизилось к практическим потребностям страны. Оно помогало подготовке преподавателей языков в средней школе.

Практические занятия по курсу «Введение в языкознание» в 1926—1930 гг. в Московском университете играли большую роль. За указанный период накопилось много выполненных на этих занятиях студенческих работ, лучшие из которых были изданы (стеклографически) лингвистическим кабинетом. В этих работах описывалась звуковая система языков — коми, усть-сысольского говора русского языка, армянского, марийского, чувашского, аварского, польского, татарского, абхазского и грузинского (перечисляются в порядке их следования в брошюре, где они расположены хронологически). Большинство работ производилось коллективно. Готовились работы по морфологии и синтаксису, но их напечатать не удалось.

Аналогичная работа велась и в педагогических институтах. В результате практических занятий по курсу «Введение в языкознание» студенты иностранных отделений выступили в Постоянной методической комиссии с критикой учебников по английскому, немецкому и французскому языкам. В обсуждении их докладов принимали участие авторы учебников и преподаватели иностранных языков средней школы.

Так в свое время высшая школа отвечала на запросы средней школы. К сожалению, вся эта работа прекратилась с водворением так называемого

---

[2] См. «Введение в языковедение. Пособие к лекциям проф. В. Поржезинского», 4-е изд., пересм. и доп., М., 1916.

«нового учения» о языке Н. Я. Марра. Практические занятия по курсу «Введение в языкознание» были отменены: самостоятельные наблюдения студентов стали невозможны. Изменился и характер курса. Его задачей стало внедрение «нового учения» о языке Н. Я. Марра. Лектору приходилось выбирать примеры так, чтобы они не противоречили «положениям» Н. Я. Марра. Связь курса «Ввведение в языкознание» с другими лингвистическими дисциплинами прервалась. Связи со школой тоже не было. Застой, водворившийся в языкознании, много вреда принес преподаванию лингвистических дисциплин в вузах.

3

И. В. Сталин указал путь оздоровления советского языкознания, путь освобождения его от застоя, порожденного «новым учением» о языке Н. Я. Марра и его учеников.

И. В. Сталин поставил перед советскими языковедами новые задачи; основная из них — внедрение марксизма в языкознание. Выполнение ее требует, чтобы языковеды научились применять марксистский метод к изучению языка, так как марксизм не догма, а руководство к действию. Внедрение марксизма в языкознание состоит также в том, чтобы языковедческая теория не отрывалась от практики. Стоит только припомнить потребности школы, театра, радио, писателей, различных отраслей науки и техники (терминология), чтобы представить себе всю грандиозность задач, стоящих перед советскими языковедами.

Внедрение марксизма в языкознание требует также критического использования всего лингвистического наследия — нашего и зарубежного. Особенно это касается сравнительно-исторического изучения языков, которое у нас прекратилось в период господства «нового учения» о языке, так как Н. Я. Марр считал сравнительно-исторический метод «идеалистическим».

После выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию преподавание лингвистических дисциплин в Московском университете подверглось коренной перестройке. Все языки — современные и древние — должны теперь изучаться в их развитии в связи с историей народа: иначе нельзя открыть внутренних законов их развития. Сравнительно-исторический метод должен освободиться от своих недостатков, и тогда он становится важным средством открытия законов развития языка. Теория языкознания не должна отрываться от практики. Одной из важных задач стало критическое использование всего лингвистического наследия. В настоящее время в этом направлении и идет работа советских языковедов, в которую вовлекаются студенты всех курсов — через практические и семинарские занятия, через курсовые и дипломные работы.

4

В соответствии с расширением и углублением изучения лингвистических дисциплин изменилась задача курса «Введение в языкознание», которая определяется работами И. В. Сталина по языкознанию и подготовкой студентов, полученной ими по языку в средней школе. Курс должен заложить фундамент для самостоятельной работы студента, так как, по справедливой мысли акад. А. Н. Несмеянова, «...каждый студент должен глотнуть воздуха науки, и каждый выпускник университета должен обладать навыками научного исследования»[3]. «Нельзя,— утверждал

[3] Ив. Зыков, Дворец науки, «Новый мир», М., 1953, № 1, стр. 187.

А. Н. Несмеянов,— допускать разрыва между наукой и учебой, ибо неполноценен тот специалист, который не способен к самостоятельному исследованию»[4].

Курс «Введение в языкознание» должен начинаться с изложения основных положений классиков марксизма-ленинизма о языке. После знакомства с характерными признаками языка, с предметом языкознания, его разделами и с задачами, поставленными И. В. Сталиным перед советскими языковедами, следует изучение отдельных разделов науки о языке. Последовательность изучения этих разделов не может быть случайной и зависеть от вкусов отдельных лекторов, а должна быть веско обоснованной.

Основываясь на учении И. В. Сталина о значении звукового языка, о том, что «оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой „природной материи" — не существует»[5], следует начинать с изучения именно этой языковой «природной материи», с фонетики. Студенты не поймут без этого, что такое слово, на чем основана связь звуковой стороны слова со значением, так как, по правильному замечанию С. И. Бернштейна, «звуки языка служат не только для различения слов: они составляют самое тело слов, их материальную оболочку, вне которой слова не существуют»[6]. Без знаний по фонетике студенты не поймут и сущности грамматических явлений и легко могут впасть в ту ошибку, от которой предостерегает И. В. Сталин, заключающуюся в переоценке семантики, в злоупотреблении ею[7]. Кроме того, фонетика—область, наиболее доступная для самостоятельных наблюдений студентов, и с нее легче начинать знакомить их со специальными приемами лингвистического исследования. За фонетикой следуют: семантика, лексикология, грамматика — морфология и синтаксис, стилистика.

Изложению каждого раздела предшествует краткий историко-критический обзор, из которого студент узнаёт, как развивалось изучение каждого раздела в зависимости от условий эпохи, в каком положении находится его изучение в настоящее время и что еще предстоит сделать. Такие обзоры делают преподавание не догматическим, а историко-критическим. Студенты постепенно знакомятся с историей науки.

После знакомства со всеми разделами языкознания студенты получают понятие о языке как системе, как средстве общения, развивающемся в связи с историей народа.

Далее нужно перейти к знакомству со сравнительно-историческим методом, с его положительными и отрицательными сторонами. Студенты узнают, как устанавливается родство языков, знакомятся с рядом терминов: семья языков, национальный язык и диалект, жаргон. Потом дается генеалогическая классификация языков — в самых существенных чертах. При этом принимается во внимание специальность студентов, отделение, на котором они учатся: на русском, славянском, романо-германском или восточном. Студенты каждого отделения должны подробнее изучить генеалогическую классификацию языков, которые являются их специальностью.

Краткий критический обзор опытов типологической классификации языков имеет целью познакомить с направлением этой работы, с проблемами, которые предстоит решить языковедам.

---

[4] Там же, стр. 154.

[5] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 39.

[6] С. Бернштейн, Против идеализма в фонетике, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 6, стр. 544.

[7] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 38.

Последняя проблема, заключающая курс,— происхождение языка. Студенты должны убедиться в том, что решение этой проблемы зависит от понимания сущности языка. Только марксистское понимание языка как общественного явления, как важнейшего средства общения дает возможность языковедам построить теорию происхождения языка в связи с трудовой деятельностью человека. Главным пособием служит здесь работа Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

Главнейшие моменты истории языкознания создадут у студентов общее представление о развитии языкознания, с которым они знакомились до этого в каждом разделе. Заканчивается этот обзор характеристикой свободной дискуссии в газете «Правда» и выступлений И. В. Сталина. Это делает наглядным для студентов основополагающее значение работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для развития языкознания в Советском Союзе. Таким образом, конец курса логически связывается с его началом. Студентам должно стать ясным, каким путем шло развитие языкознания, и должны быть ясны задачи, которые поставил перед советскими языковедами И. В. Сталин.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1953

А. И. СМИРНИЦКИЙ и О. С. АХМАНОВА

О КУРСЕ «ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ»*

Вопрос о перестройке всей системы филологического образования был поставлен еще в 1950 г., после опубликования языковедческих трудов И. В. Сталина. Указывая на необходимость коренной перестройки общих языковедческих курсов, акад. В. В. Виноградов писал: «На основе указаний товарища Сталина этот курс („Введение в языкознание".— *Ред.*) должен служить методологической базой для построения всех курсов языковедческого цикла. Вооружая филолога знанием основных положений советского языкознания, настоящим пониманием главных категорий и понятий лингвистического исследования, этот курс затем — в процессе усвоения дисциплин той или другой языковедческой специальности — конкретизируется и углубляется. Естественно поэтому, что на 4-м и 5-м году филологического образования в курсе общего языкознания необходимо обобщение всего этого материала. Кроме того, для расширения общего методологического кругозора студента-лингвиста желательно, чтобы всякий специалист по языку был знаком с историей разработки теоретических основ лингвистической науки, с историей развития общего языкознания. Эту цель должен выполнить специальный курс истории лингвистических учений»[1].

Намеченная таким образом перестройка была осуществлена, и «действующий ныне учебный план филологических факультетов включает в себя три общелингвистических предмета: „Введение в языкознание" (на первом курсе), „История языкознания" (на третьем курсе) и „Общее языкознание" (на четвертом курсе)»[2].

Знание основных положений советской науки о языке и важнейших лингвистических понятий, приобретенное на I курсе, конкретизируется и углубляется в процессе усвоения дисциплин соответствующей языковедческой специальности (что касается, например, специалиста по русскому языку, то такая конкретизация и углубление происходит в процессе прохождения курсов современного русского языка, истории русского языка, старославянского языка и т. д.).

Для того чтобы все это можно было действительно обобщить в курсе «Общее языкознание», необходимо значительно усилить общелингвистическую работу отдельных языковых кафедр; кафедра общего языкознания объединяет, координирует эту работу. Те общетеоретические положения, которые на IV курсе будут эксплицитно разви-

* Статья печатается в дискуссионном порядке.

[1] В. В. Виноградов, Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов *И. В. Сталина*», М., Изд-во Моск. ун-та, 1950, стр. 190.

[2] См. объяснительную записку к Программе по общему языкознанию, утвержденной Министерством высшего образования в 1952 г.

ваться в курсе «Общее языкознание», должны имплицитно лежать в основе всех конкретных лингвистических курсов: эти курсы должны внутренне строиться на базе того, что будет полностью раскрыто в обобщающем теоретическом курсе. Иными словами, то, что в этих курсах как бы подразумевается, но не является самостоятельным объектом изучения, в курсе «Общее языкознание» должно выявляться, приводиться в стройную систему, выступать как основное содержание изложения.

Следует самым решительным образом подчеркнуть, что наблюдавшийся до сих пор в отдельных вузах разнобой между отдельными кафедрами в трактовке важных языковедческих понятий — явление совершенно недопустимое, поскольку речь идет о создании такой системы подготовки языковедческих кадров, которая представляла бы собой полную внутреннюю целостность, а не только внешне упорядоченную систему.

Так как помимо курса «Общее языкознание» в учебном плане имеются еще два общелингвистических курса, то при построении курса «Общее языкознание», разумеется, необходимо учитывать то, какими должны быть эти два курса. Поэтому следует сказать несколько слов об этих курсах (т. е. о курсах «Введение в языкознание» и «История языкознания»).

Характер и содержание курса «Введение в языкознание» можно теперь считать в основном определившимися (после опубликования ряда статей и первой части учебника). При учете разных видоизменений и индивидуальных склонностей авторов и лекторов основное содержание этого курса можно в общем определить так: 1. Характерные признаки языка в целом на основе марксистского учения о языке; учение И. В. Сталина о месте языка среди общественных явлений, о его роли в обществе, о его происхождении и развитии; учение И. В. Сталина о составе и строении языка. 2. Единицы и составные элементы языка: слово и его морфологическое строение; фразеологические соединения слов; звуки речи и их классификация; грамматический строй языка, средства образования предложения, грамматическое изменение и сочетание слов и т. п. 3. Понятие о родственных связях между языками и генеалогическая классификация языков; типологическая классификация языков; язык и диалект, литературный язык и т. п.[3]

Что касается курса «История языкознания», то он пока еще не подвергался специальному обсуждению. Тем не менее вряд ли можно сомневаться в том, что этот курс должен познакомить учащихся с основными этапами развития науки о языке от античности до современности, причем особое внимание должно быть уделено XIX—XX векам. В курсе, с одной стороны, должно быть показано поступательное движение науки о языке (в частности — лингвистической теории) по пути к созданию системы марксистского языкознания; с другой стороны, должны

[3] В связи с замечаниями о содержании курса «Введение в языкознание» нельзя не поставить вопроса о необходимости специального предмета «Языкознание» в средней школе. Следует признать совершенно ненормальным существующее в настоящее время положение, когда общеобразовательный цикл предметов по непонятным причинам не включает соответствующей подготовки по такому важному предмету, как языкознание. Курс русского языка — единственный по существу курс, который может познакомить учащегося средней школы с основными языковедческими понятиями.— как известно, проходится в младших классах; в старших классах школьники вообще не имеют никакого языковедческого предмета, так как изучение русского языка кончается уже в VII классе и заменяется литературой. Ясно, что изучать такую серьезную общественную дисциплину как языкознание следует в старших классах, когда школьники приобретают соответствующее общее развитие. Однако эти соображения высказываются пока в предварительном порядке, и дальнейшее рассуждение будет вестись, исходя из существующего в настоящее время положения.

быть подвергнуты критике с позиций марксистского языкознания (которые известны учащимся уже по курсу «Введения») ошибки и искажения в понимании языка и отдельных языковых явлений, в частности — вульгаризаторские ошибки марровского «нового учения» и идеалистические искажения науки, характерные для реакционной буржуазной лингвистики последнего времени. Наличие этого курса должно освободить лектора по курсу «Общее языкознание» от необходимости историко-систематического изложения разных лингвистических учений и обеспечить ему возможность достижения строгой теоретической последовательности и стройности в изложении его курса.

Каким же должно быть в основном содержание курса «Общее языкознание», чтобы он не повторял собой предшествующих языковедческих курсов и действительно обобщал наиболее существенное в этих курсах, что́ не могло быть систематически и достаточно полно освещено в них?

Содержание курса «Общее языкознание» должно, повидимому, сосредоточиваться вокруг следующих основных проблем: 1) специфические особенности и задачи языкознания как особой науки; 2) специальные методы лингвистического исследования; 3) особенности различных сторон и единиц языка и обусловленная ими структура языкознания. Такое содержание курса в основном намечено и в имеющейся программе по общему языкознанию (1952 г.), хотя приведенные формулировки и не вполне совпадают с данными в программе.

1. Специфические особенности и задачи языкознания как особой науки

Так как предметом языкознания является особого рода общественное явление — язык, то развитое И. В. Сталиным марксистское учение об объективном характере законов не только природы, но и общества дает прочную базу для научного решения вопроса о внутренних законах развития языка — вопроса, выдвинутого в труде «Марксизм и вопросы языкознания» в качестве основного для науки о языке. «Марксизм понимает законы науки,— все равно идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии,— как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей»[4]. Таким образом определяется отношение науки к изучаемому предмету и подчеркивается ведущий характер предмета — самих внутренних закономерностей его развития. Это положение имеет особое значение для языкознания также и потому, что оно вооружает языковедов для борьбы с извращенными представлениями, развиваемыми современным буржуазным позитивизмом, для которого законы науки есть нечто произвольно вносимое в «аморфный хаос» действительности и порождаемое организующими свойствами человеческой мысли.

На примере политической экономии И. В. Сталин показывает неправомерность механического перенесения понятий (категорий) с одной исторической эпохи на другую. То же, разумеется, относится и к области языкознания. Поэтому необходимо концентрировать внимание прежде всего на самом предмете языкознания, т. е. на самом языке, и исходить из его явлений и отношений между ними, а не из привычных языковедческих понятий и разделов языкознания как науки.

---

[4] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 4.

Только через глубокое теоретическое рассмотрение основных законов существования, основных процессов и закономерностей развития самого предмета языкознания — языка — можно проверить пригодность тех или иных понятий и терминов науки для описания и формулирования наблюденных объективных закономерностей и придти к научно обоснованным выводам относительно способов изучения языка и путей построения соответствующей области знания. Иными словами, следует исходить, например, не из термина «фонема» (выражающего различные понятия у различных ученых), а из исследования звукового строения языка, и, уже на основе результатов этого исследования, установить необходимую терминологию и, в частности, применять термин «фонема», в случае его пригодности, для обозначения определенного явления в звуковом строе языка.

Необходимо, следовательно, исходить из указаний классиков марксизма-ленинизма относительно того, что значит для марксиста н а у ч н о и з у ч а т ь п р е д м е т. На основе этих указаний языковеды должны разработать точную методику доказательств в области своей науки, определить, что́ следует понимать в я з ы к о з н а н и и (как конкретной общественной дисциплине) под установлением фактов объективной действительности, под правильным отражением их реальных закономерностей в виде законов подлинно научного марксистского языкознания.

Сказанное может быть проиллюстрировано следующим примером. Известно, что в русском языке большинство глаголов имеет морфему *-л* в прошедшем времени. Это — факт, который может быть просто п р о д е м о н с т р и р о в а н. Но языкознание как наука должно не просто демонстрировать факты, а раскрывать объективно существующие между ними связи, проникать в их существо. Здесь был употреблен термин «прошедшее время»; но почему соответствующее образование подводится именно под это понятие, каков внутренний смысл этого понятия, что значит «прошедшее время» в грамматике русского языка и на основе каких наблюденных объективных закономерностей мы приходим к такому определению? В курсах общего языкознания слишком часто такое строгое, подлинно научное обращение к самому предмету подменяется перечислением различных определений, различных лингвистических концепций, созданных в разное время разными языковедами.

Как уже было сказано выше, история развития научной мысли в данной области науки — важный и необходимый предмет. Знание всего того, что выработало человечество (Ленин),— необходимое условие для дальнейшего плодотворного развития науки. В существующем плане подготовки языковедов этому моменту уделяется важное место. Но все это лишь предпосылки для решения поставленной задачи. Сама же задача марксистского научного анализа, стремящегося проникнуть в сущность изучаемого явления, делающего строгое различие между содержанием исследуемого явления и его формой, между глубинными процессами развития и поверхностными явлениями, не может быть выполнена без непосредственного обращения к самому предмету, который предстанет в совершенно новом виде перед ученым, вооруженным подлинно научной марксистской методологией.

Если мы вернемся к приведенному примеру — с суффиксом *-л* в прошедшем времени глагола,— то мы легко убедимся в том, что факт этот как таковой уже давно установлен. Задача теоретического курса, подлинная задача науки применительно к данному конкретному случаю—в том, чтобы определить реально, объективно существующее в русском языке соотношение между этим *-л* в прошедшем времени изъявительного наклонения и сослагательным наклонением, решить вопрос о том, что представляет собой *-л* + *бы*, т. е. имеются ли данные считать такое сочетание анали-

тической формой или нет и каковы объективные основания для такого понятия как «аналитическая форма» в языкознании вообще, какова природа такой формы в русском языке и т. п.

2. Специальные методы лингвистического исследования

Вопрос о специальных методах лингвистического исследования — это вопрос о тех особых конкретных приемах исследования, которые применяются в науке о языке для разрешения ее частных задач. Таким образом, каждый из частных конкретных методов лингвистического исследования является соотносительным с той конкретной частной задачей, для разрешения которой он применяется; поэтому, оценивая тот или иной специальный метод (прием) исследования, необходимо всегда иметь в виду пригодность его для разрешения соответствующей конкретной задачи.

Научное изучение языка — это изучение истории языка как целого, как системы, в неразрывной связи с историей общества, такое изучение истории языка, которое предполагает и включает в себя изучение функционирования его системы в каждый данный момент. Без этого историческое изучение языка как целого, как системы оказывается невозможным: его история сводится тогда к истории разрозненных, отдельно взятых явлений, без связи их друг с другом, и представление о действительности получается, следовательно, искаженным. Антиисторизм у де Соссюра и соссюрианцев — в том, что они признают возможность исторического изучения лишь отдельных фактов языка, взятых вне их соотношения с другими фактами, т. е. вне системы языка, тогда как система языка представляет собой, с их точки зрения, нечто такое, что принципиально по самой своей природе может изучаться только статически.

Эта антиисторическая и уже потому антимарксистская точка зрения на принципы научного изучения языка в дальнейшем получила не только большое распространение в буржуазном языкознании, но и была «освобождена» от каких-либо «остатков» того разумного зерна, которое еще можно было найти в концепции де Соссюра. Внутренняя порочность этой концепции оказалась в дальнейшем вполне раскрытой: в построениях современных «глоссематиков»[5] не только осуществлен полный отрыв «синхронической» системы языка от истории, не только провозглашена принципиальная невозможность исследования системы языка (в частности, его грамматической системы) в историческом плане, но вообще исключен из области языкознания вопрос об историческом развитии, якобы как не имеющий отношения к лингвистике, так как историческое исследование неизбежно и обязательно должно иметь дело с реально существующими «материальными» фактами языка, с исторически засвидетельствованными звуками и формами.

Поскольку система языка у глоссематиков выступает теперь как «чистая форма», существующая «идеально» и лишь «манифестирующаяся», «реализующаяся» в той или иной материи (безразлично — звуковой, графической или какой-либо еще), постольку, естественно, вопрос об историческом изучении языков (которого не сумели разрешить, хотя и не решились снять де Соссюр и его непосредственные ученики) оказывается теперь просто выброшенным из буржуазного языкознания, принимающего открыто идеалистический и реакционный характер.

---

[5] См. О. С. Ахманова, Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания, «Вопросы языкознания», М., 1953, № 3, стр. 25—47.

Перед советским языкознанием стоит в связи с этим следующая важная задача: критически используя все ценное, что имеется в старом языкознании, особенно все то положительное, что было выработано языковедами в нашей стране со времени Ломоносова, разработать подлинно научную методику исторического исследования языка. Марксистская методология не допускает одностороннего изучения явлений природы и общества — процессов, происходящих в природе и обществе. Марксизм учит, что ни одно явление не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями. Вместе с тем марксистский диалектический метод требует, чтобы явления рассматривались не только с точки зрения их взаимной связи и обусловленности, но и с точки зрения их движения, их изменений, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания. Поэтому, изучая язык, мы должны всегда и одновременно иметь в виду две совершенно неотделимые друг от друга и как бы взаимно перекрещивающиеся линии: линию, параллельную времени, и линию, перпендикулярную к нему. Соответственно этому мы имеем две основные конкретные задачи: 1) восстановление процесса исторического развития языка и 2) научное определение того, каким образом на данном этапе развития языка в данных общественных условиях функционирует тот или другой элемент языка в его взаимной связи и обусловленности с другими элементами.

Сказанное можно проиллюстрировать уже приводившимся примером. Восстанавливая процесс исторического развития русского прошедшего времени на *-л*, как известно, мы убеждаемся в том, что формы этого времени восходят к прежнему причастию (перфекта действительного залога), чем и объясняется изменение этого времени по родам, а не по лицам. Но достаточно ли знания этого исторического факта для понимания сущности функционирования форм прошедшего времени в современном русском языке? Есть ли основание, как это делал, например, проф. М. Н. Петерсон, выделять их в качестве «родовых слов», или же, вместе с акад. А. А. Шахматовым, следует рассматривать их как единицы в системе спряжения, как формы глагола? В языке, как и во всех других явлениях, следует тщательно отличать природу явления, его сущность, его содержание, раскрывающееся в связи с его функцией, от его формы, различать глубинные процессы развития и поверхностные явления. На примерах из области политической экономии И. В. Сталин убедительно показал, как от старой категории может сохраниться форма, внешний облик, существо же ее может измениться коренным образом применительно к новым условиям и новым потребностям.

Из указанных выше двух основных конкретных задач научного изучения языка, т. е. задачи восстановления процесса исторического развития языка и задачи научного исследования функционирования языка и отдельных его единиц, лишь в отношении первой можно говорить о наличии более или менее разработанной методики исследования. Здесь можно выделить по крайней мере три специальных метода-приема, посредством которых можно продуктивно вести исследование: 1) сравнительно-исторический метод как метод восстановления не зафиксированных письменностью прошлых языковых фактов путем планомерного сравнения соответствующих более поздних фактов двух или нескольких языков, известных по письменным памятникам или непосредственно по употреблению в речи; 2) метод фоно-морфологического анализа (или внутренней реконструкции) фактов каждого из сравниваемых языков в отдельности [6];

[6] Ср. А. И. Смирницкий, К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 4, стр. 13 и сл.

3) метод лингвистической интерпретации памятников языка, т. е. метод восстановления реальной системы языка прошлого (его грамматического строя, звукового состава, значений слов и пр.) путем лингвистического анализа сохранившихся языковых памятников соответствующей эпохи. Эти специальные методы (приемы) в соединении с данными истории, этнографии и других общественных наук дают в совокупности систему приемов изучения исторического развития языка.

Что же касается второй из указанных выше задач, т. е. задачи установления того, каким образом на данном этапе развития языка в данных общественных условиях функционирует его система или какие-либо отдельные ее элементы, то нужно сказать, что этот вопрос является до сих пор научно слабо разработанным. Его недостаточная разработанность и приводит, повидимому, с одной стороны, к развитию структурализма в буржуазном языкознании, с другой стороны, к выдвижению — как единственного критерия в решении «синхронических» вопросов — «языкового чутья» («Sprachgefühl») тех, для кого данный язык является родным. Метод «языкового чутья» многими из современных представителей «синхронического» буржуазного языкознания рассматривается как основной метод синхронического исследования.

Каковы задачи советского языковеда, стремящегося понять структуру языка, проникнуть в особенности, в существо, в природу функционирования языка на данном этапе его развития, т. е. в его движении и изменении, но с установкой не на процесс изменения, а на функционирование системы языка в целом и каждой ее части в отдельности?

К решению этого сложного и до сих пор не разрешенного вопроса советский языковед должен подходить, базируясь на положениях марксизма о том, что в области общественной жизни человека, так же как и в природе, процессы развития являются объективными процессами. Следовательно, задача заключается в том, чтобы раскрыть объективную природу языка и объективно, помимо воли людей, существующие отношения между его элементами — отношения, которые существуют не в «сознании говорящих», а в реально звучащей речи (и письменном ее отображении), в практике применения языка как средства общения.

Раскрытие объективной природы языка и объективного характера законов его развития и функционирования осложняется наличием неразрывной связи языка с мышлением. Вся семантическая сторона языка, все значения в языке — будь то значения слов, грамматических форм и построений или отдельных морфем — входят в область психики, сознания, которое, не существуя иначе, как продукт мозга, представляет собой явление внутреннее, непосредственно данное лишь самому сознающему индивиду, в мозгу которого оно реально возникает. Это обстоятельство создает благоприятную почву для развития превратных, субъективно-идеалистических концепций в языкознании, для выдвижения метода самонаблюдения и определения языковых фактов на основе «языкового чутья», «языкового сознания говорящих». Опрос ряда говорящих (хотя бы и большого их числа) для выяснения того, как «сознается» тот или другой факт языка, как он «воспринимается» носителями этого языка, не устраняет субъективности и идеалистичности такого метода анализа языковых явлений с точки зрения их реального функционирования. Так, если мы скажем, что формы на *-л* типа *говорил*, *делал* и т. п. не являются особыми «родовыми словами» потому, что они «воспринимаются, осознаются» как входящие в систему спряжения глагола, то в принципе субъективный характер определения места этих форм в системе русского языка по существу не изменится от того, будем ли мы иметь в виду только свое личное «восприятие» и «осознание» или «восприятие» и «осознание»

также и некоторого числа других людей, владеющих русским языком как родным.

Ясно, что такой «субъективно-оценочный» подход к стоящей перед нами задаче является совершенно неправильным, немарксистским, приводит не к научному исследованию языка, а к «лингвистике мнений»: языковеды, идущие по этому пути, вместо того, чтобы доказывать те или иные лингвистические положения или анализировать языковые явления, занимаются беспочвенным противопоставлением своих «мнений», обусловленных собственным субъективным «восприятием» языковых фактов, подобным же образом обусловленным «мнениям» противников.

В действительности же практическое применение языка в процессе общения при определенных, конкретных жизненных условиях, т. е. в конкретной обстановке, с конкретными целями и прочее, наталкивает каждого овладевающего соответствующим языком на определенное понимание, «восприятие» отдельных фактов языка и постепенно создает у него «языковое чутье». Объективно данные, внешне выраженные в речи отношения между отдельными языковыми фактами, их связи и различия, их сближения и противопоставления, с одной стороны, и отношения этих языковых фактов к условиям общения, с другой — вот то, чем действительно определяется тот или иной характер и то или иное место каждого отдельного факта в общей системе языка и что лишь отражается в виде известного его «восприятия» каждым говорящим на данном языке — различно, в зависимости от его лингвистической наблюдательности, его развития и пр.

Так как язык представляет собой практическое действительное сознание и каждая единица языка является таковой лишь постольку, поскольку в ней звучание соединяется с известным смысловым значением, то марксистское языкознание не может рассматривать языковые образования только как образования звуковые, непосредственно соотносящиеся с предметами, отношениями действительности. Поэтому тó, как говорящие «воспринимают, осознают» смысловые значения слов, грамматических форм и их классов и разрядов, какие категории они «выделяют» в языке и какие связи и отношения они «устанавливают» между отдельными единицами языка,— все это не может выбрасываться за пределы языка как предмета языкознания (в противоположность тому, как это делается буржуазными лингвистами-«физикалистами» блумфилдианского толка). Но все эти данные должны, думается, черпаться не из самонаблюдения и опроса носителей данного языка, а из анализа самой системы языка и ее использования в речи в конкретных условиях общения, о чем говорилось выше.

«Языковое чутье» и прочие моменты того или иного «осознания» языковых фактов самими говорящими не должны служить основой при анализе и определении этих фактов, но сами должны анализироваться и объясняться объективно данными в речи явлениями языка. Вновь возвращаясь к старому примеру, сказанное можно пояснить так: не потому формы на-*л* в русском языке являются формами прошедшего времени, что они так «воспринимаются и осознаются», а потому они так «воспринимаются и осознаются», что они занимают объективно определенное место в системе русского языка и употребляются в объективно определенных случаях. И вот эти-то объективные условия, наталкивающие говорящих на определенное понимание данных форм, должны быть положены в основу того или иного научного их определения при описании системы языка в данный исторический период ее развития.

Если судить по декларациям современных буржуазных структуралистов, то может показаться, что они как раз и отказываются от субъективного подхода к явлениям языка и стремятся детально разработать такую

методику исследования, которая позволила бы определять закономерности функционирования различных отдельных языков и языка вообще на основе объективных данных. Известно, с какой решительностью выступают против «априористических» и «метафизических» построений «старой лингвистики» как европейские, так и американские структуралисты, требуя разработки для современного языкознания таких методов, которые по своей точности были бы подобны методам, применяемым, например, в физике. Именно эти декларации и требования делают структурализм особенно опасным, так как они могут ввести в заблуждение относительно его действительного характера.

Действительный же характер структурализма как направления, господствующего в современной буржуазной лингвистике, определяется общей для всей современной буржуазной науки философской основой: позитивизмом и агностицизмом. Поэтому борьба структуралистов против «априоризма» и «метафизики» ведется не в целях открытия объективных законов функционирования и развития конкретных языков и человеческого языка вообще, а лишь с целью создания такой методики лингвистического исследования и описания, которая позволяла бы по «внутренне непротиворечивой» и возможно «простой» системе известным образом распределить и расклассифицировать данные в «опыте» факты речевой деятельности. Будут ли те или другие определения и группировки фактов соответствовать их объективной сущности и объективным отношениям между ними — это, с точки зрения структуральной лингвистики, вопрос метафизический, научно не оправданный.

Поэтому представители структуральной лингвистики нередко допускают как равноправные совершенно разные определения одних и тех же явлений, если признается, что каждое из этих определений отличается тем или иным «удобством». Так, для структуральной лингвистики вопрос о том, почему русские образования на *-л* со значением прошедшего времени являются уже формами прошедшего времени глагола, а не причастиями перфекта и не «родовыми словами» особого типа, вообще говоря не существует как таковой: с точки зрения этой лингвистики следует говорить лишь о том, какое определение будет лучше согласовываться с известной системой дефиниций и рубрик. В этом — глубочайшее, принципиальное отличие подхода буржуазного структурализма в любой его разновидности к описанию и анализу фактов языка от того подхода, которым действительно преодолевается субъективизм в языкознании. Вместо познания объективной реальности, существующей независимо от познающего субъекта, получается лишь переоблачение того же субъективного идеализма в «современную» наукообразную фразеологию[7].

У американских структуралистов-блумфилдианцев видимость преодоления субъективности создается тем, что они вообще исключают из рассмотрения внутреннюю, психическую сторону языка, чем «освобождают» себя и от вопроса о характере связи языка и мышления. Они говорят о «значении» (meaning), но последнее выступает у них только как «ситуация», понимаемая в бихейвиористском смысле. Это приводит их лишь к упрощенству и еще более удаляет от познания действительной природы языка.

Европейские структуралисты, исходя из лингвистических концепций де Соссюра, не отказываются от понимания «значения» в языке как реаль-

[7] Подробнее об этом см. статьи О. С. Ахмановой: «О методе лингвистического исследования у американских структуралистов» («Вопросы языкознания», М., 1952, № 5, стр. 92—105) и «Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания» («Вопросы языкознания», М., 1953, №3, стр. 25—47).

ного психического явления, которое не может игнорироваться языкознанием: «значение» входит у них в состав «лингвистического знака» в виде «обозначаемого» (signifié), того «концепта», который ассоциируется с акустическим образом, выступающим в качестве «обозначающего» (signifiant). Они борются с «метафизичностью» и «априоризмом» «старой лингвистики» иначе: путем отвлечения от всяческой «субстанции» и гипостазирования чистого «отношения», чистой «формы». Так, у Ельмслева «форма содержания» и «форма выражения» оказываются нарочито и принципиально оторванными от «субстанции содержания» и «субстанции выражения», которые структуральную лингвистику не интересуют. В конце концов это приводит к отвлечению от всего специфического для отдельных сторон и составных частей языка, к идее так называемого «изоморфизма» — однотипности отношений в области фонетики, грамматики, словарного состава языка.

Несмотря на указанные различия, отдельные структуралистские течения все более сближаются именно на основе «изоморфизма». В этом отношении очень показательна недавняя статья Кантино о значащих противопоставлениях[8]. Это сближение, повидимому, лишь еще больше углубит искусственно создаваемую структуралистами пропасть между изучением языка и изучением истории народа — его творца и носителя, и увеличит причудливость структуральных изощрений, которыми подменяется реальная теоретическая языковедческая работа. Развитие буржуазного структурализма наглядно показывает, к чему ведет безмерное увлечение одними отношениями внутри языка — без учета «субстанции» самих соотносящихся языковых единиц и элементов и без учета отношения языка к окружающей действительности, и это должно быть ярко освещено в курсе общего языкознания.

Как уже было сказано выше и как совершенно правильно указывается в программе, «описательный» метод, метод анализа системы языка в целях определения места и функции различных языковых единиц в этой системе нельзя рассматривать в отрыве от истории языка и в отрыве от общественных отношений, сложившихся в том человеческом коллективе, который является носителем исследуемого языка. Для того чтобы узнать, как объективно существующие в системе отдельные ее единицы реально функционируют и как они воздействуют на говорящих, как воспринимаются ими, отражаются их сознанием, надо знать не только всю предшествующую историю развития соответствующих языковых фактов, но и то, как существует язык в данное время в данном обществе: существует ли он «стихийно», в мало развитом или вымирающем коллективе, или его обрабатывают; имеется ли письменность и, в частности, письменная литературная традиция; какова степень грамотности населения, распространения образования и социальная дифференциация в этом отношении; раздроблен ли язык на диалекты или в нем достигнуто значительное единообразие и пр.

Понятно, что при изучении языка как такового на определенных этапах этого изучения принципиально возможна и даже неизбежна та или иная степень отвлечения от реальных конкретных особенностей его существования; однако полученные при таком изучении данные ни в коем случае не следует считать вполне достаточными или подлинно научными: функционирование системы языка на каждом данном этапе его развития теснейшим образом связано с условиями его существования не только в изучаемое время, но и на протяжении предшествующей жизни данного человеческого коллектива.

---

[8] J. Cantineau, Les oppositions significatives, «Cahiers Ferdinand de Saussure», 10, Genève, 1952, p. 11—40.

Говоря о содержании того раздела курса, который посвящается рассмотрению специальных методов языкознания, нельзя не обратить внимания на то, что в наших курсах до сих пор слишком большое место занимает изложение так называемого «нового учения» о языке вообще и основного «метода» этого учения, в частности. Ведь так называемый «палеонтологический метод» Марра не является научным методом и его не следует рассматривать наряду с теми методами, которые, даже при их серьезных недостатках, все же могут считаться ценными специальными методами языковедческого исследования. В изложении этого вопроса следует исходить из знаменитого высказывания И. В. Сталина о действительно идеалистическом четырехэлементном анализе Марра: «Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как „идеалистический". А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»[9].

Можно ли среди других методов языкознания, хотя бы и остро критически, но все же сколько-нибудь подробно рассматривать идеалистическую пародию на научный метод, которая не только не показывает путей научного исследования, но даже не стимулирует к их отысканию, а «толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»? Думается, что нельзя. Единственно, что́ следует сделать,— это кратко указать на те условия, которыми определяется антинаучность как самой «теории» четырех исконных элементов, общих всем языкам, так и способов «обнаружения» и «восстановления» этих воображаемых элементов в конкретных языках, т. е. вообще на то, почему марровский «метод» не имеет права претендовать на звание лингвистического метода и что служит основанием для той исключительно меткой и острой характеристики, которая была дана ему И. В. Сталиным.

3. Особенности различных сторон и единиц языка и обусловленная ими структура языкознания

Следующим важным вопросом, встающим при обсуждении курса «Общее языкознание», является вопрос об отдельных единицах, частях и сторонах языка и их специфических особенностях, а отсюда — и о подразделении языкознания и о соотношении между его разделами.

Следует больше, чем это обычно делается, подчеркнуть при чтении этого курса, что отдельные стороны и единицы языка имеют черты, специфические для каждой из них. Такое деление, как «лексика — грамматика — фонетика», может до некоторой степени ввести в заблуждение. Ведь названные три сферы языка вряд ли можно рассматривать как соотносительные компоненты, на равных основаниях входящие в целое. Фонетика (в смысле звуковой системы языка) должна быть выделена особо как «материя» языка, используемая как в лексике, так и в грамматике (в грамматическом строе). Единицы фонетики сами по себе не являются единицами языка, так как не носят того двустороннего характера, который является конституирующим для таких единиц (исключая, конечно, синтаксическую интонацию, которую следует относить не к фонетике, а к грамматике, в частности — к синтаксису, так как она входит в средства образования синта-

[9] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 33.

ксических единиц). В самом деле, ведь звуки (даже в качестве фонем) сами по себе не имеют никаких значений — в отличие от таких единиц, как морфемы, слова, интонационные формы: звук *т* в словах *туча*, *табак*, *том* и пр. не может быть выделен вместе с каким-либо принадлежащим ему значением (в отличие от морфемы *т-* в словах *тот*, *тому*, *та*, *то* и пр.). Поэтому и в языкознании выделяется фонетика как особый раздел науки, имеющий свой особый предмет. Фонетика (как дисциплина) изучает то, как используется, как функционирует звуковая материя в основных компонентах языка — в лексике и грамматике.

В курсе «Общее языкознание» должно быть ясно показано, почему основными компонентами языка являются словарный состав и грамматика (грамматический строй), причем главное внимание должно быть уделено основной единице языка — слову, которое является центральным образованием как для лексики, так и для грамматики. С одной стороны, имеются слова́ как «строительный материал» языка (их значения, конкретные звучания, смысловые и структурные отношения между ними в общей системе лексики и т. п.), с другой — общие правила изменения слов и сочетания слов в предложении, правила, имеющие в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности, правила для составления предложений, правила использования слов в связной речи. Поэтому в данном разделе курса важно показать, что грамматика существует не помимо слов, а на базе слов.

Специфическая роль грамматики — использование слов в связной речи не как индивидуальных единиц, а как единиц типовых, в которых проявляется то общее, что лежит в основе изменения слов и их сочетания в предложении. При этом важно отметить, что предложение не выделяется И. В. Сталиным как некоторая конкретная единица языка, которая входила бы так или иначе в состав языка наподобие слова. Конкретные предложения, т. е. предложения, состоящие из данных определенных слов и определенным образом грамматически оформленные, являются уже речевыми произведениями, создаваемыми в процессе применения языка теми или иными людьми, в тех или иных условиях, для достижения тех или иных целей[10]. Они принадлежат не языку (хотя и «делаются из языка»), а той сфере человеческой деятельности, в которой язык применяется в каждом данном конкретном случае. Поэтому, естественно, они нередко имеют в классовом обществе определенную классовую направленность.

Выдвижение представителями марровского «нового учения» о языке, особенно И. И. Мещаниновым, предложения в качестве важнейшей единицы языка наряду со словом (а нередко — и преимущественно перед словом) являлось одним из моментов, способствовавших утверждению псевдомарксистских лженаучных марровских положений о надстроечном и классовом характере языка. По учению же И. В. Сталина, верно отражающему объективно существующие основные черты состава и строя языка, предложению как конкретной, целой единице нет места ни в словарном составе языка, ни в его грамматическом строе; конкретные слова, входящие, например, в предложение *Вчера он был в театре*, принадлежат словарному составу языка лишь по отдельности, а не в данной их совокупности, и, равным образом, все грамматическое оформление этого предложения не составляет какой-либо целой готовой грамматической единицы, но складывается из отдельных морфологических и синтаксических единиц различного рода — из грамматических оформлений и данных отдельных

[10] Правда, и слова могут создаваться в процессе применения языка и, не получив общественного признания, оставаться принадлежностью отдельных речевых произведений и не входить в состав языка. Но для слов это как раз не характерно.

форм слов[11], из данных отношений между словами в известных формах и из определенного интонационного оформления всего построения. Конечно, всё, что придает слову или совокупности слов характер предложения, входит в грамматический строй языка; говоря о сочетании слов, И. В. Сталин указывает на то, что они сочетаются, соединяются в предложения. И предложения, конечно, не исключаются из поля зрения языкознания: в них изучается и словарный состав языка, и его грамматический строй. Но они изучаются не как целые единицы — произведения во всей их конкретности, а как материал, в котором представлены различные отдельные единицы языка, в частности, и такие единицы, как грамматические правила, законы образования предложений в отвлечении от конкретности самих данных предложений[12]. Отсюда ясно, что предложение не может выдвигаться как единица, конкурирующая со словом в качестве единицы именно языка: оно вообще как целая единица не имеет места в языке, не является собственно языковой единицей.

Слово, таким образом, будучи основной единицей языка и с точки зрения словарного состава, и с точки зрения грамматического строя, представляет собой соединение лексического и грамматического моментов и имеет как лексическую, так и грамматическую стороны. При этом следует обратить внимание на то, что связность речи имеет не только грамматический характер: она определяется грамматикой, но осложняется и конкретными лексическими связями между словами — связями, основанными на системе фразеологических отношений между словами.

Очень важно заметить, что при рассмотрении слова с лексической стороны происходит отвлечение от различных грамматических моментов, связанных с данным словом. Так, когда мы берем слово *окно* именно как слово-единицу лексики, как лексему, мы отвлекаемся от того, что *окно* как таковое представляет собой собственно лишь определенную грамматическую форму данного слова, в частности — именительный падеж единственного числа (в других случаях — винительный). В качестве лексемы данное слово в одинаковой мере является данным словом в любой своей грамматической форме: с лексической точки зрения *окно*, *окну*, *окном*, *óкна*, *окнами* и прочее равны между собой, так как различия здесь — только грамматические. Вместе с тем, однако, нельзя забывать, что грамматическое оформление слова есть существенный признак его. Надо помнить, что, отвлекаясь от грамматических различий, от отдельных грамматических форм, мы и в области лексики не должны рассматривать слово без учета общего его грамматического оформления.

Что касается слова в его отношении к грамматическому строю языка, то здесь очень существенно иметь в виду, что отвлечение от какой бы то ни было конкретности слова не означает, согласно учению И. В. Сталина о составе и строении языка, отвлечения от слова вообще. Абстрагируясь от всего конкретного в слове, можно сказать, что с грамматической точки зрения слова́ *окну*, *веслу*, *ядру* и прочие равны между собой (подобно тому, как, напротив, равны с лексической точки зрения *окну*, *окно*, *окном* и т. д.). Но то, что падежно-числовая грамматическая форма, которую мы находим в слове *окну*, так же, как и в слове *веслу* и т. п., есть форма именно слова,

---

[11] Под грамматическим оформлением слова понимается грамматическая характеристика его как определенной части речи и пр., а под грамматической формой слова — определенное грамматико-морфологическое его видоизменение (*иду*, *идешь*, *идти*).

[12] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23—24.

является фактом грамматического строя. И следует показать, что если мы имеем дело с порядком слов, то это совсем не то же, что порядок морфем (вопреки стремлениям буржуазных структуралистов различных толков «установить» одинаковые закономерности для разнородных языковых единиц).

Таким образом, если в курсе «Введение в языкознание» дается понятие об основе различия между словарем и грамматическим строем языка, то в курсе «Общее языкознание» необходимо показать всю сложность отношений между обоими компонентами, взаимодействие между ними и взаимопроникновение их в слове и в сочетании слов.

Важно далее указать также на то, что особенности разных компонентов и сторон языка создают и разные возможности применения к ним отдельных частных методов и приемов лингвистического исследования. Так, например, если звуковой строй языка поддается наиболее полному восстановлению посредством применения сравнительно-исторического метода, то грамматический строй восстанавливается уже с несколько меньшей полнотой и менее уверенно, тогда как словарный состав языка этим методом можно восстановить нередко лишь в небольшой его части, причем определить, какая это часть и что́ имелось кроме нее, оказывается невозможным.

Эти и подобные им особенности разных сторон и ингредиентов языка с полной несомненностью свидетельствуют о неприемлемости механистического представления об «изоморфизме» как универсальной основе лингвистического исследования. Словарный состав, грамматический строй и звуковая система языка имеют свои совершенно определенные особенности, обусловливающие специфику соответствующих дисциплин — лексикологии, грамматики, фонетики. Такие наиболее общие методы, как например, «метод противопоставления», применимы к различным отдельным сферам языка только постольку, поскольку они применимы вообще при изучении систем как организованных и внутренне обусловленных соединений фактов: они не являются специфически лингвистическими методами.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1953

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

ЛО ЧАН-ПЭИ

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*

(Перевод с китайского И. М. Ошанина)

Что составляет предмет языкознания? Мы можем, конечно, ответить просто: язык. Однако, если нас дальше спросят, в чем заключается отличие языка от других общественных явлений, почему языкознание представляет собой самостоятельную науку,— окажется, что на этот вопрос ответить в двух словах не так-то просто.

Товарищ Сталин говорит нам: «В чем же состоят специфические особенности языка, отличающие его от других общественных явлений? Они состоят в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свойственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки,— языкознания. Без этих особенностей языка языкознание потеряло бы право на самостоятельное существование»[1].

Таким образом, специфические особенности языка отличают его от базиса, обслуживающего общество в экономическом отношении, или от надстройки, обслуживающей общество в идеологическом отношении — в области политики, права, литературы, искусства и т. д.

Товарищ Мао Цзэ-дун говорит нам: «Разграничение сфер в науке основывается именно на специфических противоречиях, содержащихся в объектах научного исследования. Именно исследование определенных противоречий, присущих лишь определенной сфере явлений, составляет предмет той или иной науки. Например, плюс и минус в математике, действие и противодействие в механике, отрицательное и положительное электричество в физике, разложение и соединение в химии, производительные силы и производственные отношения, классы и борьба классов в общественных науках, наступление и оборона в военной науке, идеализм и материализм, метафизика и диалектика в философии и т. д.— всё это образует предметы исследования различных наук именно в силу наличия специфических противоречий и специфической сущности. Разумеется, без познания всеобщего в противоречиях невозможно раскрыть общие

---

* Опубликовано в журн. «Чжунго юйвэнь», Пекин, 1952, август.

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 36.

причины или общие основы движения, развития явлений. Однако без исследования специфического в противоречиях невозможно определить специфическую сущность, отличающую одно явление от других, невозможно вскрыть специфические причины или специфические основы движения, развития явлений, невозможно различать явления, невозможно разграничить области научного исследования»[2].

Исходя из этого указания, нам по аналогии необходимо выяснить, какие специфические противоречия существуют в предмете языкознания. Поскольку язык является средством общения людей, средством обмена мыслями в обществе,— его основное противоречие заключается в том, что путем абстрагирования реальности и ее обобщения создается слово, причем и говорящий, и слушающий овладевают понятием, представленным звуком или звуками, образующими это слово, переходят от непонимания к взаимному пониманию, благодаря чему лучше познается реальность, развивается ум, создается наука.

Теперь язык стал неотрывной частью нашей повседневной жизни: люди, родившиеся в обществе, являющемся носителем одного и того же языка, может быть, и не чувствуют всей специфики этого противоречия. Если мы обратимся мыслью к далеким предкам человека, которые в начале своей коллективной трудовой деятельности ради сплочения и взаимопомощи в борьбе с природой подавали друг другу сигналы жестами или голосом, чтобы передать свои чувства, желания или мысли, если мы подумаем, как медленно приходилось накоплять опыт коллективной жизни, чтобы научиться естественно создавать слова, научиться известными звуками передавать известные значения,— мы сможем понять, какой тяжелый путь пришлось пройти человечеству, прежде чем оно пришло от непонимания к пониманию. И. П. Павлов, изучавший высшую нервную деятельность, говорит: «Если наши ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительности, конкретные сигналы, то речь, специально прежде всего кинэстезические раздражения, идущие в кору (больших полушарий головного мозга.— *И. О.*) от речевых органов, есть вторые сигналы, сигналы сигналов. Они представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, специально человеческое, высшее мышление»[3]. «Первая сигнальная система действительности является общей у человека с животными, вторая — свойственна только человеку. Человек, воспринимая действительность, абстрагирует, обобщает и создает слова». «Конечно, слово для человека есть такой же реальный условный раздражитель, как и все остальные, общие у него с животными, но вместе с тем и такой многообъемлющий, как никакие другие... Слово, благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека, связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария, все их сигнализирует, все их заменяет и потому может вызвать все те действия, реакции организма, которые обусловливают те раздражения»[4].

От действительности, совместно воспринимаемой всеми, через абстракцию и обобщение в слове, позволяющем всем понимать друг друга,— и далее через способность слова заменять собой все внешние и внутренние раздражения, поступающие в большие полушария мозга, что делает слово

---

[2] Мао Цзэ-дун, Избр. произвед., т. II, М., 1952, стр. 423—424.

[3] И. П. Павлов, Избранные труды по физиологии высшей нервной деятельности, М., Учпедгиз, 1950, стр. 197.

[4] И. П. Павлов, Лекции о работе больших полушарий головного мозга, 2-е изд., М.—Л., Госиздат, 1927, стр. 357. (Автор цитирует по китайскому переводу работы А. Г. Иванова-Смоленского «О первой и второй системе сигналов».—*И. О.*).

как раздражитель еще более многообъемлющим,— такой процесс нервной деятельности является специально человеческим, а такое противоречие — специфическим для языка. Это специфическое противоречие и делает язык предметом языкознания и позволяет отграничить область языкознания от других наук.

Поскольку нам, таким образом, ясен предмет языкознания, мы можем теперь перейти к задачам этой науки. Они таковы:

1. Изучение основного словарного фонда и словарного состава. Поскольку слово языка представляет собой абстракцию и обобщение действительности, словарный состав, конечно, изменяется вслед за изменением действительности. В результате изменений социального строя, в результате развития производства, культуры, науки — все время рождаются новые слова, все время меняются старые, приобретая новое значение. Вместе с тем жизнь основного словарного фонда длительна, он существует в течение долгого периода в сотни и тысячи лет и служит основой для образования новых слов. Поэтому мы должны особо изучать основной словарный фонд и словарный состав языка.

2. Изучение грамматического строя. Грамматический строй является основой языка, является его спецификой. Предложения, построенные соответственно правилам грамматики, понятны всем; если же предложения строятся вопреки правилам грамматики, в языке может произойти хаос, слушающий может недопонять или даже совсем не понять говорящего. Язык, конечно, является началом человеческого мышления, организованная мысль выражается через предложение, построенное по законам грамматики. Поэтому изучение грамматики еще важнее, чем изучение словарного состава.

3. Изучение фонетики и фонологии. В системе и структуре звуков языка есть своя определенная закономерность. Человек, овладевший этой основой, способен очень скоро овладеть спецификой изучаемого языка,— будь то диалект родного языка, родственный или чужой язык,— способен ускорить темпы усвоения этого языка. Тупое запоминание и подражание ведет не только к малой эффективности занятий при двойной затрате сил, но также и к тому, что говорящего не понимают, поскольку его произношение неправильно. Фонетика анализирует различия между звуками речи, фонология ищет общее в этих различиях.

4. Изучение литературного языка. «Наши литература и искусство — для широких народных масс, прежде всего для рабочих, крестьян и солдат; они создаются для рабочих, крестьян и солдат, ими пользуются рабочие, крестьяне и солдаты...». Поэтому «наши работники литературы должны слиться своими чувствами и настроениями воедино с рабочими, крестьянами и солдатами. А для этого нужно начинать с овладения языком масс. Если же не понимать даже языка масс,— о каком еще литературном творчестве может идти тогда речь?»[5]. Из этого указания товарища Мао Цзэдуна мы делаем определенный вывод: народная литература должна иметь в качестве литературного языка именно язык широких масс. Тот, кто пишет языком, понятным для широких масс, конечно, будет пользоваться их любовью и симпатиями; того же, кто не умеет писать языком широких масс, того массы не смогут читать и не поймут написанного им при чтении вслух. Выделение из языка широких масс чеканного литературного языка, ликвидация разброда между устной речью и литературным языком нашей прессы и печати — это тоже важная задача для языковеда.

---

[5] Мао Цзэ-дун, Речь на совещании работников литературы и искусства в Яньани [1942], [Харбин], Цзефаншэ, 1949.

5. Изучение диалектов и национального языка. Диалект есть ответвление национального языка. Отдельный диалект в процессе формирования нации может лечь в основу национального языка, может развиться в самостоятельный национальный язык. Иногда общение между носителями диалектов невозможно. Однако, когда в результате политической и экономической концентрации один диалект растворяет элементы прочих диалектов и становится национальным языком, — непонимание переходит в понимание. Пекинский диалект — язык столицы Китайской Народной Республики — являет собой живой пример развития национального языка из отдельного диалекта.

6. Изучение внутренних законов развития языка или истории китайского языка. Главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка[6]. И фонетика, и семантика, и грамматика языка в процессе его развития от древности к современности переживают ряд изменений. Мы должны уловить закономерность этих изменений,— и только при этом условии можно перекинуть мост от языка древних эпох к современному языку. Если это не сделано, разрыв между древним и современным языком оказывается почти таким же, как между китайским языком и иностранными языками. Термин «филология», которым у нас издавна называется комментирование языка древних памятников, означает не что иное, как объяснение древнего языка современным языком, и фактически очень сходен с термином «перевод». Чэнь Ли [крупный филолог и писатель (1810—1882).— *И. О.*] сказал: «Древность и современность во времени подобны четырем странам света в пространстве: если они слишком отдалены друг от друга, языковое общение невозможно. При далеком расстоянии в пространстве нужен перевод, при далеком расстоянии во времени нужна филология. Перевод сближает разные страны до положения деревенских соседей; филология сближает древность и современность, как близки утро и вечер»[7]. Хотя автор имел здесь в виду только семантические изменения, однако его слова остаются верными и для изменений в области фонетики и грамматики; нужно найти внутренние законы развития языка от его древнего до современного состояния и тогда, конечно, непонимание перейдет в понимание.

7. Изучение языков и письменности национальных меньшинств. Китай является многонациональным государством, языки национальностей различны. Чтобы помочь национальностям в строительстве их политики, экономики, культуры и просвещения, нам прежде всего нужно обследовать, понять и изучить их языки, а затем помочь им на добровольных началах изучить китайский язык. Если работники китайской национальности будут понимать языки национальных меньшинств, а широкие массы национальных меньшинств постепенно овладеют китайским языком,— строительство национальных районов в области политики, экономики, культуры и просвещения, несомненно, получит еще более благоприятные условия для своего развития. Поэтому обследование и изучение языков национальностей фактически является важным звеном для ускоренного проведения строительства во всех областях общественной жизни.

8. Изучение методики преподавания языков. Цель методики преподавания языка заключается в том, чтобы научить учащихся слушать и понимать изучаемый язык, говорить на нем и пользоваться им. Преподаватель прежде всего должен сам правильно овладеть фонетическими закономерностями языка, его грамматическими законами, обиходом употребления

---

[6] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.
[7] Чэнь Ли, Дун-дянь ду-шу-цзи, т. XI, Филология.

его лексики и т. д. Только после этого он сможет, основываясь на результатах научного анализа и с учетом требований реальной жизни, преподавать и обучать, ведя учащегося от непонимания к пониманию, от неумения к умению. Эффективность преподавания целиком зависит от того, насколько методика достигла этой цели. Так обстоит дело с преподаванием родного языка, так же обстоит оно и с преподаванием иностранного языка.

9. Изучение порядка работы по ликвидации неграмотности и по проведению реформы письма. Китайское письмо сложно и трудно, оно плохо приспособлено для изучения его широкими массами. На это внимание было обращено еще 60 лет назад, неоднократно делались попытки различными методами решать этот вопрос. Метод ускоренного обучения грамоте, разработанный тов. Ци Цзянь-хуа, насыщенный боевым духом и снабженный «посошком к грамоте»,[8] позволяет неграмотному в короткий срок овладеть письменностью. Важнейшая причина успеха тов. Ци Цзянь-хуа заключается в том, что ему удалось найти, в чем лежит противоречие всех трудностей изучения и понимания китайского языка. Только это и позволило ему сделать прежде медленный процесс обучения — быстрым, сделать трудное — легким. Когда реформа письменности будет завершена и иероглифы будут заменены фонетическим письмом, культура широких народных масс быстро поднимется.

10. Изучение методов перевода. Перевод — великая сила, позволяющая претворять непонятные широким массам иностранный язык в понятный им родной язык. Словарный состав и грамматический строй языков различны, и переводчик должен владеть закономерностями грамматической структуры обоих языков, должен хорошо знать обиход употребления лексики обоих языков; он должен перевести лексику и конструкции чужого языка на доступные массам лексику и конструкции родного языка. Только в этом случае он способен выполнить свою задачу — привести от непонимания к пониманию. Если же переводчик не считается с законами грамматической структуры и лексикой своего языка, если он целыми глыбами насильно переносит чужой язык на родную почву, то в результате его работы получается иностранный язык, зафиксированный китайскими иероглифами, язык абсолютно непонятный широким массам; перевод такого качества широкие массы не примут. Конечно, для обогащения словарного состава своего языка, для совершенствования его структуры можно перенимать от иностранных языков все лучшее,—должным образом разжевав и переварив это лучшее так, чтобы оно могло удовлетворить голод родного языка, чтобы устаревшее вытеснялось и новое вводилось на старой основе. Пока такая новая лексика или конструкция еще не узаконены обычаем, перенятое из иностранного языка часто не нравится широким массам и даже считается непонятным. Здесь нужно иметь в виду, что «это, конечно, не навечно. Часть воспринятого перестает не нравиться и начинает нравиться, другая же часть не нравится до конца и вытесняется из языка. Это — что самое важное — окончательный приговор нашей работе»[9]. Таким образом, можно сказать, что право окончательной оценки принадлежит здесь народным массам.

Перечисленные выше задачи — лишь небольшая частичка работы китайского языкознания в настоящее время. Поскольку язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека, так же как и со всякой иной деятельностью во всей его работе,— несмотря на сравни-

---

[8] Имеется в виду транскрипция иероглифов национальной фонетической азбукой.
[9] Лу Синь, Письмо о переводе, Собр. соч., т. IV, Б. м., 1948, стр. 378.

тельно медленное изменение таких составных частей языка, как грамматика и фонетика,— его словарный состав наиболее чувствителен к изменениям и находится в состоянии почти непрерывного изменения[10]. А раз язык непрерывно изменяется,— непрерывно рождаются и противоречия. После того, как старые противоречия приходят к единству, рождаются новые противоречия. Противоречия в языке бесконечны и неизбывны, а тем самым бесконечны и неизбывны вопросы, изучаемые языкознанием. Поэтому языкознание и будет развиваться непрерывно.

---

[10] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1953

ШАО ЖУН-ФЭНЬ

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА (И О ФОНЕТИЧЕСКОМ ПИСЬМЕ ДЛЯ ДИАЛЕКТОВ)*

(Перевод с китайского И. М. Ошанина)

В своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин дал нам четкие научные указания по вопросам развития диалектов и национальных языков и по вопросу о слиянии языков. За истекшие два года некоторые товарищи, работающие в области родного языка, дали ряд статей, пытаясь на основе положений марксистского языкознания решить вопрос о диалектах и национальном китайском языке, пытаясь также на базе решения этого вопроса определить те или иные основные принципы реформы китайского письма. Такие попытки являются совершенно правомерными и необходимыми. К сожалению, число лиц, принявших участие в дискуссии по этим вопросам, было невелико, и сейчас еще трудно говорить об установлении единства мнений в отношении этой проблемы. В предлагаемой статье я хотел бы поделиться некоторыми своими личными соображениями по этому вопросу.

Одни товарищи применяли к развитию китайского языка и его диалектов формулу И. В. Сталина о победе одного национального языка над другим в период до победы социализма в мировом масштабе. Они пришли к выводу: «Отсюда можно видеть, что нормы общенационального языка представляют собой диалект, победивший в результате концентрации и слияния, а не какой-то новый, третий язык» [1]. Другие применяли к развитию китайского языка и его диалектов формулу И. В. Сталина о слиянии национальных языков после победы социализма в мировом масштабе. Они пришли к следующему выводу: «Семья, образуемая ныне китайскими диалектами, живет в мирном сотрудничестве. Между членами этой семьи не может быть и речи о подавлении одним диалектом другого или о поражении одного диалекта и о победе другого. Фактически их слияние происходит уже на протяжении весьма длительного исторического периода и в дальнейшем будет продолжаться, вплоть до их полного слияния

---

* *Опубликовано в журн. «Чжунго юйвэнь», Пекин, 1952, сентябрь, стр. 20—21.* Статье предпослано примечание редакции: «Пока нет еще общего мнения по вопросу о том, сложился ли уже в настоящее время китайский национальный язык. В данной статье представлено мнение автора о национальных языках. Читатель должен учесть, что он (Шао Жун-фэнь.— *И. О.*) расходится во взглядах с автором статьи „О китайском языке", помещаемой в настоящем номере, где тоже обсуждается вопрос о китайском национальном языке» [речь идет о статье Н. И. Конрада «О китайском языке», напечатанной в китайском переводе в журнале «Чжунго юйвэнь» (см. «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 45—78)].

[1] Чжан Жуй-гуан, Что дает сталинская теория языкознания в вопросах китайского языка, газ. «Дагунбао» (Шанхай) 4 IX 50.

в единый национальный язык»[2]. Я считаю, что правомерность применения формул развития национальных языков к процессу исторического развития диалектов одного языка отнюдь не является недискуссионным вопросом.

Мы знаем, что выделение национальных языков идет вслед за формированием наций, а нация является исторической категорией эпохи поднимающегося капитализма, является устойчивой общностью людей, сложившейся в связи с тем, что «борьба из хозяйственной сферы переносится в политическую»[3]. Поэтому национальное движение может совершенно исчезнуть только с исчезновением буржуазии. «Только в царстве социализма может быть установлен полный мир»[4]. Пока существует национальная борьба, национальные языки, опирающиеся на нации, не могут не вступать в борьбу между собой, не могут не вытеснять друг друга; при прекращении же национальной борьбы они тоже будут выходить из борьбы и сливаться. В различные исторические эпохи отношения между нациями различны, и соответственно различны также отношения между национальными языками.

Положение диалектов совершенно иное. Диалекты — ответвления внутри национального языка. Небольшие различия между ними в фонетике, лексике и грамматике, обусловленные территориальной раздробленностью, возникают на базе общего языка. Так обстоит дело не только с диалектами национального языка, но и с диалектами языка народности, племени, рода. И. В. Сталин говорит нам: «...племена и народности... имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки... Конечно, были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»[5]. Поэтому диалекты никогда не могут представлять собой такие вытесняющие друг друга группы, как национальные языки. Небольшие различия между ними всегда и неизменно пронизаны единством самого языка, единством расовым, экономическим, политическим. Раз это так, значит и в истории развития диалектов нельзя говорить об отдельных этапах борьбы и слияния. История их развития кардинально отлична от истории развития национальных языков.

Поскольку развитие диалектов в национальный язык не происходит ни в формах враждебности и борьбы, ни в формах взаимного слияния, оно должно происходить в третьей форме — а именно в форме мирного распространения.

Маркс говорит нам о «концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией»[6]. Ленин, развивая и дополняя это положение, говорит: «...единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»[7]. Отсюда ясно, что экономическая и политическая концентрация нуждается в единстве и концентрации языка. Это требование выдвигается необходи-

---

[2] Чжоу Ю-гуан, Сталинское языкознание и движение за латинизацию, газ. «Дагунбао» 14 IX 50.

[3] И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 306.

[4] Там же, стр. 312.

[5] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 12—13.

[6] Там же, стр. 15.

[7] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 368.

мостью тесной связи в экономической жизни, оно выдвигается внутри одной, общей политической группировки (нации). Оно есть желание всей нации, а отнюдь не особое требование, выдвигаемое только районом какого-то одного диалекта. А это и создает мирные условия в развитии диалектов. Здесь нельзя говорить о враждебности или о гнете.

Однако такое мирное развитие отнюдь не означает слияния диалектов или их скрещения на равных правах. Почему? И. В. Сталин говорит нам: «...некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки... Что касается остальных диалектов таких языков, то они теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них»[8]. Отсюда видно, что общенациональный язык создается на основе диалекта района политической и экономической концентрации; этот диалект постепенно впитывает в себя элементы других диалектов — но только те элементы, которые являются приемлемыми. Конечно, и сам диалект, ложащийся в основу национального языка, должен при этом отказаться от своих чересчур специфических элементов, однако это по существу отлично от положения с другими диалектами, которые исчезают совершенно. В любой области — в фонетике, грамматике, лексике — костяком сложившегося общего национального языка является диалект, легший в его основу. Таким костяком не способен стать никакой другой диалект, не могут стать им, конечно, и прочие диалекты в их совокупности. Поэтому нам остается признать, что развитие диалекта в общенациональный язык происходит в форме распространения, а не в форме слияния. Однако такое распространение происходит в условиях всеобщего молчаливого признания; оно стимулируется обусловленной экономической жизнью центростремительной силой нации.

Этот закон мирного распространения исключительно подходит к складывающемуся китайскому национальному языку. «Путунхуа»[9], складывающееся на основе диалекта Пекина, являвшегося политическим центром на протяжении целого тысячелетия и остающегося им и сейчас, получает благодаря широте своего распространения необходимые условия для своего развития в других диалектах. Это — неоспоримый факт. На основании этого факта всем остальным диалектам остается лишь перейти в подчиненное положение и двигаться к своему полному исчезновению. Что же касается будущего единого национального языка, то хотя мы сейчас еще и не можем твердо определить каждую характерную черту его состава, однако мы можем уже утверждать, что по своим лексическим, грамматическим и тем более фонетическим особенностям он, несомненно, будет очень близок нынешнему пекинскому диалекту и будет резко отличаться от современного кантонского, фуцзяньского или шанхайского диалекта. Мы будем говорить *ибай эрши куай цянь* «сто двадцать юаней», а не *бо эр инь*; будем говорить *цзэммо насе дунси фандэ луань-ци-ба-цзао-ды*? «почему эти вещи брошены в таком беспорядке?», а не *дянь цзего йе байдэ луань-си-лун-ка*? Такое отнюдь не равноправное положение и является доказательством расширения пекинского диалекта, но оно происходит по требованиям политической и экономической жизни всей нации и притом происходит постепенно, в течение очень долгого времени. Поэтому такое расширение является мирным, а вовсе не расширением в результате гнета или принудительной ассимиляции прочих диалектов. Именно такое расширение и является непременным средством складывания и роста

---

[8] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 43—44.

[9] Путунхуа — «общераспространенный язык» — разговорная норма китайского языка, сложившаяся на основе пекинского диалекта.

национального языка, является самой рациональной тенденцией в развитии диалектов.

Познав указанный закон развития диалектов китайского языка, мы должны опираться на этот закон при решении тех или иных вопросов китайского языка, должны действовать в соответствии с этим законом, но никак не должны действовать наперекор ему или подрывать его действие. На этом основании в вопросах реформы китайского письма мы возражаем против введения особых вариантов фонетического письма для диалектов. Письменность способна укреплять язык. Если мы дадим особую письменность диалектам, которые в процессе формирования национального языка должны исчезнуть,— письменность лишь укрепит эти диалекты, задержит темпы их исчезновения и тем самым задержит и правильное развитие нашего национального языка. Вот почему совершенно несостоятельной является попытка применять к диалектам национального языка формулировку: «раз языки различны, значит не следует избегать различий и в системе письма»[10]. Разве в Москве — один письменный русский язык, а за ее пределами — другой? Англичане и американцы представляют собой даже две разные нации, да и в языке их есть кое-какие различия, но письмо у них все равно общее. На каких же основаниях должны мы действовать вопреки всему этому? Мы считаем, что у нас должен быть только один вариант письма — для путунхуа. Конечно, для южан изучение этого варианта будет сопряжено с известными трудностями, однако и особый вариант письменности для местного диалекта тоже не способен эти трудности снять. Ведь особый вариант письма для диалектов может быть построен только на базе диалекта, который способен представлять говоры целой определенной зоны, который охватывает всю зону; письменность не может иметь особые варианты для каждой отдельной местности. Между тем, не говоря уже о населении, скажем, города Вэньчжоу, которому, конечно, было бы трудно освоить вариант письма, разработанный для города Ханчжоу,— даже населению города Чжуцзи было бы трудно овладеть ханчжоуским вариантом письма. А раз это так, спрашивается, какие же вопросы могла бы помочь нам решить разработка отдельных вариантов письма для местных диалектов?

Тем более мы должны учитывать, что в городах, т. е. в местах концентрации политики и экономики,— в Шанхае, Ханчжоу и т. д.— влияние путунхуа является уже достаточно глубоким. Для городов изучение одного только местного варианта письма при отказе от изучения письма для путунхуа оказалось бы явно недостаточным, ибо оно не могло бы удовлетворить жажду народных масс к знаниям; более того, такая политика будет квалифицирована как пренебрежение к существующему уже путунхуа и пойдет вразрез с исторической тенденцией развития национального языка. Говорят, что надо изучать оба варианта; но ведь вариант для путунхуа придется изучать так или иначе, и трудность эта ни в какой мере не будет снята введением особого варианта письма для местного диалекта. Почему же в таком случае нужно так беспощадно обрушиваться на проект разработки единого варианта письма?

Что же касается деревни, экономически пока распыленной, то здесь трудности будут довольно серьезными (хотя, конечно, эти трудности не мог бы разрешить и отдельный вариант письма для диалекта); однако и здесь положение отнюдь не является столь непоправимым. Мы считаем, что в деревне можно было бы предварительно энергично внедрять ускоренный метод товарища Ци Цзянь-хуа по обучению грамоте. В районах

---

[10] Чжоу Югуан, указ. статья.

гуаньхуа[11] «посошком» при обучении грамоте должна быть азбука «чжуинь цзыму»[12], а в районах других диалектов можно будет в соответствии с местными условиями вносить в эту азбуку те или другие поправки и дополнения, чтобы сделать ее таким «посошком». Когда иероглифы выучены, «посошок» бросают. Этот способ обладает всеми плюсами и не имеет ни одного минуса. После того как крестьяне овладеют иероглифическим минимумом, иероглифы, в результате чтения газетных и журнальных статей и литературных произведений, перестанут быть для них такими чужими, как сейчас. Встречаясь с ними все чаще и чаще в связи с насущными нуждами своей действительной жизни, крестьянин с большей легкостью будет продолжать и изучение фонетической письменности для путунхуа. Таким образом, наш национальный язык будет постепенно унифицироваться вслед за введением единой системы фонетического письма.

---

[11] Гуаньхуа «мандаринское наречие» — термин, обозначающий северный диалект в его трех основных вариантах: собственно северном, юго-западном и центральном.

[12] Национальная азбука, разработанная в 1913 г., введена в школы в 1918 г., применяется как средство транскрипции иероглифов.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1953

В. П. СУХОТИН, А. КОСТАЛАРИ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АЛБАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

История изучения албанского языка — одного из наиболее своеобразных индоевропейских языков Европы — не отличается богатством исследований. Специальные работы по вопросам грамматики, лексики, происхождения и развития албанского языка немногочисленны и к тому же не могут претендовать на широкий охват фактического материала, правильность и глубину теоретических обобщений[1]. Бóльшая их часть посвящена выяснению места албанского языка среди других индоевропейских языков южной части Европы, а также гипотезам о его происхождении, главным образом по данным словаря.

Опираясь на совершенно недостаточные фактические материалы, преувеличивая роль заимствований в албанской лексике[2], представители буржуазного западноевропейского языкознания (Г. Мейер, А. Мейе и др.) говорили о смешанном «полуроманском» характере албанского языка, который будто бы «перекрыт» турецкими, греческими и другими заимствованиями. Однако уже Х. Педерсен и особенно Н. Йокль не без успеха доказывали полную несостоятельность этой точки зрения[3]. Игнорируя данные основного словарного фонда, грамматического строя и их развитие в связи с подлинной историей албанского народа, Г. Мейер и другие исследователи не обращали должного внимания на самобытность албанского языка, его устойчивость и сопротивляемость всякого рода воздействиям и влияниям.

Значительный вред албанскому языкознанию и албанологии нанесли представители вульгаризаторской марровской теории и прежде всего сам Н. Я. Марр и его последователь Н. С. Державин[4]. Пытаясь доказать мнимое сходство албанского корнеслова со словами некоторых кавказских языков, они объявили албанский язык скрещенным (полуяфетическим, полуиндоевропейским) языком и тем самым внесли еще бóльшую путаницу в современное албановедение.

Несомненно, что в ходе своего исторического развития, в результате разнообразных взаимоотношений с другими народами, албанский народ

---

[1] Наиболее интересные сведения содержат работы Г. Мейера, Х. Педерсена, А. Мейе и особенно Н. Йокля.

[2] Так, в «Этимологическом словаре албанского языка» Г. Мейера (G. Meyer, Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache, Strassburg, 1891) приводится всего только 5140 слов, из которых 1420 слов Мейер считал по происхождению романскими, 1180 — турецкими, 840 — греческими, 540 — славянскими, 400 — вообще индоевропейскими и 760 — словами неизвестного происхождения.

[3] См. статью А. Буда «О создании единого албанского литературного языка», «Известия [АН Армянской ССР]. Общественные науки», Ереван, 1951, № 6, стр. 80—82.

[4] См. Н. Я. Марр, К вопросу о яфетизмах в албанском, «Яфетический сборник», I, Пб., 1922, стр. 57—66; Н. Державин, Албановедение и албанцы, сб. «Язык и литература», т. I, вып. 1—2, Л., 1926, стр. 171—192.

воспринял немало слов и терминов латинского, турецкого, греческого и итальянского происхождения. Значительную прослойку в словарном составе албанского языка составляют славянизмы, отражающие древние связи албанского народа с южными славянами[5]. Однако все это не привело ни к исчезновению, ни к скрещиванию албанского языка с другими языками. Основной словарный фонд и грамматический строй албанского языка в своей основе сохранились, как сохранилась национальная самобытность албанского народа, несмотря на долгие годы порабощения и гнета со стороны турецких и итало-немецких захватчиков, несмотря на их попытки уничтожить албанский язык.

«Сотни лет,— пишет И. В. Сталин,— турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьезные изменения, было воспринято не мало турецких слов и выражений, были и „схождения“ и „расхождения“, однако балканские языки выстояли и выжили. Почему? Потому, что грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранились»[6].

Непонимание существа и роли основного словарного фонда, недопустимое пренебрежение к грамматическому строю, отрицание сравнительно-исторического метода, извращение подлинной истории албанского языка в связи с историей народа — именно эти черты вульгаризаторской марровской «теории» привели ее носителей к нелепым антинаучным рассуждениям о яфетической основе албанского языка, о его «двуприродности» и т. п.

Что касается описания системы современного албанского языка, его лексики, фонетики и грамматики, то специальных работ такого рода до самого последнего времени не появлялось. Наиболее подробную и точную характеристику фонетики и грамматических правил современного албанского языка мы находим лишь в новейшей албанской грамматике К. Ципо[7], хотя и она не свободна от пробелов и ряда спорных утверждений. Это в особенности относится к разделам фонетики и синтаксиса, построенного главным образом на основе формально-логического принципа.

Более благополучно обстоит дело с изучением словарного состава албанского языка. Разработка вопросов лексики, осуществлявшаяся преимущественно виднейшими представителями албанской литературы, началась сравнительно давно. Некоторые двуязычные словари появились еще в XVII в. Из более поздних особо ценным является албано-греческий словарь выдающегося деятеля албанской филологии XIX в., языковеда и писателя К. Кристофориди (1830—1895), представляющий собой большой научный интерес и в наши дни[8]. В 1908 г. обществом «Bashkimi» («Единство») в г. Шкодре был издан албано-итальянский словарь, содержащий 12 тыс. слов. Но работа над толковыми словарями албанского языка, а также собственно лексикологические исследования не проводились до самого последнего времени.

*

Насилие и гнет в мрачные годы турецкой оккупации и фашистского режима тормозили не только экономическое, но и культурное развитие трудолюбивого и талантливого албанского народа; малейшие проявления национального самосознания беспощадно подавлялись и преследовались.

---

[5] Ср. А. М. Селищев, Славянское население в Албании, София, 1931.
[6] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 26.
[7] K. Cipo, Gramatika shqipe, Tiranë, 1949; его же, Sintaksa, Tiranë, 1952.
[8] Κ. Κριστοφορίδης, Λέξικον τῆς Ἀλβανικῆς γλώσσης, Ἀθῆναι, 1904.

Лишь после разгрома Советской армией фашистских полчищ в Европе, после освобождения Албании от немецко-итальянского фашистского ига и установления народно-демократического строя албанский народ получил возможность развивать свое хозяйство и культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию. Под руководством Албанской партии труда албанский народ за короткое время добился больших успехов как в экономике, так и в развитии культуры и науки.

«Кто знал нашу страну в прошлом,— сказал Энвер Ходжа в своем приветственном выступлении на XIX съезде партии,— при режиме феодалов и буржуазии, с бедным и отсталым сельским хозяйством, без промышленности и почти без школ, больниц, кино, театров и т. д., тот удивится огромным успехам, достигнутым за небольшой, восьмилетний период свободной жизни»[9].

В стране, которая до 1945 г. имела всего лишь 20% грамотного населения, в настоящее время вместе с экономическим подъемом бурно развиваются наука, культура, просвещение. Сотни школ, театров, клубов, средние специальные и высшие учебные заведения, созданный впервые после освобождения Институт наук в Тиране — все это свидетельствует о коренных изменениях в жизни албанского народа, об огромных достижениях в его борьбе за мир и социализм, о том, что в Албании открыты широчайшие возможности для развития всех наук, в том числе и албанского языкознания.

Кроме упомянутых выше грамматики и синтаксиса албанского языка К. Ципо, албанские языковеды, объединяемые Секцией языка и литературы Института наук, завершили к настоящему времени работу над другими учебными пособиями и исследованиями, имеющими важное значение как для школы, так и для развития албанской филологической науки. В частности, осуществлена подготовка к изданию первого толкового словаря, содержащего свыше 20 тыс. наиболее употребительных слов общенародного албанского языка с их структурно-семантическими и стилистическими характеристиками. «Этот словарь,— пишет в своей рецензии К. Ципо,— является важным шагом вперед в деле обогащения и унификации албанского литературного языка»[10]. Из новейших двуязычных словарей необходимо отметить изданный в Москве албанско-русский словарь, содержащий 13 тыс. слов, составленный Р. Д. Кочи, А. Косталари и Д. И. Скенди, под ред. А. Косталари, с приложением краткого очерка грамматики албанского языка, составленного Б. А. Серебренниковым[11]. Секцией языка и литературы албанского Института наук подготовлен первый русско-албанский словарь, который выйдет из печати в конце 1953 г.

В своей большой и многогранной работе албанские ученые опираются на опыт советских исследователей. С глубоким интересом и вниманием они изучают гениальные произведения классиков марксизма-ленинизма, развертывают критику и самокритику, улучшают планирование научно-исследовательской работы.

В январе 1952 г. Секция языка и литературы Института наук, объединяющая ведущих деятелей албанской филологии, провела свою первую научную сессию, которая имела большое значение для дальнейшего развития албанского языкознания. Эта сессия была посвящена определению важнейших задач в деле научной разработки и преподавания

---

[9] «Правда» 10 X 52, стр. 7.

[10] K. Cipo, Fjalori shqip i Institutit të Shkencavet, журн. «Ylli», Tiranë, 1951, № 6.

[11] Краткий албанско-русский словарь, 2-е изд., М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951.

албанского языка на основе марксистского учения о языке. Развернувшаяся дискуссия дала ценные материалы для составления пятилетнего плана научно-исследовательской работы секции, который в настоящее время и осуществляется.

Одной из основных задач албанского языкознания, выдвигаемых насущными потребностями развития культуры и новой демократической государственности, является установление единых норм современного албанского литературного языка и выявление одного из местных территориальных диалектов, который послужил бы его основой. Современный албанский язык характеризуется наличием двух основных диалектов: южного (тоскского) и северного (гегского). В районах соприкосновения этих двух диалектов отмечается наличие группы переходных говоров, которую условно принято называть наречием Эльбасана, где эта переходность наиболее заметна. Различия между упомянутыми двумя диалектами албанского языка имеют преимущественно фонетический характер. Так, например, согласный звук, обозначаемый буквой *g* с йотом (*gj*), в северном диалекте произносится как русский средненебный фрикативный звук *г'* с тенденцией к произношению аффрикаты *дж*, например, *i gjatë* «длинный»; в южном диалекте этот же согласный звучит как русский палатализованный *д'* в слове *дядя*. Согласный *q* в северном диалекте звучит как русский средненебный *к'* с тенденцией к произношению *ч*, например *qafë* «шея»; в южном диалекте тот же согласный произносится как русский палатализованный *т'*, например в слове *тётя*. Звуку *n* северного наречия в определенных позиционных условиях в южном соответствует *r* (явления ротацизма): *emër* — *emën* «имя» и т. п.

Из морфологических различий наиболее существенным является наличие в северном диалекте и отсутствие в южном формы инфинитива. Вместо инфинитива в южном диалекте употребляется сослагательное наклонение или причастие; ср. в северном: *due me punue* «хочу работать»; в южном: *dua të punoj*[12].

Что касается других различий, то они менее значительны. Следует заметить, что в отдельных случаях фонетические различия неправильно истолковываются как различия в грамматическом строе. Так, например, в «Кратком очерке грамматики албанского языка» Б. А. Серебренникова мы встречаем следующее утверждение: «Существенно отличается в северном наречии принцип образования причастий. Причастиям на *-ur* южного наречия в северном наречии соответствуют причастия на *-un*, например: южн.— *dashur*, сев.— *dashun*».

Однако нетрудно заметить, что в данном случае имеют место те же явления ротацизма (произношение *r* вместо *n*), о чем мы упоминали, касаясь фонетических различий; в морфологическом же строении этих слов разницы нет.

Установление единых норм общеалбанского литературного языка затрудняется прежде всего тем, что упомянутые диалекты имеют значительную письменную традицию и что до сих пор писатели Севера и Юга продолжают писать и печатать свои произведения на местных диалектах. Само собой разумеется, что при таком положении говорить о единых нормах общенационального литературного языка невозможно. А между тем потребности государства и народного просвещения (издание законов, постановлений, печатание учебников, букварей, язык театра, кино, радио) настоятельно требуют разрешения этой проблемы в ближайшее же время.

---

[12] См. Б. А. Серебренников, Краткий очерк грамматики албанского языка, «Краткий албанско-русский словарь», 2-е изд., М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951.

В сентябре 1952 г. в Тиране Секцией литературы и языка Института наук была проведена вторая научная сессия, посвященная главным образом проблемам нормализации современного албанского литературного языка (выяснение диалектной базы, вопросы терминологии и орфографии, борьба с употреблением без надобности иностранных слов и др.). Наибольшее внимание было уделено вопросу об определении диалектной базы современного албанского языка, вызвавшему широкую дискуссию. Дискуссия продолжалась три дня и привлекла большое внимание албанских филологов, писателей, журналистов и учителей. В дискуссии приняли участие находившиеся в то время в Албании авторы этой статьи. Основной доклад был сделан писателем Д. Шутерики. Опираясь на данные о распространенности и истории развития письменности на южном и северном диалектах, а также принимая во внимание уже установившуюся практику, докладчик в качестве основы общеалбанского литературного языка рассматривал южный (тоскский) диалект.

Дискуссия носила острый и принципиальный характер. По докладу Д. Шутерики выступило свыше 20 человек, в том числе языковеды и педагоги Ал. Джувани, М. Доми, Л. Додбиба, С. Спасе, М. Ресо, писатели Л. Силики, З. Сако, А. Варфи и др., представители учительства, общественные деятели и журналисты. Дискуссия показала, что деятели албанской филологии стремятся исходить в своей работе из марксистского учения о языке, проявляют большой интерес к научно-исследовательской работе и готовность активно участвовать в разрешении актуальных задач теории и практики албанского языкознания. В особенности следует отметить живейшее участие в языковедческой работе талантливых представителей современной албанской литературы — писателей и поэтов новой демократической Албании.

Вместе с тем в ходе дискуссии выявилась некоторая нечеткость в понимании общенародного характера национального языка, его отношения к местным территориальным диалектам, а также слабая постановка диалектологической работы. Так, в некоторых выступлениях проскальзывало убеждение в том, что избрание одного из диалектов в качестве основы национального литературного языка будто бы есть попытка обеспечить расцвет данного диалекта за счет гибели других местных диалектов. Это убеждение, как отметили выступавшие,— результат неправильного понимания общенародного национального языка как механической суммы или конгломерата диалектов.

На самом деле отсутствие единых норм общенационального литературного языка вовсе не означает отсутствия общенародного ядра данного языка на всех этапах его развития. Сколько бы ни было диалектов в данном национальном языке, они ни в какой мере не исключают и не покрывают собой его общенародной сердцевины, они являются лишь ответвлениями, низшими формами по отношению к общенародному языку, как к высшей форме.

В этом нетрудно убедиться на примере любого языка. Ни у кого не вызывает сомнения факт наличия местных (территориальных) диалектов в русском, немецком, албанском и многих других языках. И тем не менее всякий русский, немец, албанец сразу же назовет сотни и тысячи слов, грамматических форм и звуков, общих и одинаковых для всех диалектов и говоров его языка. Таким образом, определение языка как суммы, комбинации или конгломерата разнообразных диалектов, направленное на отрицание общенародного характера языка, неправильно и ненаучно и может только запутать вопрос о взаимоотношении языка и диалектов. В отличие от общенародного языка, который существовал и существует на всех этапах развития общества, литературный язык формируется в опре-

деленные периоды истории народа, чаще всего в эпоху поднимающегося капитализма, образования наций и национальных государств.

Формирование албанской нации протекало в исключительно трудных исторических условиях, в обстановке непрерывной ожесточенной борьбы с иноземными захватчиками и поработителями. Несмотря на это, героический албанский народ выстоял в этой борьбе, сохранил свою национальную самобытность и завоевал себе право на свободное демократическое развитие. Вместе с независимостью и свободой албанский народ отстоял и свой общенародный язык, как один из важнейших признаков нации. Что касается литературного языка, то в силу тех же сложных исторических условий к моменту освобождения Албании он не успел сформироваться, не успел сложиться как единый литературный язык албанской нации, несмотря на усилия лучших представителей албанского народа.

Только в условиях народно-демократического режима появилась возможность установить единые нормы литературного языка и тем самым осуществить большое и важное общенациональное дело. Но чтобы разрешить проблему нормализации общелитературного албанского языка на прочных научных основаниях, необходимо прежде всего тщательно изучить современное состояние албанских диалектов. В процессе обсуждения доклада Д. Шутерики выяснилось, что диалекты албанского языка претерпели за последние годы серьезные изменения. Укрепление единства и государственной сплоченности различных районов и областей Албании, небывалый рост экономики, культуры и просвещения, приобщение всего народа к общественно-политической жизни страны — все это усилило процессы нивелировки и сближения диалектов, что в особенности проявляется в живой разговорной речи молодого поколения албанцев, а также в языке произведений современных албанских писателей — представителей южного и северного диалектов.

В связи с этим назрела острая потребность в постановке и широком развертывании диалектологической работы, которая в настоящее время не стоит на должной высоте. Исходя из этого, сессия признала необходимым организовать тщательное изучение состояния современных албанских диалектов путем снаряжения диалектологических экспедиций, подготовки диалектологических карт и атласов, монографий и исследований. Для осуществления этих задач намечены конкретные мероприятия: комплектование экспедиционных групп, разработка вопросника, составление картотеки и пр. Все это даст возможность собрать такие материалы, которые помогут албанским филологам выяснить пути развития современных албанских диалектов и избежать субъективизма в ответственном деле выработки единых норм литературного языка. Изучение диалектов будет также способствовать делу подготовки исторической грамматики албанского языка, поскольку именно в диалектах часто сохраняются элементы исчезнувших или отмирающих форм.

*

Установление народно-демократического строя в Албании определило коренные изменения в самом характере деятельности албанских ученых. Если раньше разработка отдельных научных проблем осуществлялась одиночками и была оторвана от непосредственных интересов и нужд народа, то в настоящее время ученые Албанской Народной Республики получили возможность объединить свои силы в едином государственном научном учреждении — в Институте наук — и организовать свою работу по единому плану, отвечающему практическим задачам социалистического

строительства в Албании. Именно в условиях новой демократической Албании появилась возможность осуществить такие важные коллективные труды, как упомянутый выше толковый словарь албанского языка, уже подготовленный к печати.

В пятилетний план Секции языка и литературы Института наук включены: работа по составлению албанско-русского словаря на 22 тыс. слов[13] (срок окончания работы 1954 г.), исследования по современной и исторической грамматике албанского языка, а также по ряду вопросов терминологии и орфографии. Значительное внимание уделяется изучению языка писателей. В частности, запланировано изучение языка писателей-классиков албанской литературы: Н. Фрашери (1846—1900), А. Зако-Чаюпи (1886—1930), что, несомненно, даст богатейшие материалы для построения истории албанского литературного языка. В разработке этих проблем примут участие как представители старшего поколения филологов, так и молодые кадры языковедов. Насыщенность плана свидетельствует о напряженной деятельности албанских филологов в области разработки наиболее актуальных вопросов теории и практики албанского языкознания.

Вместе с тем некоторые существенные вопросы не получили пока еще должного отражения в плане научных исследований Секции языка и литературы. Это прежде всего относится к проблеме изучения основного словарного фонда и, отчасти, грамматического строя албанского языка в их современном состоянии и развитии. А между тем потребность в этом очевидна. Отчетливое представление об основном словарном фонде, о его происхождении и развитии пролило бы свет на многие спорные вопросы происхождения албанского языка — одного из древнейших языков Балканского полуострова, — на роль заимствований в нем, на роль так называемого иллирийско-фракийского субстрата, что привлекает в настоящее время особое внимание исследователей[14]. Ведь именно невниманием к словам основного словарного фонда и переоценкой роли заимствований объясняются всякого рода вульгаризаторские рассуждения о скрещенном или смешанном характере албанского языка, о его несамостоятельности и т. п.

Да и проблема установления единых норм литературного языка в конечном счете упирается в необходимость изучения основного словарного фонда и грамматического строя, поскольку эти нормы должны максимально соответствовать внутренним законам развития языка, которые нельзя познать без изучения основного словарного фонда и грамматического строя в их развитии.

Значительно больше внимания уделяется в плане вопросам изучения албанской грамматики, в частности, вопросам словообразования и словоизменения. В то же время бросается в глаза отсутствие в плане вопросов, связанных с исследованиями по синтаксису, хотя синтаксис представляет собой наименее разработанную область албанской грамматики. Правда, в книге К. Ципо[15] собран значительный материал, приводятся сведения по характеристике различных типов синтаксических конструкций, значения падежей и т. п., однако все эти полезные сведения следовало бы дополнить анализом основных типов и закономерностей сочетания слов в предложениях албанского языка, что позволило бы изложить синтаксическую систему албанского языка в целом.

---

[13] Указанное выше 2-е издание албанско-русского словаря содержит, как уже говорилось, 13 тыс. слов.

[14] Ср., например, статью В. Ф. Шишмарева «Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР», «Вопросы языкознания», М., 1952 № 1, стр. 84 и сл.

[15] K. Çipo, Sintaksa, Tiranë, 1952.

Важным пробелом в плане научных исследований секции является отсутствие работ, которые были бы посвящены изучению звукового состава, системы фонем и звуковых изменений современного албанского языка. Запланированные темы по вопросам албанской орфографии (орфографический словарь, уточнение правил и т. п.) не могут быть с успехом осуществлены без серьезных исследований в области фонетики, без определения характера ударения, структуры слога, позиционных и исторических чередований и пр.[16] Поэтому было бы весьма желательно пробуждение исследовательских интересов к вопросам фонетики. Результаты этих исследований позволили бы албанским филологам выдвинуть обоснованные предложения по улучшению ныне действующей графики и дать верное направление развертывающейся дискуссии по вопросам современного албанского правописания.

Следует подчеркнуть, что многие деятели албанской филологии и представители учительства до сих пор не пришли к единому мнению по поводу целесообразности сочетания морфологического и фонетического принципов в установлении ряда существенных правил современной албанской орфографии. Так, например, до сих пор наблюдается разнобой в написании некоторых существительных в именительном и косвенном падежах в связи с позиционными чередованиями звонких и глухих согласных. Дело в том, что система согласных современного албанского языка характеризуется наличием противоположения звонких и глухих согласных фонем. Звонким *b*, *g*, *gj*, *v*, *d*, *dh*, *z* соответствуют глухие: *p*, *k*, *q*, *f* *t*, *th*, *s*.

Оказываясь на конце слова (например, в им. падеже ед. числа неопределенной формы имен существительных), звонкие согласные заменяются в произношении соответствующими глухими. Ср. *dhëmb* «зуб» — *dhëmp*; *breg* «берег», «холм» — *brek*; *qëngj* «ягненок» — *qënq*; *vend* «место», «страна» — *vent*; *livadh* «луг» — *livath*; *brez* «поколение», «пояс» — *bres* и т. п. Написание соответствующих букв в этих случаях не установлено. Пишут и по фонетическому принципу (с глухими на конце слова), и по морфологическому (со звонкими).

То же самое — в случаях диссимиляции согласных по способу артикуляции. Так, взрывной *ç* в албанском языке перед взрывными же переходит в произношении либо в *sh* (перед глухими), либо в *zh* (перед звонкими). Например, существительное *çpërblim* «вознаграждение» произносится как *shpërblim*; *çvillim* «развитие» — как *zhvillim* и т. п.

Аналогичные явления можно обнаружить в написании глаголов и прилагательных. Здесь также перекрещиваются фонетический и морфологический принципы и встречаются самые разнообразные написания. Как уже указывалось, этот недопустимый разнобой в значительной мере обусловлен неразработанностью фонетики современного албанского языка. Чтобы разрешить многие спорные вопросы современного албанского правописания, необходимо установить, чем обусловлены разнообразные фонетические изменения (тип ударения, процессы ассимиляции и диссимиляции согласных, характер редукции гласных и т. п.) и какова их распространенность в современном албанском языке.

Необходимо иметь в виду, что, несмотря на преимущества фонетического принципа, его безраздельное господство в правописании далеко не всегда можно считать приемлемым. Так, например, некоторые албановеды не без основания считают, что имена существительные в именительном падеже

[16] На необходимость научной разработки фонетической системы албанского языка указывают и авторы новейших исследований и учебников (см., например, K. Cipo, Gramatika shqipe, стр. 15).

неопределенной формы следует писать не по фонетическому, а именно по морфологическому принципу, т. е. писать на конце их буквы, обозначающие не глухие, а звонкие согласные. Фонетическое же написание этих существительных, т. е. с глухими на конце, будет способствовать не уяснению, а разрушению единого представления об основе существительного и, следовательно, затруднять, а не облегчать понимание структуры слова и выделение морфем. При разработке вопросов фонетики появились бы необходимые материалы и для установления норм современной албанской орфоэпии, что имеет прямое отношение к нормализации литературного языка.

Следовало бы также обратить внимание на некоторые общебалканские соответствия в лексике, а также параллельные образования и явления в фонетике и грамматическом строе албанского и других балканских языков (ротацизм, место артикля, отсутствие формы инфинитива). Эти соответствия и сходные явления, повидимому, отражают исторические связи и взаимоотношения балканских народов, и изучение их было бы важно как для лингвистов, так и для историков.

Но это проблема более отдаленного будущего. На очереди же—глубокое историческое изучение каждого языка в отдельности и раскрытие внутренних законов развития балканских языков на большом фактическом материале. Наконец, серьезным пробелом в плане научных исследований является отсутствие в нем общетеоретических проблем, разрешаемых на конкретном материале албанского языка.

Албанские языковеды, как уже было отмечено, стремятся исходить в своей исследовательской работе из основных положений марксистско-ленинской теории. Развертывание теоретической работы на базе конкретных исследований, принципиальная научная критика, организация широких творческих дискуссий по основным вопросам албанского языкознания — все это поможет албанским языковедам в борьбе за реализацию намечаемых мероприятий.

Осуществление этих задач настоятельно требует сплочения всех лингвистических сил страны, а также усиления подготовки молодых научных кадров. К сожалению, именно в области подбора и воспитания молодых специалистов-языковедов албанская филологическая наука испытывает большие затруднения. В настоящее время проводится ряд мероприятий, которые создадут для Института наук возможность открыть аспирантуру по языкознанию и широко развернуть необходимую работу по подготовке кадров.

Учитывая высокий патриотизм деятелей албанской науки, их исключительный творческий подъем и активность в разрешении актуальных вопросов албанского языкознания, можно не сомневаться в том, что перечисленные трудности будут преодолены и тот большой план научных исследований, которым руководствуются и который уточняют в настоящее время албанские языковеды, будет своевременно выполнен.

«Албанские филологи,—говорится в статье члена Института наук М. Доми, помещенной в газете «*Zëri i Popullit*»,—имеют все возможности успешно решить проблему литературного языка и другие проблемы, которые связаны с ней и которые выдвигает бурное экономическое и культурное развитие страны,— потому что их деятельность освещается мощным светом сталинского учения о языке, перед ними достижения советского языкознания, наконец, потому, что они имеют поддержку и безграничную помощь Партии и Правительства»[17].

---

[17] M. D o m i, «Sesioni i dytë shkencor për vitin 1952 i Institutit të Shkencave», газ. «Zëri i Popullit» 19 IX 52.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1953

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РУССКИМ ЯЗЫКОМ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны отдельные грамматические категории и формы современного русского языка или активизировались, или обнаружили некоторые изменения в своем стилистическом использовании. Анализом соответствующих явлений, связанных с поисками более точных форм выражения, полностью подтверждается положение об устойчивости грамматического строя и о постепенном характере его изменений в соответствии с внутренними законами развития языка. В этом отношении характерно, например, что многие грамматические «новшества», появившиеся в языке в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, вскоре же исчезли из языка, так как не соответствовали его грамматическим законам и правилам (ср. ниже примеры из области «несклоняемости» слов).

В настоящей статье мы остановимся на некоторых явлениях частных изменений в категориях рода и числа, в склонении имен существительных, а также на некоторых изменениях в области употребления отдельных грамматических форм.

I. Из наблюдений над категорией рода

До революции социально активным лицом в нашей действительности был почти исключительно мужчина. Женщина без специального образования была хозяйкой и работницей в собственном доме, работницей и в чужом доме, в известной мере — низовой работницей чужого поля, завода и фабрики. В чужом доме женщина была нянькой, горничной, кухаркой, а в целом — «прислугой». Во дворе, в саду и в других подобных местах работал только мужчина: дворником, сторожем, конюхом, садовником.

Замужняя женщина обычно именовалась или по фамилии мужа, или, чаще, по его специальности, должности и пр.: *Семениха*, *Петриха*, *дворничиха* (жена дворника), *дьячиха*, *дьяконица*, *офицерша*, *полковница*, *генеральша*, *губернаторша*. Ср.: «*Староста* наш в канаву залез, *старостиха* в подворотне застряла, благим матом кричит» [1] (Тургенев, Бежин луг); «Обед готовила сама *начальница станции*» (Горький, Скуки ради).

«Завоевывая» права на низшие виды труда, главным образом несложного труда мужа, женщина сохраняла свое прежнее общественное название: так, *сторожиха* стало означать: 1) жена сторожа и 2) выполняющая работу мужа-сторожа. Нам хорошо памятны обозначения, родившиеся на путях дифференциации: *сама сторожиха* и рядом — *сторожиха*.

Постепенно женщина начинает самостоятельно (а не только вслед за мужем) выполнять разные мужские работы. Возникают профессиональные наименования, совпадающие с наименованиями по мужу, что ведет к неточности и затрудняет понимание. В связи с этим, а также вообще в связи с социальным раскрепощением женщины называть ее по профессии мужа стали все реже и реже, и такие слова, как *сторожиха*, *дворничиха* и т. п., из названий по мужу становились названиями по личному социальному положению, по профессии или роду занятий. Другие названия по мужу, вроде *исправница*, *губернаторша*, *протопопица*, *купчиха*, после 1917 г. ушли в пассивный запас словаря. Процесс этот почти закончился к началу Великой Отечественной войны и совершенно закончился в годы военного времени.

Сейчас обычно женщину больше не называют по профессии мужа. Если нужно женщину назвать по мужу, в официальной речи говорят: *жена генерала*, *жена полковника*, *жена офицера*, *жена директора*, *жена профессора* и т. д.; слова *генеральша*, *профессорша*, *офицерша* теперь доживают свой век в просторечии, в семейном или шуточном употреблении.

---

[1] Здесь и в дальнейшем курсив в цитатах наш.— *Ред.*

Однако путаница в формах и способах обозначения женщины по профессии и специальности проявляется сейчас в другом. Женщина у нас целиком уравнена с мужчиной и в правах, и в трудовых обязанностях; тот и другая могут быть ударником, инженером, техником, поэтом, артистом, лауреатом и т. д. Многочисленные имена существительные мужского рода — названия профессий и социальных положений, которые раньше применялись только к мужчине, теперь стали применяться и к женщине. Язык ищет путей дифференциации, уничтожения создавшегося разнобоя. А разнобой здесь исключительный: *ударник* Петрова и *ударница* Петрова, *тракторист* Петрова и *трактористка* Петрова, женщина-*тракторист*, женщина-*трактористка* и т. д. О женщине говорят: *пришел* врач, *пришла* врач, *наш* врач, *наша* врач... К сожалению, писатели наши, иногда по явной небрежности, пишут часто крайне разнобойно. В рассказе В. Лидина «Дело №...» читаем:

> «*Кассир*, немолодая и полногрудная Елена Ивановна, *заходила* в свою уединенную клетушку... *Кассир взял* из чемоданчика несколько пачек, *разложил* деньги по достоинству... И каждый, кто видел *ее* пухлые руки, листающие бумажки, *ее* пенснэ... — Кем была сорвана сегодня утром печать? — спросил инспектор *кассира*. Мной, как обычно, — *ответила та* с достоинством... *Кассир* ничего не *вынес* с собой, кроме обычной своей *дамской* сумочки...»

Если бы автор воспользовался уже приобретшим права гражданства термином «кассирша», то рассказ читался бы гораздо глаже. Такая настойчивость автора тем более непонятна, что на протяжении всего рассказа он пользуется аналогичным термином «курьерша». Да и «кассирша» все же появляется, хотя бы и в последней главе: «*Кассиршу* Елену Ивановну, постаревшую за эту неделю, вызвал к себе инспектор уголовного розыска...»

Несомненно плохо звучит: «Что сказать *врачу, которая* обязательно навестит?» (Былинов, Металлисты). Неужели мы в пределах богатейшего русского языка не можем обойтись без такой бессвязности?

У В. Инбер — осознанная и, на наш взгляд, претенциозная игра слов, построенная на этом разнобое:

> «На прощание я пыталась угостить *своего пилота* папиросами. Оказалось, *она* не курит. Я предложила полбутылки хорошего красного вина. Нет, *она* и не пьет. Тогда я, после минутного колебания, вытащила из кармана пальто непочатую губную помаду. И *мой пилот не устоял*: смущенно улыбаясь, *взял*».

Куда идти дальше:

> «Теперь он *муж лауреата* Сталинской премии», «*Муж профессора* политэкономии...», «*Муж чемпиона...*» (Из разговорной речи вузовских работников в 1943—1944 гг.).

Нелады с категорией грамматического рода замечены, попали в шуточные сценки и анекдоты. Не раз отмечалось это и в юмористической печати.

> «Машиниста Степанова знаешь? — Еще бы! — Женился.— На ком? — На начальнике станции» («Крокодил», М., 1939, № 33).

Шуточная песенка о начальнике станции заканчивается словами:

> «Нашего начальника Катенькой зовут...»

Или еще примеры:

> «Когда кончится война, Трофим, поженим твоего сержанта на моем ефрейторе» («Крокодил», М., 1945, № 15—16).

> «Теперь у нас в колхозе прибавится еще один старший механик.— Кто? — Муж нашего механика» («Крокодил», М., 1945, № 22).

Каковы же пути, по которым идет язык, устраняя разнобой и возможности двусмысленного понимания?

Один из таких путей — возникшие еще в конце XIX в. сложные образования типа *женщина-врач*; но это, повидимому, явление временное. В период борьбы за профессиональное равноправие мужские имена для обозначения женщин по трудовой деятельности были в известном смысле целесообразны и прогрессивны. Мы шли на трудные для речевой практики несогласованные сочетания типа *женщина-врач*, так как переживали стихийное стремление к уравнению правовых отношений мужчины и женщины. Однако такими сочетаниями нарушается один из основных грамматических законов нашего языка — закон согласования в роде и уподобления по формам рода. Поэтому такие образования сейчас явно идут на убыль.

Другой путь — суффиксальная дифференциация; он имеет большие преимущества. Суффиксальная дифференциация, опирающаяся на давнюю общеславянскую тра-

дицию, обеспечивает единство основы двух слов и одновременное четкое различие их форм и значений. Сейчас подавляющее большинство новообразований — названий женщин по социальному признаку или по профессии создается средствами суффиксации.

Явно распространяется подчинение женских наименований женскому типу склонения, не нарушающее ни смыслового, ни грамматического единства сочетающихся слов (ср. *ударник* Петрова и *ударница* Петрова), и можно смело сказать, что мы вступили в период «начала конца» путаницы в родовой дифференциации названий мужчины и женщины по признакам профессии и специальности.

Разговорная речь всегда стремилась обойтись без сложных наименований типа *женщина-врач*. Так появлялись *докторша, докториха, докторица, врачиха* и т. д. Но подобные слова не могли стать терминологическими наименованиями; этому мешали стилистически окрашенные суффиксы. Однако в языке существовали суффиксы, лишенные специальной экспрессивной и стилистической окраски; это прежде всего суффиксы *-ица* и *-ка* (*ударница, учительница, лаборантка, ассистентка, студентка* и пр.). Из них первое место по употребительности среди новообразований принадлежит суффиксу *-ица*; суффикс *-ка* часто несет в себе эмоционально сниженный оттенок значения [ср. *лекарка, богомолка, торговка, гадалка, стряпка* (диал.) и т. п.]. В результате продуктивности и нейтрального значения суффикса *-ица* в годы революции и позднее, в годы Великой Отечественной войны, появились многочисленные новообразования: *аварийщица, автоматчица, браковщица, водительница, дальномерщица, дешифровщица, десантница, дорожница, дружинница* (*сандружинница* и пр.), *забойщица, зенитчица, калибровщица, колхозница, корзбейница* (продавщица военторга на фронте; см., например, «Правду» 17 I 44), *летчица, минометчица, многостаночница, наводчица, разметчица, регулировщица, уборщица, физкультурница* и многие другие

Второе место занимает суффикс *-ка*: *диверсантка, комбайнерка, ординарка-посыльная, партизанка* и др. Ср. просторечн.: «Она, *инженерка*, снова задержала нам подачу чертежей» (Былинов, Металлисты). Обычен суффикс *-ка* в сочетании *-ист-ка*: *мотористка, морзистка, парашютистка, прибористка, прожектористка, связистка, сигналистка* и т. п. Менее активен способ субстантивации: *горновая* (женщина-горновой), *вожатая, звеньевая, военная, связная, заведующая, раненая* и некоторые другие.

> «Я уже теперь *старый военный*, — говорит Валя Тимофеева» («Известия» 19 VII 41).

И уже новое:

> «Товарищ *военная* — окликнул меня звонкий женский голос» (Джигурда, Теплоход «Кахетия»).

Суффиксы *-ша* и *-иха* непродуктивны. Первый закрепился лишь в нескольких словах: *билетерша, кассирша, кондукторша* и некоторых других.

Называние женщины по профессии, роду занятий именем существительным мужского рода — в целом явление менее частое, чем суффиксальные образования. Однако в некоторых своих функциях такие формы очень устойчивы и, вероятно, будут существовать и впредь. Прежде всего, названия профессий — имена существительные мужского рода одновременно являются у нас обозначениями родовых понятий (genus). Так, словом *работник* обозначается всякий работник — и мужчина, и женщина; ср. в устойчивых сочетаниях *научный работник, работники умственного труда, работники просвещения, партийный работник, работники связи* и т. п. Таким образом, понятие «работник» по своему объему значительно шире понятия «работница», и женщина имеет право на оба названия; ср.: Она — *работница* на фабрике; Наташа — хороший *работник*.

В современном языке, особенно в целях дифференцированного обозначения, все чаще и чаще встречаются союзные сочетания двух слов, которые называют и мужчин, и женщин, занимающихся одним видом труда. В годы войны, когда особенно возросли и умножились трудовые и боевые подвиги женщин, такие расчлененные обозначения в письменных обращениях, воззваниях, лозунгах и призывах стали почти нормой: Мы, *рабочие* и *работницы*...; *Колхозники* и *колхозницы*...; Наши славные *партизаны* и *партизанки*... и т. п.

Другим фактором, определяющим употребление существительного мужского рода для обозначения женщины, является момент стилистический. Когда мы говорим о выдающихся женщинах — героях, лауреатах, ученых,— мы чаще пользуемся существительными мужского рода как обозначающими лицо, человека вообще. На этой почве стало обычным не дифференцировать по роду названия административных и общественных должностей, высоких званий и т. д., особенно когда соответствующие существительные входят в устойчивые словосочетания терминологического характера (ср. *Герой Советского Союза, депутат, лауреат, директор, прокурор, начальник станции* и т. п.). Однако нет оснований думать, что и это явление «исключительно устойчиво». Так, герои и героини тыла и фронта уже фактически уравняли высокое значение этих слов.

Третьим фактором, которым определяется в ряде случаев отсутствие родовой дифференциации, является традиция тяжелого («мужского») труда и службы в армии.

Существительные мужского рода обычно оставались наименованиями для попадавшей на трудную, «мужскую» работу женщины. Однако распространение женского труда способствовало и распространению новых названий. Чем шире проникал женский труд в армейские учреждения, в действующую армию и в партизанские отряды, тем шире распространялись и женские названия военных профессий. Выше в списке наименований на *-ица* и *-ка* мы видели названия типа: *зенитчица, разведчица, пристрелка, радистка* и т. п.; сейчас уже пропала надобность в выражениях: *женщина-пулеметчик, женщина-минометчик* и пр.

Ясно, что процесс развития родовой дифференциации в рассматриваемом пласте лексики может быть лишь постепенным. Грамматические правила уточняются медленно, не сразу распространяясь на те или иные группы слов. В процессе непрерывной речевой практики народа язык совершенствует свои нормы, вырабатывает более точные средства выражения. Однако бывают отражающиеся на языке моменты особого общественного напряжения, когда сложившиеся в речевой практике тенденции изменений, так сказать, всплывают на поверхность и становятся очевидными «для невооруженного глаза» наблюдателя. Именно таким периодом были годы революции и особенно Великой Отечественной войны по отношению к развитию родовой дифференциации в наименованиях званий, должностей и профессий.

II. Из наблюдений над категорией числа

В годы Великой Отечественной войны заметно активизировалось употребление форм множественного числа имен существительных. Оборотной стороной этого явления было сокращение употребления форм единственного числа в отдельных его функциях и в определенных лексических группах — явление, уже раньше наметившееся в нашем языке.

Прежде всего формы множественного числа вытеснили из употребления формы единственного числа со значением обобщенности, собирательности. Ср.: На нас напал *француз* (1812); Наш *моряк* отважен. Так было раньше, так встречается иногда и теперь, но неизмеримо реже прежнего. Нормой наших дней в таких случаях является множественное число со значением широкого обобщения: На нас напали *фашисты* (1941); Наши *моряки* отважны [2].

Сравнительно широко в годы Великой Отечественной войны употреблялись в собирательном значении лишь некоторые имена существительные: *враг, неприятель* и т. п.: сведения о передвижении *неприятеля*; укрепление *неприятелем* высотки; *неприятель* отступил; *неприятель* готовит атаку и пр. Слово *враг* в собирательном значении переместилось в высокий стиль. В обычной речи чаще встречалось: *немцы, фрицы, фашисты* или конкретные терминологические наименования: *неприятельские автоматчики, неприятельские минометчики* и т. д. Высокая стилистическая окраска слова *враг* хорошо иллюстрируется следующим примером: в повести М. Алексеева «Солдаты» взволнованный Гунько с риторическим пафосом говорит:

> «Да мне с моими солдатами, дорогой товарищ, не сегодня завтра придется лицом к лицу встретиться с *врагом*, вступить с ним в кровопролитный бой...».

«Нельзя ли спокойнее и проще»,—

иронически просит Марченко.— Гунько обещает:

> «Буду проще»,

но продолжает ораторски:

> «Да, вступить в бой! Так пусть же знают они этого *врага*».

Наконец, говорящий успокаивается, приподнятость тона исчезает, и речь идет уже не о враге, а о немцах:

> «Что касается превосходства *немцев*, то не тебе, разведчику, говорить о нем». «Сейчас солдаты не поверят в превосходство *немцев*; они знают наши силы не хуже нас с тобой!».

Фрицем, немцем, даже *гитлером* часто называли вражеский самолет. Единственное число со значением собирательности здесь было бы совершенно невозможно: оно бы искажало смысл сообщения. В небе показался *фриц;* Бросились за *фашистом;*

[2] Следует отметить общую тенденцию к сокращению употребления имен существительных собирательных на *-ство*. Теоретически рассуждая, слова на *-ство* с собирательным значением могли бы и вновь возникать (*саперство, снайперство* и т. п.); но они не возникали, а старые аналогичные образования постепенно сужали сферу своего применения. В 1943 г. вернулось в активный словарь и стало широко употребляться слово *офицер* и производные от него, но мы ни разу не встретили в газетах или журналах слова *офицерство*. Не встречалось также и слово *учительство* с собирательным значением и почти не встречалось слово *студенчество* (норма: *студенты*).

Окружили *гитлера* и т. д.—все это несомненно воспринималось в значении единственного «конкретно-единичного».

Случаи единственного числа типа *фашист напал* в годы войны нами почти не отмечены. Нормой было: Бьем *фашистов* (*фрицев*); *Фашисты* (*фрицы*) бегут; *Фашисты* (*агрессоры*) напали и т. д.— всегда во множественном числе. Употребление форм множественного числа в собирательном значении удобно тем, что эти формы и обобщают, и одновременно дают возможность расчлененного представления о предмете; ср.: 1) Вот показалась вражеская *пехота*; Отличилась наша *артиллерия* и 2) Вот показались наши *пехотинцы*; Отличились наши *артиллеристы*. Вероятно, в силу именно этого значения, связанного с интересом к личности, к отдельным людям, форма множественного числа терминологических наименований постоянно употреблялась в речи о наших войсках и о наших героях, в то время как формы единственного числа с собирательным значением для соответствующих слов сравнительно часто появляются в речи о вражеских войсках. В то же время нужно отметить, что формы множественного числа со значением обобщения широко употреблялись и для выражения эмоционально-отрицательной оценки. Десятки раз в каждом номере газеты встречались слова: *фашисты*, *гитлеровцы*, *фрицы*, *изверги*, *варвары*, *вандалы*, *грабители*, *звери* и почти не было форм единственного числа: *фашист*, *гитлеровец*, *фриц*, *изверг*, *варвар*, *вандал*.

Из сказанного вытекает, что множественное число расширялось: 1) за счет единственного со значением обобщения (*Враги* жестоки вместо *Враг* жесток) и 2) за счет собирательных существительных (*офицеры* вместо *офицерство*). Ср.:

I	II
Не всегда точные, иногда разнобойные, ныне устарелые, но еще возможные формы (наши варианты):	Новые формы, абсолютно преобладающие в годы Великой Отечественной войны:
В борьбе с жестоким врагом участвуют представители всех видов оружия. *Пехотинец*, *артиллерист*, *минометчик*, *сталинский сокол* — *советский летчик*, *танкист и конник*: всем им советский народ дает наказ стойко защищать каждую пядь родной земли.	«В борьбе с жестоким врагом участвуют представители всех видов оружия. *Пехотинцы*, *артиллеристы*, *минометчики*, *сталинские соколы* — *советские летчики*, *танкисты и конники*: всем им советский народ дает наказ...» («Правда» 29 X 42).

Примеров типа II можно привести очень много. Со значением собирательности только во множественном числе нам встретились в годы войны существительные *командир*, *конник*, *десантник*, *парашютист* и др.

В значении собирательности встречались (редко) сложные термины-сочетания со словом *боец*, например, в заголовке брошюры: «Программа подготовки *бойца-автоматчика*» (1942); но в самой программе в том же значении последовательно употребляются формы множественного числа:

> «Обучение *бойцов-автоматчиков* проводить с учетом опыта боевых действий в Великой Отечественной войне отдельных подразделений, красноармейцев, командиров и политработников, обращая особое внимание на привитие *бойцам* строжайшей воинской дисциплины».

Характерно, что с оттенком значения собирательности формы единственного числа употребляются чаще от имен существительных, называющих лиц, по характеру своей военной профессии действующих в одиночку. Множественное число было бы здесь часто просто нелогично:

> «*Снайпер* — *боец-одиночка*, где засел, там и огневая точка» («Сов. воин» 23 II 45); «*Снайпер* — *боец* с высшим стрелковым образованием...» («Известия» 3 VI 44); «*Снайпер* — это *боец-невидимка* для врага» (Бакан, Два снайпера); «Оберегает наши коммуникации, дороги и транспорт *боец-дорожник*, *боец-регулировщик* и на углах дорог зенитчики» («Правда» 30 V 42).

III. Явления «несклоняемости» слов

1. По ряду причин в годы первой мировой войны и в первое десятилетие после Великой Октябрьской социалистической революции в нашем языке расширилась группа несклоняемых сложносокращенных слов. Однако развитие «несклоняемости» явно противоречило всей морфологической структуре нашего языка; реальной общественной необходимости в таких формах не было, и язык последовательно освобождался от этих чуждых ему явлений Великая Отечественная война началась в годы почти завершившейся стихийной очистки языка от несклоняемых сложносокращенных слов.

Несклоняемых слов типа *предисполкома, завмага, завдома, завтеатром, завшколой, завстоловой* теперь уже не осталось. Вернувшиеся в речевую практику слова *директор, заведующий* (без сокращения) освободили нас от этих новообразований; в некоторых случаях это освобождение шло через ступень изменения формы сложносокращенного слова, например: *завдом, завмаг* (ср. у Макаренко *завкол* — заведующий колонией). В устной речи на путях освобождения от несклоняемых слов возникли также склоняемые, представляющие собою первый элемент сокращения: *пред, зав, вамзав* и т. п. Оставшаяся небольшая группа несклоняемых сложносокращенных слов типа *ОНО, ГТО, МГУ* и т. п. не обнаруживает тенденций развития и пополнения.

Сложносокращенные слова, оканчивающиеся на согласный, склонялись по образцу существительных мужского рода почти со дня их рождения, но писались первично с апострофом. Примером могут служить слова *дот* и *дзот*. Слово *ДОТ* (в такой графической форме), расшифровывающееся как сокращение сочетания «долговременная огневая точка», появилось незадолго до начала Великой Отечественной войны. В случаях склонения слово писалось с апострофом: два *ДОТ'а*, линия укреплена *ДОТ'ами* и т. п. Однако вскоре же слово начало употребляться как обычное склоняемое: *дот, дота, доту* и т. д. В отрывном календаре 1943 г. (вышедшем в середине 1942 г.) читаем:

> «Возводятся *доты* самых различных форм и конструкций»; «В таком *доте* находится всего лишь два — четыре человека...»; «Вокруг *дотов* сооружаются противотанковые заграждения...» и т. п.

Слово *ДЗОТ* — «дерево-земляная огневая точка» — мы отметили в первый раз в информационном сообщении от половины июля 1941 г.:

> «Отряд установил проволочные заграждения, соорудил *ДЗОТ'ы* («Известия» 11 VII 41).

Со второй половины 1942 г. слово *дзот* склоняется по нормам русского языка [3]. Случаи несклоняемости редки.

2. В годы Великой Отечественной войны в служебных документах, особенно в военных, в целях наибольшей точности не склонялись такие фамилии, склонение которых могло повести к двусмыслице и ненужным ассоциациям. Например:

> «Овладев Люблиным, танкисты генерала *Орел* повернули на северо-запад» («Известия» 1 VIII 44); «Товарищу *Лопата* Сергею Ивановичу» («Правда» 17 II 44); «О присвоении воинского звания тов. *Лев* Моисею Яковлевичу» («Известия» 17 XI 43).

В официальных списках лиц, получавших награды, в «Правде» и в «Известиях» за 1941 г. не склонялись подобные фамилии в случаях, когда в соответствующих существительных с окончанием на согласный звук имеется беглый гласный (*Орел, Волчек, Кобец, Сербовец, Вежновец, Москавец, Канашонок*), и склонялись, когда такого беглого гласного не было (*Бирюк, Зуб, Обруч, Кучер*) [4].

В «Правде» (9 IX 41) не склонялись фамилии на *-ич*, к чему мы не видим достаточных оснований: *Гирич, Тарасевич, Гуревич, Айзенкович, Янушкевич* и пр. В «Известиях» (2 IX 41) не склонялись фамилии: *Башко, Величко, Гиго, Замото, Луценко, Падило, Серко, Тривно* и др. Не склонялись — новое явление, в известной мере оправданное стремлением к точности,— фамилии на *-енок*: *Макаренок, Горбенок, Михайленок, Казаченок, Никитенок* и т. п. Поскольку косвенные падежи фамилий типа *Макаренко, Казаченко, Никитенко* не дают возможности отличать их от соответствующих форм фамилий типа *Макаренок, Казаченок, Никитенок*, постольку отмечается тяготение к неизменению и тех и других: *у Макаренок, у Макаренко*.

Как правило, в документах перестали склоняться фамилии на *-енко* (типа *Шевченко*). Однако в разговорной речи подобные фамилии склоняются. Правильно поступает акад. Л. А. Булаховский, рекомендуя склонять их. Со склонением фамилий у нас вообще до сих пор не все благополучно: не все случаи учтены, нет полной и обязательной нормализации. Однако нет достаточных оснований утверждать, что у

---

[3] Слово *дзот* по значению компонентов должно было бы быть женского рода (как пока женского рода *ООН*), однако оно рано стало словом мужского рода, что объясняется не только формой, но и изменением значения; ср.: «Они карабкались с камня на камень, с террасы на террасу, под стволами железобетонных дотов и тяжелых *каменных дзотов*. Это было восхождение к Севастополю» (Величко, О великом и вечном). Ср. также в женском роде: «Обнаружить *немецкую ДЗОТ*, которая сооружена летом и теперь покрыта снегом, можно только во время стрельбы из нее» («Красная звезда» 24 XII 43).

[4] Впрочем, в «Правде» (12 IX 41) даны без склонения фамилии *Чигирь, Шестак, Мельник, Дубовик*.

нас есть тенденция не склонять фамилии и что эта тенденция окончательно укреплена языковой практикой эпохи Великой Отечественной войны.

3. В официальных военных и информационных документах (особенно начиная с 1943 г.)— по тем же мотивам стремления к точности и недвусмысленности — наметилась тенденция не склонять собственные географические названия, в первую очередь — названия пунктов, очень сходные по звучанию с названиями других близко расположенных селений. [На Дону, например, обычны сходные названия различных населенных пунктов: Морозовская, Боковская (станицы) и Морозовский, Боковский (хутора) и т. п.] Этим обеспечивалось безошибочное нахождение нужных географических пунктов на карте, точное исполнение приказов и т. п.

В оперативных сводках часто встречались географические названия в несклоняемой форме даже в конструкциях с предлогами типа: Отряд достиг *Софиевка* и т. п.

У Вирты в его хроникальной «Сталинградской битве»:

> «Сосредоточиваем мы две сильные группировки в районе *Боковский...*»; «Ударная группа наносит удар в направлении *Боковская — Морозовский*»; «Соединились сегодня в районе *Советский*»; «На берегу реки *Мышковская...*» и т. д.

В сообщении Совинформбюро (19 декабря 1942 г.):

> «На днях наши войска, расположенные в районе среднего течения Дона, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада на участке *Новая Калитва-Монастырщина* и с востока — в районе *Боковская*.

Примеры из официальных документов, очерков и даже из художественной литературы 1943 и 1944 гг. можно было бы значительно умножить, но в целом это явление временное и воздействовать на наш общенародный язык оно не могло. С окончанием войны описываемые формы исчезли и из газет.

Очень распространены у нас согласованные сочетания типа: *село Иваново, село Петрово, село Зимино.* Спрашивается, как будет именительный падеж сочетания: *в селе Давыдове*? Пятнадцать человек, опрошенных нами, не задумываясь ответили: «село Давыдово». И однако все они ошиблись. В районе г. Львова есть село *Давыдов.* Возможно, что где-то близко есть и село *Давыдово.* Как в условиях, например, военного времени, сохраняя всю необходимую точность сообщения, передать, что случилось в этом селе? Газета «Известия» (28 X 50) нашла для данного случая выход в «несклоняемости» этого слова: «...в селе *Давыдов*». Здесь стремление к смысловой точности и краткости подчинило себе форму слова вопреки грамматической структуре языка. Выход можно бы было найти, например, в выражении: В селе, *называемом Давыдов*, но пострадала бы четкость и краткость сообщения. Нам кажется, что общественность должна в известной мере вмешиваться в дело географической номенклатуры и не разрешать произвольно именовать населенные пункты. Например, существовало село Иваново — и это было сказано по-русски; теперь это город, даже областной, и название у него, с точки зрения грамматики, нелепое: *Иваново областной.* Подъезжая к этому городу, вы читаете: «*Товарная Иваново областной*» — так гласит одна из вывесок, не претендующая на юмор. Название *Иваново,* вопреки правилам грамматики, не склоняется. Например, «Правда» (28 X 50) пишет: «На театральных подмостках *Иваново*». Отметим, как совсем новое: «*Литературное Иваново*» — название книги Г. Горбунова («Правда» 31 V 53).

4. Стремление к точности обозначения выражается в современном русском языке в тенденции не склонять числительные — слова, по своему значению более других точные и всегда однозначные. В устной речи уже господствует недавно еще не допустимый вариант: *по пять человек, по сорок пять* и т. п.[5]. В 1944 г. по требованию работника связи автор этих строк вынужден был написать под его диктовку: «Дана сия расписка в получении *одна тысяча двести* рублей...» Разъяснения, что надо писать: «...в получении *одной тысячи двухсот* рублей», не имели никакого успеха: «Так не полагается».

Не склоняются числительные в условных обозначениях: *Т-34* «танк тридцать четыре», *У-2* «самолет „У-два“», *штарм-62* «штаб шестьдесят второй армии», *комбат-4* (*комбат четыре*) «командир четвертого батальона» и т. д. Однако эти случаи носят особый характер: числительные здесь — своего рода марка, условное наименование предмета.

> «Есть предложение принять в партию боевого *комбата три* товарища Преображенского...» («Правда» 24 XII 41).

---

[5] Ср. диалектное (Ярославль — Горький — Киров): без *пятнадцать*, без *сорок пять.*

«Приходит коренастый, немолодой уже Кашель — *комбат два*... Людей сейчас снимать? — тихо спрашивает близорукий, похожий на ученого, *комбат три*» (Некрасов, В окопах Сталинграда).

«Боевое задание Штарма *шестьдесят два*» (Вирта, Сталинградская битва).

Такие сочетания употреблялись и раньше (ср. дом *четыре*, квартира *пять*), но в годы войны они активизировались. Конечно, *У-два* звучит не по-русски; не случайно употребление таких конструкций ограничено узкой сферой специальной речи. Устная народная речь находит здесь остроумный выход: количественное числительное заменяется соответствующим собирательным и вместо *У-два* появляется *У-двойка* [6].

В целом явления активизации «несклоняемости» в годы Великой Отечественной войны были не очень значительны; они не затрагивали основных грамматических норм языка и носили временный характер.

IV. Из наблюдений над употреблением форм времени

В настоящем разделе мы остановимся на явлении, которое условно может быть названо «развернутым настоящим». Явление это не только грамматическое, но и стилистическое. Заключается оно в двойном или тройном повторении одного и того же глагола в разных временных формах для обозначения постоянного, длящегося действия: *Били, бьем и будем бить*; Это *было, есть и будет*! Это своего рода развернутое настоящее-постоянное,—настоящее, распространяющееся и на прошлое, и на будущее[7]. Еще выразительнее вариант с формой настоящего времени на первом месте: *Бьем, били и будем бить*. Здесь напрашивается знак деления (двоеточие) — *Бьем: били и будем бить*. Сила данной конструкции в ее лаконичности и в свойственном ей общем значении постоянства, обязательности и неизбежности действия.

Рассматриваемый способ расчленения настоящего постоянного не нов в языке[8]; но в современной публицистической речи он развивается и обогащается эмоционально. В годы Великой Отечественной войны эти формы так активизировались, что стали одним из ярких грамматико-стилистических элементов публицистической речи.

Мотивируется этот прием стремлением к лаконичной, сильной и точной форме выражения. Сила и лаконичность выражения создаются повтором, обязательной не распространенностью всей конструкции и лексическим совпадением слов, точность — «расчленением» настоящего постоянного на его составные временные элементы.

Вот некоторые характерные примеры «развернутого настоящего»:

«Фашистам, зарывшимся в землю под Ленинградом, еще предстоит сгнить в этой земле, а Ленинград *жил, живет и будет жить* во веки веков бессмертной жизнью» (журн. «Красноармеец», М., 1943).

«Умрем, но Ленинграда не сдадим! Ленинград *был, есть и будет* советским городом!» («Правда Востока» 9 IX 41).

«*Чувствует* и *будет чувствовать*..»; «*Развертывается и еще развернется* война..»; «*Не имеет и не может иметь*...»; «Сопротивление *растет и будет расти*...» («Правда» 11 VIII 41).

В частушках Б. Озерного:

Мы идем путем победы,
Нашей воли не сломить.
Мы фашистских людоедов
Били, бьем и будем бить!

---

[6] Следует признать, что такая замена может быть удачной лишь тогда, когда заменяемое числительное — простое. В противном случае замена последней части сложного числительного соответствующим собирательным также не отвечает грамматическим нормам русского языка, например: «Товарищ сержант,— доложил чей-то радостный голос,— *тридцать четверка* № 315 прошла испытание отлично» («Правда» 20 II 44); «*Шестидесятка*, доставляя ему снаряды, захватила с *тридцать четверки* раненого стрелка» («Правда» 8 III 44); «Высокая честь находиться в советской *тридцать четверке*» (Леонов, сб. «Статьи военных лет»).

[7] С точки зрения синтаксической функции такие глагольные формы являются одним сказуемым (а не однородными членами), представляя собой своеобразное расчлененное единство.

[8] Ср. у Державина: «Ты *был*, ты *есть*, ты *будешь* ввек» (ода «Бог»); у Левитова: «Этот подкидыш — *был, есть и будет* царевной моего одинокого сердца» («Нравы московских улиц»); у Горького: «Дети всегда *были, есть и будут* началом новой жизни, носителями новых сил» («Исповедь»). С. М. Киров писал: «Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги *было, есть и будет* советским» (Киров, сб. «Статьи и речи»).

В частушках Резапкина:

Наш напор несокрушимый
У врага посбавил прыть.
Мы врагов страны любимой
Били, бьем и будем бить!

«Советские летчики *били, бьют и* впредь *будут бить* фашистскую свору» («Известия» 29 X 41); «Русские *били* немцев, *бьют и разобьют* их» («Правда» 18 XI 41).

«Старый немец приехал в Орел и оттуда сообщает: „Я первая ласточка — мне поручено выяснить, какие наделы нужно будет выдавать нашим колонистам". Этот хрыч не понимает, что он первая и последняя „ласточка": таких „ласточек" мы *били, бьем и будем бить*» (Эренбург, Война).

«Мы *начали побеждать и будем побеждать*. Мы *будем побеждать и победим*, потому что у нашей доблестной Красной Армии есть неиссякаемые резервы» («Правда» 22 XII 41).

«Их гонят на запад... Их *гонят и будут гнать*, пока не прогонят последнего, захудалого» (Эренбург, Война).

«Под огнем нашей артиллерии *нашли, находят и будут находить* себе смерть многие полки и дивизии немецко-фашистских войск» («Известия» IX 41).

«Украинский народ остался верен советской власти, верен великой дружбе народов, верен партии Ленина — Сталина. Украинский народ *шел, идет и* неизменно *будет идти* за большевистской партией. Его путь к победе — борьба, неумолимая борьба в едином боевом братском союзе всех народов нашей Родины» («Десятая сессия Верховного Совета СССР 28 января — 1 февраля 1944 г. Стенограф. отчет).

«Мы вместе с вами *куем и будем ковать* победу над ненавистным врагом» [Из обращения рабочих к Армии («Комсомольская правда» 24 X 42)].

В наши дни:

«Поэзия Маяковского *идет и будет идти* в боевом строю советского народа, созидающего коммунизм. Страстное слово поэта-трибуна *звучит и будет звучать* века» («Правда» 2 III 53).

Особенно часто в этой своеобразной грамматической конструкции выступает именное сказуемое со связкой.

«Город Ленина *был, есть и будет* неприступной крепостью ...» («Известия» 7 IX 41).

«Мы *были, есть и будем* хозяева своей судьбы» («Правда» 5 XII 41).

«Артиллерия *была, есть и будет* одним из основных средств борьбы с фашистскими танками» («Красная звезда» 17 V 42).

«Они много раз рвались на своих «Юнкерсах» и «Мессершмиттах» к нашему городу. Но ленинградское небо *было, есть и будет* советским небом» (Инбер, Почти три года. Ленинградский дневник).

«Рубеж *был и будет* нашим,— поклялись бойцы» («Правда» 22 IX 41).

К рассматриваемому типу конструкций относятся и такие, в состав которых, в качестве одного из элементов, входят модальные глаголы или предикативные наречия с модальным значением, например:

Мы *можем и должны* выполнить эту задачу; Мы *можем и должны* победить;

«И, слушая эти преисполненные уверенности сталинские слова, каждый советский человек... сердцем и разумом чувствовал, знал и верил: да, так и будет! Мы *победим*, мы *можем и должны победить*!» (сб. «Боевые годы», изд. «Молодая гвардия»).

V. Из наблюдений над употреблением деепричастий

В речевой практике напряженных лет войны как-то по-новому была осознана выразительная сила категории деепричастия. Наши наблюдения показывают, что потребность сказать обо всем важном как можно короче и как можно ярче и полнее вызвала

активизацию уточняющих форм: определений-прилагательных при существительных, наречий и деепричастий при глаголах.

Вот перед нами небольшая статья М. Григорьева и Я. Макаренко «Сила движения» («Правда» 12 III 44). Здесь читаем:

> «Неотступно *преследуя* врага, *дробя* и *расчленяя* его фронт, наступающие части Красной Армии безостановочно движутся вперед. *Преодолевая* бездорожье и ожесточенное сопротивление немцев, советские полки за последние дни освободили сотни сел»; «*Подбросив* сюда значительные силы, немцы стремятся во что бы то ни стало задержать наши части»; «Чтобы предотвратить дальнейшее продвижение наших войск, немецкое командование сосредоточило под Староконстантиновом на узком участке крупные танковые силы и, *введя* их в бой, на протяжении нескольких дней пыталось восстановить положение»; «*Открыв* огонь, бронебойщики подбили 2 бронетранспортера и отразили контратаку»; «Наступление растет и ширится, *проникая* все глубже на юг Украины, грозно *нависая* над южной группировкой немцев»; «*Обрушившись* на обороняющиеся под Тарнополем немецкие войска, наши танки и пехота ворвались в город с севера и востока»; «*Стремясь* во что бы то ни стало удержать город, немцы подтянули резервы и перешли к еще более яростным контратакам»; «*Преодолевая* упорное сопротивление и многочисленные контратаки противника, наши подразделения очищают улицу за улицей, *нанося* при этом немцам большие потери в живой силе»; «*Отрезав* немецкую пехоту от танков, советские бойцы разбили немцев, *уничтожив* при этом несколько десятков солдат и офицеров и *захватив* пленных»; «*Преследуя* немцев, батальон захватил один танк и 6 автомашин».

Подобных примеров активизации употребления деепричастий можно было бы привести очень много. Очевидно, в непосредственной связи с этой активизацией деепричастий они начали завоевывать некоторые права и на почти самостоятельное употребление. Мы говорим о новом типе деепричастных заголовков в газетах и журналах. Такие заголовки встречались и в довоенное время, но в начале войны они стали появляться чаще и особенно распространились начиная с 1943 г. Это было как бы своего рода увлечением [9]. Вот несколько примеров:

> «*Защищая* родную Москву» («Правда» 31 X 41); «*Заменив* мужчин» («Известия» 8 III 42); «*Не давая* врагу передышки» («Правда» 4 VIII 43, «Правда» 13 III 44); «*Развивая* наступление» («Правда» 10 III 44); «Неотступно *преследуя* врага» («Огонек», М., 1943, № 5); «*Отбивая* контратаки врага» («Правда» 23 VIII 43); «*Отбивая* вражеские контратаки» («Правда» 19 I 44); «*Опираясь* на актив...» («Известия» 14 XII 43); «*Опережая* график» («Правда» 16 X 44); «*Сжимая* кольцо» («Правда» 16 IV 44); «*Тесня* и *уничтожая* противника» («Сов. воин» 30 XI 43); «*Используя* каждый час» («Известия» 27 IV 44); «*Преодолевая* сопротивление врага» («Сов. воин» 9 XII 44); «*Поддерживая* наземные войска» («Правда» 2 VIII 44); «*Не отрывая* пера» («Пион. правда» 1 I 45).

Наиболее частым из таких заголовков в 1943—1945 гг. было «*Ломая* сопротивление врага». Нужно отметить, что уже в 1945 г. такое самостоятельное употребление деепричастий значительно сократилось. Следует признать, что в этих заголовках была большая выразительность и большая эмоциональная сила, внутренне связанная с темпами и напряжением военных лет. Это была осознанная попытка найти еще одно средство сильного и краткого выражения.

В устной речи подобные явления, повидимому, невозможны, и мы их не слыхали. Сейчас случаи самостоятельного употребления деепричастий единичны [см. заголовок «*Вдумываясь* в цифры» в «Лит. газете» (24 VII 52)] [10].

В настоящей статье мы остановились лишь на некоторых явлениях, связанных с изменениями внутри отдельных грамматических категорий и с активизацией некоторых грамматических форм. Несомненно, что современный русский язык во всех своих сторонах дает материал для изучения постепенных изменений его грамматического строя.

А. В. Миртов

---

[9] Сначала такие заголовки заканчивались многоточием, позже стали даваться без всякого знака.

[10] В годы войны вообще распространились лаконичные заголовки — словосочетания или предложно-именные конструкции; например, в газете «Сов. воин» 1943—1945 гг.: «Штыком и прикладом» (22 VIII 43); «Саперной лопатой» (29 IX 43); «Огнем, штыком и прикладом» (22 X 43); «Огнем и колесами» (8 XII 44); «Прикладом винтовки» 14 XII 44); «Прикладом и гранатами» (4 I 45); «Огнем и гранатами» (18 III 45), «Штыком и гранатой» (8 I 45); «Огнем и гусеницами» (21 III 45); «Прямой наводкой» (12 IV 45) (так в ряде газет назывался отдел сатиры); «Из трофейного оружия» (6 VIII 44); «Из снайперской винтовки» (19 IV 45) и т. д.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПИСЬМА

(Типы письма и их связь с языком)

Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» имеет огромное принципиальное значение не только для науки о языке, но и для других научных дисциплин. Особенно большое значение он имеет для наук, связанных с языкознанием,— для теории и истории литературы, теории и истории письма, для этнографии и т. п. Однако не во всех этих науках завершена теоретическая перестройка, необходимая в свете труда И. В. Сталина.

В особенно неблагополучном положении остается до сих пор наука о письме. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что единственной обобщающей работой, изданной на русском языке, здесь была до сих пор книга Я. Шницера «Иллюстрированная всеобщая история письмен» [1], выпущенная около полувека тому назад. Несмотря на то, что эта работа сильно устарела и имеет принципиальные ошибки, из-за отсутствия других обобщающих трудов она до сих пор предусматривается вузовскими программами в качестве одного из основных пособий по истории письма. Не может удовлетворить современным научным требованиям и выпущенная в 1950 г. Издательством иностранной литературы книга чешского ученого Ч. Лоукотка «Развитие письма» [2]. Давая по сравнению с Я. Шницером более свежий фактический материал, эта работа страдает серьезными недостатками принципиального характера: она отрывает историю письма от истории языка, от истории общества в целом, выдвигает теорию магического происхождения письма и т. д.

Из трудов советских авторов общетеоретическим положениям науки о письме посвящены несколько работ акад. Н. Я. Марра «Происхождение терминов „книга“ и „письмо“ в освещении яфетической теории» (1927), «Абхазский аналитический алфавит» и — в особенности — «Язык и письмо» (1930) и «Письмо и язык» (1938), работа акад. И. И. Мещанинова «К вопросу о стадиальности в письме и языке» (1931) и несколько статей в журналах и энциклопедиях. Остальные исследования или рассматривают отдельные частные вопросы истории письма, или посвящены вопросам практики письма, или же являются трудами по языкознанию, по палеографии, по истории книги и книгопечатания, в которых вопросы теории и истории письма рассматриваются лишь попутно. В своей общетеоретической части большинство этих работ исходит из принципиально ошибочных положений Н. Я. Марра и его «учеников» о письме, как о надстройке над общественным базисом, о существовании письма до возникновения звуковой речи и о «трудмагическом» характере первоначальной письменности. Ни в одной из этих работ не ставятся с достаточной четкостью важнейшие теоретические вопросы: о взаимоотношении письма и языка; о том, что́ следует считать основными признаками письма, образующими письменные системы различных народов; о том, сказываются ли на развитии письма классовые влияния и, если сказываются, то в какой мере, и т. д. Крайне не упорядочена терминология, применяемая в работах по теории и истории письма. Неблагополучное положение, создавшееся в науке о письме, настоятельно требует пересмотра теоретических основ этой науки.

1

Первым и важнейшим вопросом теории письма является вопрос о том, что такое письмо, каковы его основное назначение и отличительные признаки.

У звуковой речи, как у средства общения между людьми, при всех ее неисчерпаемых возможностях есть все же два существенных недостатка: ограниченность в пространстве (речь слышна на сравнительно малом расстоянии) и ограниченность во времени (речь слышна только в момент ее произнесения). Правда, в нашу эпоху, в связи с развитием техники, эти два недостатка звуковой речи частично ликвидированы. Так, ограниченность речи в пространстве ликвидирована путем применения телефона и радио; ограниченность во времени — путем применения звукозаписи. Но, во-первых, развитие техники только частично устранило или, вернее, ослабило эти два недостатка звуковой речи; во-вторых, частичное устранение этих недостатков речи было практически осуществлено лишь с конца XIX — начала XX в. Между тем потребность в передаче речи на расстоянии и в закреплении речи во времени существовала у людей уже очень давно. Эта потребность была удовлетворена путем применения в той или иной форме графической записи речи, а также при помощи использования различных предметов (шнуров с узлами, раковин и т. п.), которым придавалось условное смысловое значение.

---

[1] Я. Б. Шницер, Иллюстрированная всеобщая история письмен, СПб., 1903.

[2] Ч. Лоукотка, Развитие письма [русский перевод], М., Изд-во иностр. лит-ры, 1950.

Использование различных предметов, имевших условное значение, для передачи или для закрепления основного смыслового содержания речи обнаруживается главным образом на этапах, предшествовавших развитию письма, и притом сравнительно у немногих народов (в наиболее развитой форме — «квипу» перуанских инков). Основным же средством письма, важнейшим его признаком является графическая запись. Следовательно, можно сказать, что письмо — это дополнительное к звуковой речи средство общения между людьми, осуществляемое при помощи различного рода графических знаков, в той или иной форме отражающих звуковую речь и служащих для передачи этой речи на расстоянии или для закрепления ее во времени.

Таким образом, письмо, возникая и развиваясь на базе языка, имеет в то же время свою специфику. Принципиальные, важнейшие особенности письма следующие: 1) письмо не основное, не самостоятельное, а вспомогательное, дополнительное к языку средство общения, поэтому оно появляется на более поздней ступени развития общества и в течение долгого времени обслуживает не все общество, а только его часть; 2) письмо служит главным образом для передачи речи на расстоянии или для закрепления ее во времени; 3) средством письма являются графические знаки, воспринимаемые зрительно. В последнем отношении письмо близко к области графических искусств. Но если письмо имеет ту же цель, что и язык, отличаясь от него только средствами осуществления этой цели, то с графическим искусством письмо имеет сходные средства, но разные цели. Основное назначение произведений графического искусства — художественно-образное познание мира в целях активного воздействия на него; основное назначение письма — передача речи. В связи с такой разницей в целях имеется различие и в самом характере даже внешне сходных средств: средства искусства — конкретные художественные образы; средства письма — всегда более или менее условные изображения и знаки, служащие для передачи каких-либо элементов человеческой речи.

Правда, на самых первых ступенях своего развития письмо и графическое искусство были очень близки друг к другу. На ранней стадии развития письма для передачи речи применялись почти такие же рисунки, как и в графическом искусстве. Так, североамериканский индеец, записывая условия обмена одной лисицы на двух бобров, рисовал эту лисицу и этих бобров и соединял их знаком двух скрещенных рук. Но даже и здесь: 1) изображения лисицы и бобров предназначались не для художественного их восприятия, а для обозначения, закрепления условий обмена, сформулированных предварительно в речи; 2) изображения эти представляли собой не художественные образы, а условные, схематические изображения. В дальнейшем, по мере развития письма оно все более удалялось от графического искусства и все полнее приспосабливалось для передачи звуковой речи. Так, в современном алфавитно-буквенном письме письменный знак — буква — совершенно не имеет изобразительного характера и служит чисто условным графическим знаком простейшего элемента звуковой речи — отдельного звука (или фонемы).

2

Очень неупорядоченной остается до сих пор терминология, применяемая в науке о письме. К числу важнейших понятий, которые должны быть уточнены и введены в теорию письма, относятся понятия «система письма», «тип письма», «группы (семейства) систем письма», «письменный знак», его «значение» и «графема» и «основные орфографические принципы письма».

Понятие «система письма» может быть определено, как исторически сложившееся и упорядоченное письмо того или иного народа (например, русская, китайская, греческая и другие системы письма). Всякая система письма характеризуется: определенным типом письма, более или менее стабильным составом, значением и устойчивой графической формой письменных знаков, а также более или менее устойчивыми орфографическими принципами. Системы письма могут быть автохтонными — возникшими и развившимися применительно к языку данного народа и отражающими важнейшие особенности этого языка (например, русское письмо, китайское письмо и др.)— или же заимствованными одним народом у другого и в той или иной мере приспособленными к данному языку (например, китайское иероглифическое письмо у японцев или арабское консонантное письмо у народов Средней Азии и Кавказа).

Всякая исторически сложившаяся система письма использует определенный состав письменных знаков. Знаки эти служат для передачи тех или иных элементов языка — целых слов, отдельных слогов или же звуков, т. е. имеют — в своем отношении к языку — определенное значение. Кроме того, письменный знак обычно обладает более или менее устойчивой типовой графической формой, обусловливающей его узнавание, независимо от индивидуальных и исторически меняющихся почерков и стилей письма; это типовая форма знака может быть названа его графической основой

(например, для буквы *ш* в русском письме — три вертикальные черты, соединенные в нижних их концах).

Поскольку письмо служит для передачи языка, постольку наиболее важным признаком письма является не графическая форма письменных знаков, а то, какие элементы языка (высказывание в целом, отдельные слова, слоги, звуки) обозначаются письменными знаками. В зависимости от этого исторически устанавливаются четыре «типа письма»: пиктографический, идеографический, слоговой и звуковой.

Пиктографическое письмо представляет собой, как правило, картинное (изобразительное) письмо, передающее высказывание в целом. Это значит, что пиктограммы, в отличие от идеограмм, обычно выражают целую фразу, предложение или сообщение, еще очень нечетко расчлененное знаками на отдельные слова. Кроме того, изображения, применяемые в пиктографии, обладают очень неустойчивым, нестабильным и не всегда однозначным характером.

Важнейшим отличием идеографии от пиктографии часто считают условную, а не изобразительно-картинную форму идеографических знаков. Утверждение это неверно как методологически, так и фактически. Методологически это утверждение неверно по той причине, что типологическую классификацию письма необходимо строить, исходя не из формы знаков, а из того, что́ именно в языке эти знаки обозначают. Неверно это утверждение и фактически. Правда, идеограммы обычно более условны и схематичны, чем пиктограммы. Однако некоторые пиктограммы тоже имели не изобразительный, а условный, схематический характер [3]. С другой стороны, во многих идеографических системах письма (например, в древней египетской иероглифике) и даже в некоторых фонетических системах (например, в финикийской) письменные знаки сохраняли свою первоначальную картинную форму. Поэтому важнейшим отличием идеографии от пиктографии следует считать не форму знаков, а их значение — то, что письменный знак обозначает здесь или отдельное целое слово, или же его знаменательную часть. Кроме того (или, вернее, именно благодаря этому), идеографические знаки значительно более устойчивы, стабильны и однозначны, чем пиктограммы. Таким образом, как только в пиктографическом письме того или иного народа за изображениями или знаками закрепляется определенное значение, как только почти каждый знак начинает обозначать определенное слово (или его знаменательную часть), так пиктографическое письмо становится идеографическим, несмотря на то, что по своей форме многие знаки сохраняют еще первоначальный картинный характер.

Необходимо отметить, что в прежней литературе идеограмму характеризовали иначе; ее определяли как письменный знак, обозначающий не слово, а понятие. Это традиционное определение сохранено и в ряде изданий, вышедших в СССР за самые последние годы*. Так, проф. А. С. Чикобава следующим образом определяет идеографический принцип письма. «Письмо изображает понятия, независимо от того, как называются эти понятия. Это принцип идеографический (греческое *idea* — мысль, идея)» [4]. Такое определение нельзя признать правильным, так как оно молчаливо предполагает возможность непосредственной связи между письмом и мышлением (понятием), независимо от языка, а следовательно, возможность мышления без языка. Известно, что понятие всегда оформляется и закрепляется в слове, что не может существовать понятий, по крайней мере сколько-нибудь оформленных и расчлененных, которые не были бы закреплены в слове. А если это так, то и письменный знак не может обозначать понятие как таковое, независимо от слова, которым оно выражено. Сторонники традиционного определения идеограммы обычно выдвигают в его защиту тот факт, что многие идеографические знаки (например, современные цифры) применяются несколькими различными народами, говорящими на разных языках. Отсюда делается вывод: если идеограмма может обозначать разные слова (в разных языках), то, следовательно, она и связана не со словом, а непосредственно с понятием. Вывод этот, конечно, незакономерен. Одна и та же идеограмма действительно может обозначать разные слова в разных языках. Но в пределах каждого данного языка она всегда связана с определенным словом этого языка. Так, цифра 3 для русского обозначает слово *три*, для француза — *труа*, для немца — *драй* и т. д.

Но сказать, что идеографические знаки всегда обозначают слова (или знаменательные части слов), еще недостаточно. Необходимо, кроме того, учитывать, что знаки эти довольно четко подразделяются на две категории. Одни знаки (например, современные цифры или китайские «идеографические иероглифы») связаны со значением слова,

---

[3] См., например, письмо юкагирской девушки, приведенное в книге: D. Diringer, The Alphabet, New York, 1949, p. 35.

* Необходимость пересмотра традиционных взглядов на иероглифику впервые аргументируется в специальной диссертации А. И. Соколова (М, 1951). — *Ред.*

[4] А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, М., Учпедгиз, 1952, стр. 175.

но не предопределяют его звучания; другие (например, китайские «фонетические иероглифы»), наоборот, связаны со звучанием слова. Различие между знаками этих двух категорий заключается в том, что первые из них могут применяться для обозначения нескольких синонимов (несмотря на разницу в их звучании), а вторые — для обозначения нескольких омонимов (несмотря на разницу в их значении). Именно поэтому для точного обозначения слова при идеографическом письме иногда требуется сочетание знаков первой и второй категории.

В различных работах по вопросам письма знаки эти называются по-разному. Знаки первой категории называют «идеограммами», «идеографическими иероглифами», «смысловыми определителями»; знаки второй категории — «фонограммами», «логограммами», «фонетическими иероглифами». Здесь также необходимо упорядочение терминологии.

В отличие от пиктографии и идеографии, характеристика слогового и звукового письма споров не вызывает. Слоговым письмом всегда называется такое письмо, в котором знак обозначает с л о г, а звуковым — такое, в котором знак обозначает з в у к.

Из приведенного выше определения письма следует, что под понятие «письмо» подпадают все его типы — и звуковое, и слоговое, и идеографическое письмо, и даже пиктография,— поскольку все они служат для передачи речи на расстоянии и для закрепления ее во времени, а в качестве средства используют графические знаки и изображения. Однако систем письма пиктография не образует, так как она не имеет устойчивого состава, значения и формы письменных знаков.

Необходимо отметить, что систем письма чисто звукового, чисто слогового или чисто идеографического типа вообще почти не встречается. Так, даже в современных европейских звуковых системах письма широко применяются идеограммы (например, цифры, математические знаки и т. п.), а также знаки, передающие не один, а несколько звуков (например, русские буквы *щ, ю, я* и др.). С другой стороны, даже в таком идеографическом письме, как шумерское, наряду с идеограммами имелись логограммы, а также отдельные слоговые знаки. Поэтому различные системы письма следует относить к тому или иному типу в зависимости от преобладания в них звуковых, слоговых или идеографических знаков. Однако даже при этом условии приходится выделять системы письма промежуточного, переходного типа (например, идеографически-слогового). К числу их относятся: 1) системы письма, в которых в результате их внутреннего развития оказались широко представлены как идеографические, так и слоговые и звуковые знаки (например, ассиро-вавилонская клинопись); 2) системы письма, представлявшие собой соединение, сочетание двух различных систем, из которых одна является идеографической, а другая — слоговой или звуковой (например, японское письмо, сочетающее китайскую иероглифику с национальными слоговыми знаками «кана»).

Внутри данного типа письма могут быть выделены также определенные его виды. Так, например, среди систем письма звукового типа довольно четко выделяются так называемые «консонантные» системы письма (финикийская, древнееврейская и др.), в которых письменные знаки обозначали, в основном, только согласные и полугласные звуки речи. Звуковые системы письма могут быть подразделены на виды также по преобладанию в них того или иного о с н о в н о г о о р ф о г р а ф и ч е с к о г о п р и н ц и п а, т. е. принципа, определяющего подавляющее большинство частных орфографических правил. Важнейшими и основными орфографическими принципами являются: чисто фонетический, т. е. написание слов в соответствии с их современным произношением (например, различные системы фонетической транскрипции); фонематически-морфологический, т. е. одинаковое написание фонем, а также морфем слов, даже когда произношение их в различных грамматических формах изменяется по фонетическим причинам (например, русское письмо); историко-традиционный, т. е. написание слов в соответствии с их произношением в прошлом (например, французское и английское письмо).

Наряду с типологической классификацией систем письма они могут быть разделены на группы (семейства) по общности их происхождения. Так, может быть выделена группа звуковых систем письма, построенных на славянской основе (русская, болгарская, сербская и др.), построенных на латинской основе (французская, немецкая и др.), на арабской основе (арабская, персидская, афганская) и т. д.

Все эти терминологические и классификационные вопросы подлежат углубленной разработке, так как упорядоченность терминологии и классификации является одним из важнейших условий успешного развития науки.

3

Следующий вопрос теории письма — это в о п р о с о п р о и с х о ж д е н и и п и с ь м а и о х а р а к т е р е п е р в о н а ч а л ь н о й п и с ь м е н н о с т и. В этом вопросе (как и в вопросе о происхождении языка) у нас до недавнего времени господствовала порочная теория, выдвинутая Н. Я. Марром и его «учениками». Теория эта сводилась к двум основным положениям: 1) первичное,

пиктографическое письмо возникло одновременно или даже раньше звукового языка из «языка жестов»; 2) это первоначальное письмо имело, в основном, магический характер. «Потребности от наросшего, не умещающегося в средства ручного языка накопления идей,— писал Н. Я. Марр,— ...вызвали к жизни диалектический процесс выделения из единой вначале кинетической или линейной речи двух языков, из коих один — звуковой язык, другой — письменный, т. е. письмо, первично магическое письмо» [5].

Это же положение отстаивали и «ученики» Н. Я. Марра. «Более чем вероятным,— утверждал, например, акад. И. И. Мещанинов,— оказывается возведение начальных стадий письма к эпохам, предшествующим периодам даже формирования членораздельной звуковой речи. Следовательно, письмо, как таковое, старше звукового языка» [6].

Согласно гипотезе, развитой И. И. Мещаниновым[7], кинетическая речь возникла в период нижнего палеолита, письмо — в период среднего палеолита, а звуковой язык — лишь в период верхнего палеолита. Таким образом, письмо, по И. И. Мещанинову, оказывается старше речи на целый археологический период. Широкое отражение получила эта теория Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова в научно-популярных и энциклопедических изданиях (см., например, статью «Письмо» в 1-м издании «Большой Советской Энциклопедии»[8]). Эта же теория проводится и в упоминавшемся уже нами пособии по истории письма чешского ученого Ч. Лоукотка [9].

Аналогичные взгляды на происхождение письма выдвигаются и рядом зарубежных авторов — Чжан Чжэн-мином, Ван Гиннекеном, Шиндлером и др. Так, Чжан Чжэн-мин в специальном монографическом исследовании [10] пытается вывести всю китайскую иероглифику из «языка жестов», а Ван Гиннекен [11], опираясь на данные Чжан Чжэн-мина, делает общий вывод о возникновении как звукового языка, так и письма из «языка жестов».

Теория Марра, Мещанинова и других о более раннем возникновении письма по сравнению со звуковым языком является совершенно голословной. Она полностью противоречит фактическим данным. Прежде всего, необходимо отметить, что археология, на которую особенно часто ссылались в этом вопросе Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов, никаких доказательств о наличии или отсутствии языка в дописьменный период развития человечества представить вообще не в состоянии. Это явствует из того, что никаких памятников речи, не закрепленных в письме, в распоряжении археологии нет и быть не может. Более богатые фактические данные по этому вопросу имеются в распоряжении истории и этнографии. Однако все эти данные не только не подтверждают, но, наоборот, полностью опровергают утверждение о более раннем возникновении письма по сравнению с языком.

«Звуковой язык или язык слов,— указывает И. В. Сталин,— был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей. История не знает ни одного человеческого общества, будь оно самое отсталое, которое не имело бы своего звукового языка. Этнография не знает ни одного отсталого народца, будь он таким же или еще более первобытным, чем, скажем, австралийцы или огнеземельцы прошлого века, который не имел бы своего звукового языка» [12]. Тем более принципиально невозможны и совершенно неизвестны ни истории, ни этнографии человеческие общества, которые бы пользовались письмом, не обладая звуковой речью. Наоборот, народы, владеющие звуковой речью, но не обладающие письмом, известны и истории, и этнографии.

Теория о появлении письма до возникновения звукового языка противоречит также и основам марксистского материалистического учения, так как пользование письмом предполагает наличие развитого мышления, а мышление невозможно без языка.

Каким же образом и когда возникла первоначальная письменность? Как указывалось выше, письмо — это вспомогательное, дополнительное к звуковой речи средство общения между людьми, служащее для передачи речи на расстоянии или для закрепления ее во времени. Язык является необходимым условием существования общества. Письмо не является таким необходимым условием, или, вернее, становится им лишь

---

[5] Н. Я. Марр, Язык и письмо, «Известия ГАИМК», т. VI, вып. VI, Л., 1930, стр. 17.

[6] И. И. Мещанинов, К вопросу о стадиальности в письме и языке, «Известия ГАИМК», т. VII, вып. V—VI, Л., 1931, стр. 7.

[7] Там же, стр. 92.

[8] «Большая Советская Энциклопедия», т. 45, стр. 429—432.

[9] Ч. Лоукотка, указ. соч., стр. 24 и др.

[10] Tchang Tcheng Ming, L'écriture chinoise et le geste humain, Paris, 1937.

[11] Van Ginneken, La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité. Paris, 1939.

[12] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 46.

на определенной ступени общественного развития, в связи с постепенным укрупнением человеческих обществ, с расширением их в пространстве и со стабилизацией их во времени.

Когда человечество состояло из небольших и разрозненных семейно-родовых группировок, оно вполне могло удовлетворять свою потребность в общении только при помощи языка. Но когда на основе развития производительных сил и усложнения производственных отношений образовались более крупные и стабильные родовые и племенные общины, вскоре же возникла необходимость во вспомогательном, дополнительном к языку средстве общения — в письме. Это подтверждается содержанием дошедших до нас первоначальных памятников письменности. Почти все подобные памятники представляют собой или записи каких-либо событий, деяний вождей, обычаев, молитв и т. п., служащие для закрепления речи во времени, или же различные охотничьи сообщения, донесения о стычках с врагами, любовные послания и т. п., служащие для передачи речи на расстоянии.

Возникновение первоначального письма, видимо, следует относить к началу развития родового строя. Вывод этот подтверждается тем, что письмо, хотя бы в его зачаточной пиктографической форме, встречается у большинства народов, известных истории и этнографии, в том числе и у тех, развитие которых задержалось на примитивных стадиях родового строя (у народов Крайнего Севера, у австралийцев XIX в. и т. д.).

Источником, из которого развилось для передачи речи это зачаточное пиктографическое письмо, видимо, была первобытная живопись. Вполне возможно, что многие рисунки на скалах, камнях и стенах пещер, дошедшие до нас от периода верхнего палеолита, служили для целей первоначального письменного общения между людьми. Вполне возможно, что первобытный охотник, возвратившись с охоты и рассказывая о ней своим сородичам, дополнял этот рассказ рисунком; возможно, что этот рисунок служил также для закрепления рассказанного события в памяти рассказчика и слушателей. И в том и другом случае имелся уже зачаток письма, т. е. дополнительного к звуковой речи средства общения.

Каковы же были основной характер, содержание и назначение этого первоначального пиктографического письма? Как уже указывалось, согласно теории Н. Я. Марра и его «учеников», это первоначальное письмо имело, будто бы, в основном магический характер. Первобытное письмо, утверждал И. И. Мещанинов, «...использовалось почти исключительно для общения с тотемом и магическою силою...»[13] Утверждение это противоречит реальным фактам. Большинство известных истории и этнографии пиктографических надписей (североамериканских индейцев, африканских негров, народов Крайнего Севера и т. д.) служило не религиозно-магическим, а практическим целям. Бо́льшая часть этих надписей представляет собой: знаки собственности — личной или племенной, наносившиеся на предметы утвари, на межевые камни, на домашних животных и т. п.; счетные знаки — обычно в виде комбинаций палочек и крестиков; надписи на надгробных камнях, рассказывающие в рисунках важнейшие события из жизни покойника; охотничьи сообщения; донесения о боевых стычках, набегах и походах; любовные послания; документы, закрепляющие условия обмена. Меньшее место занимают среди этих надписей магические и заклинательные формулы, знаки табу и другие надписи магического содержания и назначения.

В основном реалистический характер имеют и первобытные рисунки, дошедшие до нас от эпохи палеолита и послужившие, видимо, тем источником, из которого развилось пиктографическое письмо. Древнейшие из них (например, рисунки стоянки Ла Ферраси и др.) представляют собой вырезанные на камне контуры животных и схематические женские фигуры. Главное в этих рисунках — познавательный их характер, попытка отобразить те явления реальной действительности, окружавшей первобытного человека, которые имели для него наибольшее жизненное значение.

Противоречит теория Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова о магическом характере первоначальной письменности также и основным принципам марксистско-ленинского материалистического учения, согласно которому искусство, наука, а следовательно, и письменность, являются отражением реальной действительности. В языке, а следовательно и в письме, проявляется человеческое мышление. А если бы мышление первобытного человека не было реалистическим, не являлось отражением окружавшей его реальной действительности, человек не смог бы правильно ориентироваться в этой действительности, а позже даже приспособить ее к своим потребностям и нуждам.

4

Одним из важнейших вопросов теории письма является вопрос о том, какие из признаков различных систем письма следует считать основными и какие второстепенными, а также како-

[13] И. И. Мещанинов, указ. соч., стр. 35.

в а и х с в я з ь с я з ы к о м. Письмо представляет собой орудие общения между людьми, но орудие не самостоятельное, а зависимое от языка, выражающее язык присущими письму графическими средствами. В соответствии с этим основные признаки [14] письма в значительной мере связаны с основами языка.

Применяя к письму как к графическому выражению языка учение И. В. Сталина об основе языка, следует сделать вывод, что к основным признакам письма должны относиться те его признаки, которые: 1) являются наиболее специфичными и определяющими для систем письма различных народов и отличают одну систему письма от других и которые 2) являются в пределах одной системы письма наиболее устойчивыми и стабильными. Такими основными признаками письма, определяющими в *своей совокупности письменные системы различных народов, можно считать: 1)* тип письма — пиктографический, идеографический, фонетический (слоговой, звуковой) или промежуточные, переходные между перечисленными; 2) основной состав применяемых письменных знаков, в частности, в идеографических системах письма — основной состав идеограмм, в фонетических — основной состав слоговых или звуковых знаков, а в промежуточных, переходных системах — соединение того и другого (зачаточное пиктографическое письмо сколько-нибудь устойчивого и стабильного состава письменных знаков не имеет). При этом, как уже указывалось, во втором основном признаке письма — в составе письменных знаков — можно условно различать две стороны: а) значение знаков, б) типовые графические формы знаков.

Все указанные признаки письма должны быть отнесены к основным, так как они являются наиболее постоянными и неизменными признаками каждой системы письма и составляют ее специфику, отличающую данную систему от всех остальных. При значительных изменениях любого из этих основных признаков письма (например, *при переходе идеографического письма в идеографически-фонетическое или при* полном и даже крупном изменении состава письменных знаков, например, при замене латинской основы алфавита русской основой) обычно изменяется сама система письма, превращаясь в иную, отличную от первой.

В наиболее распространенных в настоящее время звуковых (алфавитно-буквенных) системах письма к основным их признакам должны быть отнесены также и различные орфографические принципы письма — фонетический, фонематически-морфологический и историко-традиционный. Коренное изменение основного и преобладающего орфографического принципа той или иной системы письма изменяет и самую систему; более того, оно вызывает необходимость изменений и в составе письменных знаков. Так, например, при последовательном и точном выполнении известного предложения Тредьяковского о переходе с письма «по корням» на письмо «по звонам» в русский алфавит пришлось бы ввести ряд дополнительных букв, в частности буквы для редуцированных гласных, появляющихся в безударном положении.

Наоборот, не относятся к основным признакам письма те его *признаки, которые* не являются важнейшими и специфическими для систем письма разных народов и в пределах одной системы отличаются большей изменчивостью. Такими вторичными признаками письма следует считать: 1) различные почерки и стили письма, 2) различные частные правила орфографии, 3) правила пунктуации и т. д. Даже при очень значительных изменениях этих признаков (например, при замене древнего уставного русского почерка полууставом, при пересмотре правил орфографии или пунктуации) система письма как таковая не превращается в иную, отличную от прежней, кроме крайне редких случаев, когда почерковые и стилевые изменения письма приводят к значительным нарушениям графем или же, когда изменение правил орфографии вызывает значительные изменения в составе, значении и применении письменных знаков.

5

Поскольку письмо является графическим выражением языка, постольку основные признаки всякой развитой системы письма, как уже указывалось выше, в с е г д а б ы в а ю т б о л е е и л и м е н е е т е с н о с в я з а н ы с о с н о в а м и н а р о д н о г о я з ы к а. Так, п е р в ы й о с н о в н о й п р и з н а к п и с ь м а — е г о т и п — в значительной мере обусловливается степенью исторического развития народа и грамматическим строем народного языка.

В общеисторическом плане письмо от зачаточных, случайных пиктографических изображений постепенно развивается к упорядоченным, но сложным и громоздким идеографическим системам, а от них — к значительно более простым слоговым и звуковым системам письма. Именно в этом направлении протекало развитие письма у большинства древнейших культурных народов — у народов средиземноморской культуры

[14] Мы применяем здесь и далее термин «основные признаки», а не «основы» письма, так как основой письма всегда является язык.

(Египет, Финикия, Греция, Рим), в древних государствах Передней Азии (Шумер, Вавилон, Ассирия, Персия), в Индии, Японии, Корее и т. д.

Исторически первоначальным, зачаточным типом письма была пиктография. Как уже указывалось, пиктограмма обычно выражает целое предложение, еще очень нечетко расчлененное знаками на отдельные слова. В соответствии с таким значением пиктограммы она и по своей форме обычно представляет собой единую сложную композицию, отдельные элементы которой могут быть правильно поняты только в их связи друг с другом. Следует отметить, что такой как бы синтетический характер пиктограммы соответствовал полисинтетическому строю языков тех народов, у которых особенно сильное развитие получило пиктографическое письмо (ацтеки, американские индейцы, например, ирокезы, многие народы Севера и др.). Отсюда, конечно, не следует, что полисинтетический строй языка послужил причиной появления пиктографического письма; пиктография широко применялась народами и с совершенно иным грамматическим строем языка, но находившимися на начальных ступенях общественного развития. Однако полисинтетический строй языка, видимо, можно считать одним из факторов, в какой-то мере способствовавших развитию пиктографического письма у некоторых народов.

Другой важной особенностью пиктографического письма было то, что применявшиеся в нем изображения в их подавляющем большинстве имели неустойчивый, нестабильный характер и обычно создавались для каждого отдельного случая. В связи с этой его особенностью пиктографическое письмо не требовало специального обучения грамоте, специального образования и было доступно для всех. Такая общедоступность, всеобщность пиктографического письма соответствовала древнейшим этапам развития человечества, на которых еще не существовало классового деления и связанного с ним разделения на грамотное меньшинство и неграмотное большинство.

При всей своей общедоступности пиктография представляла собой крайне несовершенное, примитивное, неупорядоченное письмо. Пиктографические изображения были нестабильны и не всегда однозначны, они допускали разное их толкование и разгадывались с трудом, как современные ребусы. Почти невозможно было при помощи пиктографии передавать отвлеченные, абстрактные понятия и различные сложные записи (торговые договоры, государственные законы и т. п.). Поэтому по мере развития общества, по мере усложнения человеческого мышления и языка, по мере возникновения потребности в упорядоченной переписке первоначальные случайные пиктографические изображения все более и более расчленялись на отдельные знаки, которые все более и более стабилизовались как по своему значению, так и по своей графической форме. Постепенно каждый такой знак начинает обозначать отдельное определенное слово, а пиктографическое письмо тем самым преобразуется в более совершенное и упорядоченное, но в то же время и в более сложное идеографическое письмо.

И. В. Сталин связывает появление упорядоченной переписки (а следовательно, и первых упорядоченных письменных систем) с зарождением государства и с развитием торговли. «Дальнейшее развитие производства, появление классов,— пишет И. В. Сталин,— появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка» [15].

Бо́льшая расчлененность, однозначность и стабильность идеограмм по сравнению с пиктограммами, возможность передачи при их помощи любых, самых сложных литературных произведений и документов делала идеографические системы значительно более пригодными для многообразной и упорядоченной переписки, возникающей в эпоху появления государств и развития торговли. В то же время слабая связь идеограмм с фонетической стороной речи делала эти системы очень удобными для древнейших, пестрых по своему этническому составу государственных образований, а также для тех народов, у которых еще не выработался единый общенародный литературный язык. Но зато сложность идеографических систем была одной из причин, затруднявших распространение грамотности у народов, применявших эти системы.

Поэтому, по мере дальнейшего развития общества, в частности по мере еще большего расширения областей применения письма, увеличения круга людей, пользующихся письмом как средством общения, а также по мере формирования единого литературного языка, идеографические системы письма становились все менее удобными и, как правило, постепенно сменялись или внутренне преобразовывались в слоговые или звуковые системы, значительно более простые и общедоступные. В свою очередь, развитие звуковых и слоговых систем письма, закрепляя единообразное произношение слов, ускоряло процесс формирования единого общенародного литературного языка.

Ф. Энгельс связывает появление звуковых систем письма с переходом к эпохе «цивилизации». Характеризуя различные ступени эпохи «варварства», предшествовавшие «цивилизации», Энгельс пишет:

---

[15] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26—27.

«3. *Высшая ступень.* Начинается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию через изобретение буквенного письма и применение его для записывания словесного творчества» [16].

Однако такое закономерное в целом — в общечеловеческом плане — развитие письма у некоторых народов протекало иначе, в связи с особенностями их языка. Так, например, то, что Китай, несмотря на давнее и высокое развитие своей культуры, не перешел от идеографического к звуковому письму, в значительной мере объясняется особенностями китайского языка. Первой из этих особенностей является корнеизолирующий строй древнего китайского языка, неизменяемость основы слова при грамматическом формообразовании; так, китайское слово *фэй* в различных условиях может употребляться и как существительное «полет», и как глагол «летать», и как прилагательное «летный». С этой особенностью языка связано также то, что и большинство служебных слов, а также всякого рода аффиксы воспринимаются как знаменательные слова; это делает возможным обозначение их при помощи иероглифов. Но это приводит к тому, что и в китайском письме некоторая часть иероглифов, которыми обозначаются образовавшиеся в языке формальные морфемы слова, являются чисто фонетическими знаками.

Второй особенностью китайского языка, в наибольшей степени затрудняющей переход на звуковое письмо, является наличие в нем множества областных диалектов с их фонетическими особенностями; это в значительной мере объясняется прежней феодальной раздробленностью старого Китая, слабым развитием общенационального рынка и национально-колониальным гнетом империализма, препятствовавшим уже в новое время ослаблению этой раздробленности. Представители областных диалектов Китая, если они хорошо знают иероглифическую письменность, легко понимают друг друга при письме иероглифами, поскольку иероглифы читаются представителями каждого диалекта соответственно диалектному произношению того слова, которое этим иероглифом обозначено. С гораздо большим трудом понимали бы друг друга представители областных диалектов Китая при звуковом письме, которое отражало бы различные произношения одних и тех же слов.

Вопрос о переходе на алфавитно-звуковое письмо встает с особой настоятельностью в условиях нового, демократического Китая, так как иероглифическая система затрудняет развитие грамотности в широких народных массах. Достаточно указать, что для понимания простых текстов требуется знание 2—3 тысяч иероглифов. Однако переход с иероглифической системы, существующей в Китае уже несколько тысячелетий и связанной с особенностями китайского языка, на фонетическое письмо смог бы осуществиться лишь в результате весьма сложной и длительной подготовки, в частности на базе укрепления в Китае единого литературного языка; распространение его в народе обеспечивается происшедшим в результате победы революции экономическим и культурно-политическим объединением Китая.

Иными путями формировалась письменность в Корее и в Японии в связи с совершенно иным — в основном агглютинативным — грамматическим строем корейского и японского языков. В этих странах, развивавшихся под сильным культурным влиянием Китая, издавна применялась китайская иероглифическая система письма. Однако для Кореи и Японии китайская иероглифика оказалась неудобной в языковом отношении, так как корейские и японские слова, в отличие от китайских, грамматически изменяются, а эти изменения слов (флективные изменения в основах, суффиксы и окончания) иероглифами как идеографическими знаками передать невозможно. Поэтому наряду с иероглифами в этих странах уже давно применяются также и национальные слоговые системы письма — «кана» в Японии, «кунмун» [17] в Корее. При этом как в Японии, так и в Корее наряду с системой слогового письма образовалась и смешанная система иероглифически-слогового письма, при котором иероглифами обозначаются неизменяемые корневые морфемы слов, знаками слоговой азбуки — изменяемые части слов. В Японии именно эта система письма стала общепринятой. В прежней Корее она употреблялась в периодической печати, научной литературе; в беллетристике же преобладало чисто фонетическое письмо. В современной народно-демократической Корее текст набирается фонетическими знаками («кунмун»), а иероглифы используются спорадически — параллельно с фонетическим письмом для пояснения некоторых сложных понятий, заимствованных китайских слов и омонимов. Сравнительная легкость сочетания идеографических и фонетических знаков в корейском и в японском письме в значительной мере объясняется агглютинативным грамматическим строем этих языков, тем, что слова в этих языках четко делятся на неизменяемую, как правило,

---

[16] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 25. Следует оговорить, что периодизация истории общества по ступеням общественной культуры, разработанная Ф. Энгельсом на основе схемы Л. Моргана, в настоящее время пересматривается (см. статьи «Варварство» и «Дикость» во втором издании «Большой Советской Энциклопедии»).

[17] Современное название; прежнее название — «онмун».

основу (легко передаваемую идеограммой) и на формообразующие аффиксы (легко передаваемые фонетическими знаками).

Таким образом, корнеизолирующий строй языка, восприятие почти всех слов, в том числе и служебных, как знаменательных, наличие большого количества омонимов и обилие диалектов с различным произношением одних и тех же слов при недостаточном распространении единого литературного языка являются факторами, способствующими сохранению идеографических (логографических) систем письма даже тогда, когда эти системы начинают входить в столкновение с изменениями в языке — с развитием в нем элементов аффиксальной морфологии. Наоборот, благоприятствуют переходу на фонетическую (слоговую или звуковую) систему письма: 1) обилие в языке грамматических форм, которые не могут быть переданы идеограммами и для передачи которых необходимы слоговые и звуковые знаки (причина, способствовавшая утверждению слогового письма в Корее и в Японии); 2) четкое разделение слов на знаменательные и служебные; 3) малое количество омонимов в языке; 4) образование и распространение единого литературного языка.

В наибольшей же мере, как уже указывалось, способствует переходу на фонетическое письмо расширение областей применения письма и распространение его в широких народных массах, для которых идеографическое письмо, вследствие его сложности, мало доступно.

Наконец, агглютинативный грамматический строй языка облегчает сочетание в письме идеографических и фонетических знаков.

Второй основной признак всякого письма — состав применяемых знаков — всегда бывает связан в идеографических системах письма с основным словарным фондом языка, в фонетических — с основным звуковым составом языка, а в промежуточных системах — с тем и другим. Особенностями звукового состава языка в значительной мере предопределяется также применение слоговой или звуковой разновидности фонетического письма.

В идеографических системах состав идеограмм (или логограмм) развивается и изменяется в соответствии с историческими изменениями основного словарного фонда и даже словарного состава языка. Так, например, общее количество иероглифов в китайской иероглифической системе, если считать все исторически известные знаки, обычно считается близким к 50 тысячам [18]. Однако из этого количества в настоящее время, в связи с многовековыми изменениями в словарном составе китайского языка, применяется, да и то в некоторых случаях весьма ограниченно, значительно меньше одной трети. Достаточно указать, что в наборных цехах китайских типографий количество иероглифических наборных знаков редко превышает 10 тысяч; остальные же иероглифы почти не применяются, так как в них встречается необходимость лишь при чтении некоторых произведений древней китайской литературы. Но, наряду с этим, в связи с возникновением новых понятий, а следовательно, и слов, продолжают появляться в китайском языке и отдельные новые иероглифы (например, для слова *радий* и т. д.).

Еще более наглядна зависимость между составом и значением письменных знаков и звуковым составом языка в фонетических письменных системах. Так, применение в японском, в корейском и в индийском (деванагари) письме слоговых, а не звуковых письменных знаков объяснялось в значительной мере тем, что слова в этих языках строились из сравнительно ограниченного количества разных слогов, повторявшихся в различных сочетаниях. Поэтому все фонетическое многообразие этих языков могло быть передано небольшим количеством слоговых знаков.

Наиболее ярким примером закономерностей, связывающих слоговые системы письма с особенностями языка, может служить японское письмо. Благодаря характерным для японского языка звуковым законам открытых слогов и недопустимости смежных согласных, японский слог, как правило, состоял или из изолированного гласного, или же из согласного плюс гласный. Это сильно сокращало количество разных слогов, возможных в японском языке, и тем самым делало слоговую систему удобной для японского языка системой письма. Поэтому японская азбука «кана» состояла из 47 знаков, обозначающих слоги [19].

Способствовало применению слоговой системы письма в Японии также то, что каждое японское слово очень четко делилось на слоги, а отдельные звуки лишь с большим трудом выделялись из слога, так как согласные всегда применялись только вместе с гласными.

В современном японском языке закон открытых слогов и недопустимости смежных согласных частично нарушается. Это объясняется, с одной стороны, развитием внутренней флексии в японском языке, которая привела в ряде случаев к появлению сочетаний из двух согласных, с другой стороны, наплывом в японский язык иностран-

---

[18] Один из самых полных толковых словарей китайских иероглифов, содержащий почти все иероглифы, зафиксированные в письменных памятниках, начиная с древнейших,— словарь Канси цзыдянь (1716 г.) — объясняет 42 174 иероглифа.

[19] После последней орфографической реформы (1945 г.) число знаков сократилось до 45.

ных, сперва китайских, а в последнее время английских слов. Большинство этих слов перестраивалось в японском языке по закону открытых слогов (например, английское слово *pistol* передается по-японски *писутору*). Однако, перестраиваясь сами, эти иностранные слова в то же время нарушали и фонетический строй японского языка, в частности закон открытых слогов. В связи с этим слоговые знаки «кана» уже не могут передавать всего фонетического многообразия современного японского языка, и в Японии все более остро встает вопрос о переходе со слогового на звуковое письмо.

В еще большей мере изжило себя слоговое письмо в Корее. В основе корейского национального алфавита («кунмун») лежит около 35—40 звуковых знаков. Знаки эти применяются только в строго определенных слоговых сочетаниях [20], каждому из которых в корейском наборном шрифте соответствует определенная лигатура. Однако, вследствие многообразия слогового состава современного корейского языка, количество различных слоговых сочетаний в корейском письме превышает сейчас 2 тысячи; так, современный корейский шрифт, построенный по слоговому принципу (например, шрифтовая гарнитура «инмин» — «народная»), состоит из 2 с лишним тысяч лигатурных слоговых знаков. Понятно, что это сильно затрудняет обучение грамоте, чтение, письмо и процесс набора и создает настоятельную необходимость перехода со слогового на звуковое письмо. Следует при этом отметить, что для корейца отдельные звуки легче выделяются из состава слога, чем для японца, что облегчает переход на звуковое письмо. Это явствует из того, что корейские слоговые знаки, в отличие от японских, представляют собой сложные сочетания отдельных звуковых знаков.

Вообще в языках с ограниченным количеством разных слогов слоговые системы письма являются не менее, а даже более простыми и легкими для обучения и пользования, чем звуковые; недаром обучение грамоте обычно начинается с чтения по слогам. Сильно способствуют применению слоговых систем письма также простота и единообразие состава слогов, благодаря чему каждый такой слог осознается и воспринимается как единое и неделимое целое. Едва ли не единственный недостаток слоговых систем письма в таких языках — это невозможность точной передачи иностранных слов, в частности иностранных собственных имен, если эти слова имеют иной слоговой состав. Наоборот, для языков с большим количеством различных слогов и со сложным их составом слоговые системы письма нерациональны во всех отношениях.

В отличие от японского, корейского и индийского (деванагари) письма, финикийская, древнееврейская и арабская системы письма представляли собой алфавитно-звуковые системы, но состоящие преимущественно из согласных букв [21]. Последнее было связано с «внутренне-флективным» [22] грамматическим строем семитских языков, в частности с тем, что корневые основы слов состоят в этих языках преимущественно из согласных звуков, а гласные меняются и служат главным образом для образования производных основ и грамматических форм (например, в арабском языке при корне *к-т-л* путем прослаивания его разными гласными получаются слова: *китл* «враг, убийца», *кутл* «смертный», *катала* «он убит», *кутила* «он был убит», *актала* «он велел убить» и т. д.). В средние века, по мере завоевания арабами других народов и обращения их в мусульманство, у этих народов внедрялась и арабская система письма. Но, соответствуя внутренне-флективному строю и звуковому составу арабского языка, арабская консонантная система письма оказалась искусственной и чуждой для завоеванных арабами народов тюркской, иранской, кавказской и других несемитских лингвистических групп; это объяснялось совершенно иным — агглютинативным или внешне-флективным — грамматическим строем и своеобразным звуковым составом языков этих народов. В значительной мере именно по этой причине так сравнительно легко и естественно осуществился в послереволюционные годы переход письменности этих народов, проживавших в СССР, с арабской на более близкую им (наличие гласных букв и т. д.) русскую основу письма.

Буквы для обозначения гласных звуков появились и в древнегреческом письме, несмотря на то, что оно возникло и развивалось под влиянием консонантного финикийского письма. В значительной мере это также объяснялось внешне-флективным строем греческого языка, в частности тем, что гласные звуки применялись в нем не только для выражения грамматических форм, но и для образования корневых основ.

---

[20] Каждое такое слоговое сочетание записывается не в одну строку по горизонтали, а комбинируется вокруг гласной буквы по различным осям (в зависимости от начертания гласной).

[21] В современном арабском языке гласные звуки обозначаются, но не при помощи специальных букв, а посредством так называемой «огласовки», т. е. надстрочных знаков (точек и т. п.).

[22] Здесь и далее «внутренне-флективными» называются языки (например, семитские), в которых грамматические формы и отношения выражаются главным образом внутренней флексией (флексией основы), а «внешне-флективными» — языки (например, греческий, латинский, русский, немецкий и др.), в которых грамматические формы и отношения выражаются главным образом внешней флексией.

В латинской и старославянской системах письма, развившихся под влиянием греческой системы, алфавитно-буквенный состав, в связи с особым звуковым составом этих языков, претерпел дальнейшие изменения. При этом в латинском письме эти изменения были очень невелики, а в старославянском гораздо более значительны. Так, согласно О. А. Добиаш-Рождественской, латинский алфавит заимствовал из греческого западного алфавита 20 букв и присоединил к ним дополнительно только 3 новые буквы (*g*, *y*, *z*) и позднее *u* [23]. В свою очередь, современные западноевропейские алфавиты (французский, английский, немецкий и др.), несмотря на своеобразный звуковой состав западноевропейских языков, заимствовали из латинского алфавита 24 буквы и присоединили дополнительно только 2 (*w* и *j*). Таким образом, латинская и западноевропейская системы письма развивались главным образом по пути заимствований.

Наоборот, из 43 букв старославянского «кирилловского» алфавита 19 букв [24], т. е. 45%, были новые по своему звуковому значению, отсутствовавшие в классическом греческом и византийском письме и появившиеся применительно к своеобразному звуковому составу старославянского языка. Большие изменения претерпел старославянский алфавит и при развитии на его основе современного русского алфавита. Таким образом, славянское и русское письмо, в отличие от латинского и западноевропейского, развивалось самобытным путем.

Из всего изложенного следует, что в фонетических системах письма состав применяемых знаков всегда более или менее предопределяется звуковым составом языка. Наличие в языке ограниченного количества разных слогов способствует развитию слоговых систем письма, а сложность и разнообразие слогового состава языка способствует развитию звуковых систем. Соответственно, построение корневых основ слов преимущественно из согласных способствует появлению консонантных систем письма, а построение корневых основ не только из согласных, но и из гласных звуков — появлению алфавитов, включающих также и гласные буквы. При этом некритическое заимствование чужой алфавитной системы обусловливает разрыв между письмом и народным языком: наоборот, самобытное, творческое развитие алфавитной системы обеспечивает необходимую связь между нею и языком.

Особо стоит вопрос о закономерностях применения в различных звуковых системах письма тех или иных орфографических принципов — фонетического, фонематически-морфологического и историко-традиционного. Применение, вернее преобладание, в письме историко-традиционного принципа не связано с особенностями языка и объясняется главным образом консервативной государственной политикой в области письма. Наоборот, большее или меньшее преобладание в письме фонетического или фонематически-морфологического принципа, очевидно, в какой-то мере обусловлено особенностями языка и поддерживается считающейся с этими особенностями государственной политикой. Однако вопрос этот, несмотря на его большое практическое значение, наименее изучен и требует специальной разработки.

6

Все сказанное выше о составе и применении письменных знаков относилось главным образом к звуковому или смысловому значению этих знаков. Между тем, как уже указывалось, в каждом письменном знаке следует различать, кроме его звукового или смыслового значения, также и его типовую графическую форму. Определенные и более или менее постоянные типовые графические особенности нередко бывают характерными не только для отдельных знаков, но и для всей системы письма в целом (например, клинообразный характер древнего переднеазиатского письма, орнаментальный характер арабского письма, приближенный к геометрическим формам характер латинского письма и т. п.).

К основным признакам письма состав применяемых знаков относится в равной мере как по их значению (смысловому или звуковому), так и по типовой графической форме. Однако непосредственную связь с народным языком каждая система письма имеет через смысловое или звуковое значение применяемых знаков. Наоборот, типовая графическая форма знаков, так же как и общий типовой графический характер всей системы письма в целом, с языком не связаны и определяются исторически сложившимися художественными тенденциями, характерными для графики данного народа, влияниями графики ранее существовавших письменных систем, применяемыми материалами и орудиями для письма (камень, глина, папирус, пергамен, бумага) и т. п. При этом типовая графическая форма письменных знаков всегда бывает более или менее условной и обычно воспринимается как национальная, главным образом в силу

[23] См. О. А. Добиаш-Рождественская, История письма в средние века, М.—Л., 1936, стр. 56 и др.

[24] Б, Е, (Ѥ), Ж, S, ОУ, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, ЪІ, Ь, Ѣ, Ю, Ѫ, Ѭ, Ѧ, Ѩ, Ѯ.

длительной исторической традиции [25]. В этой связи можно, например, утверждать, что две старославянские системы письма — кириллица и глаголица, имевшие при разной графической основе букв почти один и тот же звуковой состав алфавита, стоят ближе друг к другу, чем кириллица и греческое уставное письмо, сходные друг с другом по графической форме многих букв, но резко различные по звуковому составу алфавита. Недаром кириллица и глаголица в течение долгого времени применялись параллельно и даже заменяли друг друга, в то время как греческое письмо имело некоторое применение в славянских странах лишь до кириллицы и глаголицы.

В той же связи принципиально ошибочными являются попытки решения вопроса о степени самобытности кирилловской азбуки в зависимости от того, сколько букв в ней было «новых» по их графической форме и сколько было графически «заимствовано» из греческого алфавита [26]. Важнейшая заслуга создателей этой азбуки (если у нее имелись индивидуальные создатели) заключалась не в том, что они удачно и графически по-новому построили ряд букв для звуков, отсутствовавших в греческом языке, но имевшихся в славянских языках; важнейшая их заслуга состояла в правильном определении своеобразного звукового (фонематического) состава славянского языка и в соответственно правильном установлении основного алфавитного состава славянской азбуки. Именно это и определило самобытность кирилловской азбуки, послужило причиной того, что эта азбука — хотя со времени ее создания прошло более тысячи лет — до сих пор лежит в основе большинства славянских алфавитов.

Что касается графической формы тех букв кирилловской азбуки, которые предназначались для передачи звуков, одинаковых в греческом и старославянском языке, то выдумывать их заново при наличии достаточно простых и четких букв греческого алфавита вряд ли было целесообразно. Иначе обстояло дело с буквами для звуков, отсутствовавших в греческом языке, но необходимых для передачи славянской речи. В построении этих букв проявилась большая творческая изобретательность с соблюдением в то же время простого, четкого и единого графического строя кирилловской азбуки.

Аналогичные принципы положены и в основу графического построения новых алфавитов для народностей СССР.

*

Из всего сказанного могут быть сделаны также следующие выводы методологического порядка. Изучение теории и истории письма всегда должно производиться в тесной связи с историей общества, поскольку письмо есть средство общения между людьми, и с историей языка, поскольку письмо есть вспомогательное, дополнительное к языку средство общения, непосредственно отражающее язык. Только при таком подходе к письму могут быть вскрыты действительные и важнейшие закономерности в развитии письма как у отдельных народов, так и в общечеловеческом масштабе.

Это, конечно, не исключает возможности и даже необходимости художественно-графического, палеографического и других специальных методов изучения письма. Методы эти вполне закономерны, так как, наряду с выполнением своей основной функции (служить для передачи речи), письмо, кроме того, представляет собой своеобразную технику, зависящую от применяемых материалов, орудий и т. п., а также явление стиля, зависящее от смены стилей в изобразительном искусстве. Однако любой из этих специальных методов может служить лишь дополнением к основному, лингвистическому методу изучения письма, так как графика письма является только средством для передачи речи и важнейшие закономерности письма лежат не в графической, а в лингвистической области.

До последнего времени изучение истории письма производилось, как правило, в отрыве от истории общества и от истории языка, причем основное внимание сосредоточивалось на внешней, графической стороне письма. В результате история письма преимущественно сводилась или к истории заимствования графической формы знаков одними народами у других, или к истории почерковых и стилистических изменений письма того или иного народа. Подлинные же, важнейшие закономерности в развитии письма могут быть вскрыты лишь при изучении истории письма в тесной связи с историей общества и с историей языка.

В. А. Истрин

---

[25] Так, несмотря даже на то, что в русском и латинском письме многие буквы (*а*, *е*, *о* и др.) совпадают по их графической форме, введение в русскую надпись хотя бы одной латинской буквы, не совпадающей по своей форме с русской (например, латинского *N* или *D*), было бы воспринято читателем как грубое нарушение привычного национального графического строя русского письма.

[26] См., например, Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин, Русская палеография, М., 1946, стр. 56.

НОВЫЕ НАХОДКИ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

(О статьях А. В. Арциховского, посвященных раскопкам 1952 г. в Новгороде) *

В журнале «Вопросы языкознания» за 1952 г. автором этих строк был затронут вопрос о десяти берестяных грамотах, найденных в 1951 г. в Новгороде в результате исключительно успешных археологических раскопок, произведенных экспедицией, возглавляемой проф. А. В. Арциховским [1].

В упомянутой статье отмечалось огромное значение этой находки, так как берестяные грамоты, в особенности семь грамот, являющиеся частными письмами, и обнаруженные при раскопках предметы домашнего обихода с надписями на них свидетельствуют о широком распространении грамотности на Руси.

Итоги экспедиции 1951 г. позволили А. В. Арциховскому выразить уверенность, что десять берестяных грамот — лишь незначительная часть подобных грамот, имеющихся в культурном слое Новгорода.

И действительно, успех археологической экспедиции в Новгороде в 1952 г. (также возглавляемой А. В. Арциховским) превзошел самые смелые ожидания. В 1952 г. раскопки заняли площадь почти в пять раз большую, чем в 1951 г., но количество грамот, найденных в 1952 г., возросло не в пять раз, а в семь с лишним раз: было обнаружено 73 грамоты.

А. В. Арциховский приводит следующие данные о найденных грамотах: «Целых грамот — 8; адресов...—2; отрывков, где смысл всей грамоты ясен,—27; отрывков с ясными словами — 19; отрывков, где сохранились лишь куски слов,—16. Среди этих 73 грамот особняком стоит одна чернильная грамота. Прочесть ее пока не удалось, так как чернила сохранились очень плохо. Буквы всех остальных грамот процарапаны»[2].

Как указывает А. В. Арциховский, шесть грамот из 73 принадлежат сравнительно позднему времени — относятся к XVI в., а остальные — к XV, XIV, XIII и XII вв. Из них к обнаруженным в культурном слое XV в. относится шесть грамот: №№ 17, 21, 23, 24, 25, 27 [3]; XIV в.— пять: №№ 40, 41, 43, 46, 49; XIII—XIV вв.— одна: № 53; XIII в.— одна: № 54; XII в.— две: №№ 69 и 78. Кроме того, указаны две самые маленькие грамоты — короткие и узкие берестяные полоски, которые А. В. Арциховский считает возможным назвать адресами. Одна из них (№ 58) найдена в культурном слое XIII в., другая (№ 79) — в культурном слое XII в. Раскопки 1952 г. остановились приблизительно на грани XI и XII в. Таким образом, когда будут вскрыты слои XI и X в., русское языкознание обогатится еще более драгоценными памятниками.

Раскопки 1951 г. дали только одну грамоту XI в. Напомним, что грамот XI в., написанных на пергамене, нет (древнейшие пергаменные грамоты принадлежат XII в.) и что древнейший русский памятник письменности — Остромирово евангелие — написан в 1056—1057 гг. Все это вызывает исключительный интерес к ожидаемым дальнейшим находкам, которые, несомненно, во многом изменят наши представления о древнерусской письменности и древнерусском языке.

Нельзя не выразить сожаления, что А. В. Арциховский в своей статье остановился только на некоторых грамотах, найденных экспедицией 1952 г.

Основное внимание он уделил текстам грамот, их толкованию и замечаниям по поводу содержания, остановившись предварительно на некоторых языковых особенностях грамот. Фонетических, морфологических и синтаксических черт грамот мы коснемся дальше, после анализа текста, а сначала рассмотрим текст грамот, их лексику.

Грамота № 17, найденная в культурном слое XV в., содержит следующий текст:

Поклонъ ѿ михаилъ к осподину своѥму тимофию. земля готова надобь сѣмяна пришли осподине цлвкъ. спроста. а мы не смиѥмъ імать ржи безъ твоѥго слова.

А. В. Арциховский предполагает (и мы разделяем его предположение), что это письмо приказчика к феодалу.

---

* См. А. В. Арциховский, Раскопки 1952 года в Новгороде, «Вестник АН СССР», М., 1952, № 12, стр. 45—57; с тем же заглавием см. его статью в журн. «Вопросы истории», М., 1953, № 1, стр. 113—124. Ввиду почти полного совпадения текстов этих статей в обоих журналах, все ссылки, за исключением специально оговоренных случаев, даются на один источник — статью в журн. «Вопросы истории», так как она является последней редакцией авторского текста.

[1] См. В. И Борковский, Драгоценные памятники древнерусской письменности, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 131—136.

[2] А. В. Арциховский, указ. соч., стр. 114.

[3] Эта нумерация является продолжением нумерации грамот, найденных в 1951 г. (следовательно, грамоты, найденные при раскопках в 1952 г., имеют №№ 11—83).

А. В. Арциховскому представляется трудным перевести слова *пришли... цлвкъ. спроста*. Он пишет: «...по словарю Срезневского, среди многочисленных древнерусских значений слова „спроста" были значения: „одним словом", „вообще" и т. п.».[4]. Очевидно, автор полагает возможным и в данном тексте перевести «спроста» как «одним словом», «вообще». Такой перевод едва ли оправдан контекстом. В говорах русского языка в числе значений наречия «спроста» (в противоположность «неспроста») имеются: «без умысла или намерения», «без хитрости, простодушно». В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского (т. III, СПб., 1912) в словарной статье, посвященной слову «съпростыи», на которое как на прилагательное у И. И. Срезневского нет примеров (чем и объясняется вопросительный знак в скобках около этого слова), отмечено: «...не въ с ъ п р о с т у—не съ проста:— И се нѣ въ спросту ѥсть. Ефр. Сир. XIII в.»

Этот пример позволяет предполагать и употребление *съ проста* со значением, противоположным значению *не въ съпросту*, а не только со значениями, указанными у И. И. Срезневского в т. III «Материалов» для *съ проста*: вполне, совершенно; почти, просто; одним словом, вообще.

О значении «простодушно», «без хитрости», «искренно» свидетельствуют, видимо, следующие примеры из памятников начала XVII в., имеющиеся в картотеке древнерусского словаря Института языкознания АН СССР:

А больши де того онъ у посла ничего не писывалъ, а приходилъ де спроста, безхитросно, не вѣдая заповеди (Посольство Михаила Никитича Тиханова. 1613—1615 гг.); *а ходилъ онъ к Усеинъ беку про то допрашивать спроста, по совѣту с-Ыиваном, чтобъ того довѣдатца: отъ кого тѣ ненадобные слова пронеслись?* (Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, Изд. под ред. Н. И. Веселовского, т. III, СПб., 1898, 1614—1621 гг.).

Отметим попутно, что «Материалы» И. И. Срезневского, хотя и представляют большую научную ценность, но все же не дают полной картины лексического богатства древнерусского языка. Нет сомнений, что памятники письменности, которые не были известны во времена И. И. Срезневского или не были им использованы, дают возможность обнаружить в том или ином слове те значения, какие не указаны в «Материалах».

Текст грамоты № 17 может быть переведен так: «Поклон от Михаила к господину своему Тимофею. Земля готова — нужны семена. Пришли, господин, искренно (проявляя доверие к пославшему письмо) человека. А мы не смеем взять ржи без твоего разрешения».

В грамоте № 21, обнаруженной в том же культурном слое XV в. и представляющей конец письма, написано:

выткала и ты ко мнѣ пришли а не угодице с кымъ прислать и ты у себя избѣли.

А. В. Арциховский читает *угодице с кымъ* как одно слово *угодицескымъ* и полагает, что оно обозначает жителей села Угодичи. В то же время он пишет, что «село Угодичи в новгородских писцовых книгах неизвестно; такое село есть под Ростовом Великим, но в этих книгах упоминается два починка Угожа» [5].

Нельзя согласиться с таким толкованием А. В. Арциховского. От «Угожа» не может быть образовано прилагательное *угодицескымъ* = *угодическымъ*. Конструкция *а не угодицескымъ прислать* не позволяет предположить, что в этих словах содержится предложение автора письма адресату «...не рассчитывать, что пришлют жители села Угодичи» [6].

Если рассматривать *угодице с кымъ* как субстантивированное прилагательное и, следовательно, считать, что в данном тексте мы имеем дат. падеж лица (*угодицескымъ*), которому следует (или не следует) что-либо делать, то конструкция должна быть переведена: «а не угодичанам следует прислать». Вернее предположить, что *угодице с кымъ* представляет собою словосочетание, а не одно слово и передает живое произношение возвратной формы *угодить се* (*се* на месте *ся*), явившееся вследствие того, что конечное *т* в соединении с *с* после падения глухого дает *ц*. Отметим, что *се* в качестве возвратной частицы глагола встречается в северновеликорусских говорах (в том числе и в западно-новгородской группе) и в средневеликорусских говорах.

В архиве «Атласа русских народных говоров северо-западных областей» имеются данные об употреблении *се* в той или иной глагольной форме в следующих пунктах: 1) Новгородская область (дер. Остров Хрепельского сельсовета Батецкого района и дер. Взгляды Взглядского сельсовета Волотовского района); 2) Ленинградская область (дер. Сологубовка Лезьенского сельсовета Мгинского района и дер. Крылово Белогульского сельсовета Пушкиногорского района); 3) Псковская область (дер. Васильево Рюшского сельсовета Псковского района); 4) Калининская область (дер. Верендаль, она же — Ованцево, Соколовского сельсовета Чихачевского района).

---

[4] А. В. Арциховский, указ. соч., стр. 115.
[5] Там же.
[6] Там же.

П. С. Кузнецов в своей работе «Очерк морфологической системы пильмасозерского говора» (Пудожский район Карельской АССР) указывает, что наиболее обычной для основного говора является, повидимому, форма на *-с'е*[7]. Для нас особый интерес представляет следующее замечание автора: «Степень фонетического слияния возвратного суффикса с предшествующим ему *-т* 3-го лица или инфинитива может быть различна. Иногда согласные обоих значимых элементов сливаются в одно долгое мягкое (или твердое в результате последующего отвердения) *ц*, иногда же затвор и фрикация выступают достаточно отчетливо»[8]. В числе примеров, приведенных П. С. Кузнецовым, дано: *царáпаиц'е, н'е полагáиц'е*. Форма *угодице* имеет значение «удастся», поскольку в древнерусских памятниках с этим значением обычно употреблялся безлично глагол *угодитися*.

Переводим текст грамоты: «выткала, и ты ко мне пришли. Если не удастся с кем нибудь прислать, то ты у себя выбели».

Интересно отметить, что глагола *избѣлити* (как и глагола *выбѣлити*) нет ни в «Материалах» И. И. Срезневского, ни в картотеке древнерусского словаря. Нет глагола *избелить* и в словаре Даля, так как русское образование этого слова — с приставкой *вы* (как и в чешском и в польском языках), а не с приставкой *из*, характерной для старославянского и современного болгарского языка.

В отношении грамоты № 21 необходимо еще отметить, что на снимке можно прочесть слово, предшествующее слову *выткала*. Оно состоит из букв: *у*, затем, повидимому, *о*, дальше *з*, *ц*, *и*, *н* и, по всей вероятности *к* и *у* (видны только нижние части этих букв). Можно предположить, что написано: *уозцинку* = *оузчинку*.

В форме *усчина* это слово отмечено Г. Е. Кочиным в новгородских писцовых книгах за 1500 г.[9] Г. Е. Кочин пишет по поводу этого слова: «*Усчина* — ткань, холст; усчина входит в состав натурального оброка»[10]. В словаре Даля находим: «*Увчи́на* (ж.) *сев.* узкий, простой крестьянский холст (Ср. *узкий*)».

Таким образом, адресат — повидимому, крестьянка, которая должна была выткать простое крестьянское полотно и отослать его автору письма, жившему, возможно, в городе; выбелить полотно должен был кто-то другой. В случае невозможности сразу отослать полотно автор письма обязывал ткачиху выполнить и вторую работу — выбелить полотно.

Грамота № 23 (найдена в культурном слое XV в.) содержит текст:

поклоно ѿ карпа. к осподину. моѥму фоми. было ѥсми ѡсподинь. на пустопьржи. рожь ѥсмь роздилило. с ольксої. съ гафанкомо. ньмного ѡсподинь. ржи. на твою. часть. два ѡвина. цьтвьрти. а пѧнтьликь видьль самь.

А. В. Арциховский пишет относительно словосочетания *два овина цьтвьрти*: «Трудно понять только слово „четверти"; четвертями мерили рожь, но грамматическое согласование здесь непонятно[11]: возможен смысл „два овина с четвертью"»[12]. И дальше: «Измерение ржи овинами понятно: господин знал емкость своих овинов»[13]. Сочетание *два овина цьтвьрти* не представляется возможным перевести как «два овина с четвертью»: употребление род. падежа *цьтвьрти* не дает для этого основания; вернее, что в данном контексте слово *четверть* имеет общее значение «оброк», «налог», как в следующем примере из Псковской судной грамоты XV в. (список XVI в.): *А государь не доискался четверти*[14]. Таким образом, *два овина цьтвьрти* — «два овина (необмолоченного хлеба) оброка», т. е. оброк в пользу феодала составил два овина.

Итак, в грамоте, написанной, как правильно отмечает А. В. Арциховский, приказчиком или крестьянином феодалу, сказано: «Поклон от Карпа к господину моему Фоме. Был, господин, в Пустопержи[15]. Рожь разделил с Алексеем Гафанком. Не-

---

[7] См. П. С. Кузнецов, Очерк морфологической системы пильмасозерского говора, «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 125.

[8] Там же, стр. 125—126.

[9] См. Г. Е. Кочин, Материалы для терминологического словаря древней России, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937, стр. 377.

[10] Там же.

[11] В статье А. В. Арциховского, помещенной в «Вестнике АН СССР», после этих слов высказано предположение: «возможна описка; вероятен смысл...» (стр. 49).

[12] А. В. Арциховский, указ. соч., стр. 116.

[13] Там же.

[14] Г. Е. Кочин, указ. соч., стр. 393.

[15] В новгородских писцовых книгах в числе деревень погоста Которьского названа «Пустопержа». [См. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией, т. IV, Переписные оброчные книги Шелонской пятины, СПб., 1886, стр. 124: «Д. Пустопержа пуста, пашни во всѣхъ трехъ полехъ на 8 коробей, сѣна 20 копенъ, а в писмѣ была обжа» (Переписная книга 1498 г.)].

много, господин, ржи на твою долю: два овина ржи оброка. А Пантелей видел сам (был сам свидетелем).

Текст грамоты № 24, найденной тоже в культурном слое XV в., не требует перевода:

цоловѣкомъ грамотку пришли таино.

В грамоте № 25, также обнаруженной в культурном слое XV в. и представляющей начало письма, после которого идут обрывки букв, написано:

ухо к тобѣ с василькємъ со желутковымъ и ты ухо положи на судѣ а на мене се шли на томъ цто еси конь позналъ у нѣмцина и ухо ѥси за мене дале и нѣмцине с себе поводъ сложиле.

А. В. Арциховский правильно переводит слово *ухо* как «свидетельское показание на суде», хотя в таком значении это слово не отмечено ни в «Материалах» И. И. Срезневского, ни в картотеке древнерусского словаря. Он пишет далее: «Непонятно только выражение *поводъ сложилъ*» [16].

В «Материалах» И. И. Срезневского нет объяснения слова *поводъ*, которое подошло бы к данному контексту, но раскрыть значение этого слова помогает употребление в древнерусских памятниках глагола *поводити* с такими значениями: «показать, наущать». Глагол *съложити* в числе значений, с которыми он встречается в древнерусских памятниках, имеет следующие: «снять», «отложить», «отвергнуть».

Словосочетание *и нѣмцине с себе поводъ сложиле* можно поэтому перевести: «и немец показание с себя (= против него) отверг» = «и немец не признал показания против него». Тогда перевод всего текста окажется следующий: «Свидетельское показание к тебе с Васильем Желудковым [в смысле: свидетельское показание направлено (обращено) к тебе с Василием Желудковым = указывает на тебя с Васильем Желудковым как на свидетелей]. И ты свидетельское показание отложи (= опровергни) на суде и на меня сошлись в том (в смысле: выскажись за меня), что ты коня признал у немца и свидетельское показание в мою пользу дал и немец не признал показания против него».

Таким образом, *се шли* является формой повелительного наклонения от глагола *сълатисѧ*, в которой возвратное местоимение *сѧ* в виде диалектного *се* (см. выше) находится в препозиции к глаголу.

Текст грамоты № 27, найденной в культурном слое XV в. и представляющей собой начало письма, не требует пояснений и перевода:

поклоно ѿ фалеѧ ко Ѥсифу послал/. ѧзо к тоби. берестo написаво вышли за.

Совершенно правильно указывает А. В. Арциховский, что наибольший интерес представляет слово *берестo*, обозначающее берестяную грамоту. Слово это, на основании данной грамоты, а также грамоты № 40, найденной в культурном слое XIV в., пополнит собою как словарь древнерусского языка, так и терминологический словарь древней Руси (до находки этих грамот было известно слово *бересто* со значением «березовая кора»).

В грамоте № 40 — следующий текст (конец письма): *неи гвозду а стоѧть во потклѣтѣ кто придеть з берестомъ.*

А. В. Арциховский пишет *неи гвозду* слитно и отмечает: «В первой строчке стоит слово „неигвозду". Смысл его непонятен» [17].

На снимке в конце оборванной предшествующей строки можно разобрать слово — предлог *в*. Таким образом, есть все основания прочесть *в неи гвозду*, где *гвозду* — форма дат. падежа ед. числа или, возможно, род. падежа ед. числа.

Слово *гвоздь* употреблялось в древнерусских памятниках и в форме *гвоздъ*.

В «Материалах» И. И. Срезневского, в словарной статье, посвященной слову *гвоздь* = *гвоздъ*, там, где говорится, что это слово употреблялось и со значением «втулка, которою затыкают бочки», отмечен пример из Новгородской летописи по Синодальному списку:

Въсаженъ бы въ бочкоу имоущи с҃ г҃. дна... а въ дроугомь конци вода. идеже гвоздъ (в другом списке — *гвоздь*)... *Из бъчькъ гвозды вынимаша и видеше водоу текоущю* (по Академическому списку — *гвоздии*; по Толст. списку — *гвозди*) (Новгородская I летопись 6712 г.).

Итак, употреблена форма им. падежа ед. числа *гвоздъ*, вин. падежа мн. числа *гвозды*.

Отметим, на основании картотеки древнерусского словаря, еще несколько примеров со словом *гвоздъ* (со значением *гвоздь*): *и по семь гвозды желѣзны въбиша Ѥму въ главу* (Пролог XIV в.); *гвозды желѣзны посредѣ главъ вбивающе* (Новгородская I летопись по Синодальному списку); *златыми же гвозды заключити* (Пролог XV в.); *на ступицахъ по 4 обруча желѣзныхъ, в станкѣ дву гвоздовъ болшихъ нѣтъ же, и на*

---

[16] А. В. Арциховский, указ. соч., стр. 116.

[17] Там же. В статье в «Вестнике АН СССР»: «Первая строчка „неигвозду" непонятна, поскольку нет связи с предыдущим» (стр. 50).

ручкахъ накрыжекъ нѣтъ... Псков. а.—1660 г. (Псков и его пригороды, кн. 2, Сб. Моск. архива Мин-ва юстиции, т. VI, М., 1914, 1580—1733 гг.); *двенатца*[т] *гво*[з]*до*[в] *пилованы*[х] (Кн. расх. Иверск. монастыря, 1663—1664 г.). Отметим попутно, что форма *гвозд* (с твердым *д*) встречается в современных территориальных говорах — в северновеликорусских и в средневеликорусских.

Смысл всего текста, в связи с тем, что *неигвозду* не является одним словом, нам кажется иным, чем он представляется А. В. Арциховскому. По его мнению, «Люди, приходившие с берестяными грамотами, должны были ожидать кого-то в нижнем этаже» [18]. Но вернее, что *стоять* относится к предметам, помещавшимся в подклети — нижнем ярусе дома, а последнее предложение с *кто* не закончено, следовательно, грамота не имеет конца.

Мы переводим текст так: «...в ней гвоздю (возможно: гвоздя). А стоят в подклети. Кто придет с берестяной грамотой...» Возможно, что хозяин дома был вне Новгорода и поручил лицу, которому он дал берестяную грамоту, доставить нужные предметы. Автор письма в грамоте указывает, какие предметы ему необходимы и где они находятся (хранятся).

В грамоте № 41, найденной в культурном слое XIV в., сохранилась частично первая строчка оборванного сверху письма; вторая и третья строчки уцелели полностью:

те даите намъ волно ходи (очевидно, ходити.— *В. Б.*)... *кунахъ землю вамъ оцистимъ а вамъ кланаѥмся.*

Для закладных, купчих, рядных грамот, в частности для двинских грамот XV в., обычно употребление слов *очистити, очищати, очищивати* со значением «освободить, освобождать от залогов, недоимок» с дат. падежом лица (при инфинитиве *очистити, очищати, очищивати*), которое обязано это сделать.

Есть основание предположить, что и в данном случае, где обязательство выражено формой настоящего времени глагола совершенного вида, значение глагола то же. На это, возможно, указывает слово *кунахъ*: залог был в кунах.

Перевод текста (*те* мы считаем концом слова и потому не переводим): «...дайте нам свободно распоряжаться... землю вам обязуемся освободить от залогов (или недоимок). А вам кланяемся» (= вас приветствуем).

Большой интерес представляет найденное в культурном слое XIV в. письмо Бориса к Анастасии (грамота № 43):

ѿ бориса. ко ностасии. како. приде. ся. грамота. тако. пришли ми. цоловѣкъ. на жерепцѣ зане ми. здѣсе. дѣлъ. много. да пришли. сороцицю. сороцицѣ забыле.

Письмо свидетельствует о широком распространении грамотности. Совершенно справедливо отмечает А. В. Арциховский: «Очевидно, Настасья или другой член семьи были грамотны. Подобные письма писались и читались без участия профессиональных писцов. Иначе было бы проще передавать поручения на словах» [19].

Перевод не представляет трудностей: «От Бориса к Анастасии. Когда будет прислана эта грамота, тогда пришли мне человека на жеребце, так как у меня здесь дел много. Да пришли исподнюю рубашку: исподние рубашки забыл».

С этой грамотой А. В. Арциховский с полным основанием связывает грамоту № 49, найденную также в культурном слое XIV в., почти на той же глубине:

поклонъ ѿ ностасьи къ гну къ моѥи къ братьи оу мене бориса в животѣ нѣтъ какъ се гдо мною попецалуѥте и моими дѣтми.

Текст не требует разъяснений. Слово *гну* (= *гну* = господину), употребленное для выражения почтения, стоит в ед. числе, так как относится к собирательному слову. Форма *гдо* (= господо) — зват. падеж ед. числа от собирательного *господа* (а не зват. падеж мн. числа, как ошибочно полагает А. В. Арциховский. Формы зват. падежа мн. ч., отличной от формы им. падежа мн. числа, в древнерусском языке не было).

Текст переводим: «Поклон от Анастасии к господам братьям моим. У меня Бориса нет в живых. Как, господа, позаботитесь обо мне и моих детях?»

Грамота № 46, найденная в культурном слое XIV в., написана весьма примитивной тайнописью: под первым рядом букв стоит второй ряд, читать надо первую букву вверху, затем первую внизу и т. д. Эта тайнопись расшифрована А. В. Арциховским:

невѣжя писа недума каза а хто се цита (конец оборван).

А. В. Арциховский правильно отмечает, что «это типичная школьная шутка» [20]. Любопытно отметить, что в этой школьной шутке сохранена форма аориста, что свидетельствует о ее глубокой старине, о том, что она переходила от поколения к поколению.

---

[18] А. В. Арциховский, указ. соч., стр. 116.
[19] Там же, стр. 117.
[20] Там же.

Переводим текст грамоты так: «Несведущий писал, недумающий (*недума* по типу *невѣжа*) показал. А кто это прочитал...»

Грамота № 53, найденная в культурном слое XIII—XIV вв., имеет следующий текст:

поклонъ ѿ потра к марьѣ покосиле есмь пожню и ѡзерици оу мене сѣно ѿяли списи списокъ с купнои грамотѣ да пришли сѣмо куды грамота поведе дать ми розумно.

А. В. Арциховский предполагает, что это письмо мужа к жене, и на основании имеющейся в письме просьбы к адресату — снять копию с купчей грамоты — делает (с основанием) вывод о грамотности новгородских женщин даже из среды рядового трудящегося населения.

Кажется, что А. В. Арциховский допускает ошибку, полагая слова *куды грамота поведе* началом фразы: *Куды грамота поведе, дать ми розумно*, считая при этом, что *розумно* означает «понятно». При такой разбивке текста, как у А. В. Арциховского, и при таком переводе слова *розумно* трудно доискаться смысла в приведенной фразе; вернее, что слова *куды грамота поведе* относятся к предыдущей фразе (точнее — к слову *сѣмо*) и являются образным выражением.

Текст, как нам кажется, следует перевести так: «Поклон от Петра к Марье. Я скосил луг, и озеричи (жители села Озеры) у меня сено отняли. Напиши (= сними) копию с купчей грамоты и пришли сюда, куда грамота (= письмо Петра) покажет путь. Мне нужно дать (= представить) разумно».

Для слова *розумно* значение, которое нами приведено при переводе, является основным. Глагол *дати* мы перевели как «дать = представить» (копию купчей грамоты). Возможно, однако, что автор письма не счел необходимым поставить при *дати* слово *вина*, так как юридическая формулировка *дати вина* была привычной и употребление даже одного слова *дати* в определенном контексте не вызывало сомнений, что при нем подразумевается *вина*.

Если это предположение правильное, то последняя фраза имеет следующий смысл: «Мне нужно обвинить разумно (= с основанием)».

Грамота № 54, найденная в культурном слое XIII в., особых замечаний не вызывает. Эта грамота, в которой сохранились только две строчки (конец первой строчки прочесть нельзя, так как верхняя часть букв оторвана), по мнению А. В. Арциховского, представляет собою отрывок из расписания соколиной охоты:

а у микулици сокол ... стуя соколъ у микифорця.

Грамота № 69, найденная в культурном слое XII в., имеет следующий текст:

ѿ тереньтея къ михалю пришьлить лошакъ съ яковьцемъ поедуть дружина савина чадь я на ярославли добръ здоровъ и с григоремь оуглицане замерьъли на ярославли + ты до углеца и ту плкъ дружина.

В приведенном тексте *пришьлить* (*ь* после *т* на месте *е*) вместо ожидаемого *пришьли* — потому, что письмо адресовано к одному лицу, а просьба обращена, повидимому, к нескольким лицам. Остальной текст замечаний не вызывает.

Приводим перевод текста: «От Терентия к Михаилу. Пришлите лошака (мула) с Яковом. Поедет дружина, люди Саввы. Я в Ярославле в благополучии, с Григорием. Угличане (речь идет, как правильно отмечает А. В. Арциховский, об угличских кораблях) замерзли в Ярославле. Ты к Угличу (шли лошака.— *В. Б.*), и там войско, дружина».

В том же культурном слое XII в. найдена грамота № 78:

+ въземи оу тимоще одиноунадесятѣ гривъноу оу въицина шоурина на конѣ псании хомоуть и воже и оголове и попоноу.

А. В. Арциховский сближает имя *Воица* с известным по летописям именем *Воислав*. Отметим, что это имя встретилось и в новгородских грамотах, что в летописях, в новгородских грамотах употребляется и имя *Воинъ* . В Синодальном списке Новгородской первой летописи находим и имя *Вои* (под 6623-м — 1115-м годом):

«*Том же лѣтѣ заложи Воигость* (повидимому, *Вои гость* — купец Вои.— *В. Б.*) *церковь святого Федора Тирона, априля в 28*» [21]. То же — и в младшем изводе Новгородской первой летописи [22].

Форма *псании* с *и* после *н* не позволяет согласиться, что слово *псании* относится к слову *хомут* и обозначает «расписной». При таком толковании не будет понятным и словосочетание *на конѣ*; *псании* — мн. число — форма им. падежа вместо формы вин. падежа. Словосочетание *на конѣ*, несомненно, обозначает «*за коня*». Предлог *на* для обозначения замены, цены (т. е. вместо предлога *за*) встречается в летописях, особенно часто — в грамотах (в новгородской грамоте не позднее 1147 г. — в духовной

---

[21] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 20.

[22] Там же, стр. 204 (Комиссионный список. В Академическом и Толстовском списках на конце слова *гость* вместо *ь* — *ъ*)

Антония Римлянина и в более поздних грамотах — новгородских, псковских, двинских и др.).

Слово *оголове* — из *оголовиѥ* (с пропуском *и*) или из *оголовь* (с *е* на месте ь). В русских говорах в значении «узда» мы встречаем как *оголо̀вье* (А. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении, Изд. 2-го отд-ния АН, СПб., 1885), так и *о̀головь* (В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка). В поздних памятниках письменности, по данным картотеки древнерусского словаря, находим и *оголовье* (Олонецкие акты 1597—1666 гг.: *оголо͡ве*; Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, 1685—1725 гг.: *оголовье*), и *оголовъ* (Розыскные дела о Федоре Шакловитом...).

На основании сказанного текст переводим так: «Возьми у Тимофея одиннадцать гривен, у Вонцына шурина за коня записанные хомут, вожжи, узду, попону».

А. В. Арциховский справедливо подчеркивает значение перечня конской сбруи, содержащегося в этой грамоте, для истории материальной культуры. Показательно, что в «Материалах» И. И. Срезневского не указаны ни *хомутъ*, ни *вожжи*, ни *оголовиѥ*. Только в «Дополнениях» к «Материалам» дан пример на слово «*вожжи*» из позднего памятника — второй половины XVI в.: «*вожжи* — часть конской сбруи:— *Вожжи гаечьи да четыре сѣдла* (Оп. Ник. Кор. мон., 1551 г.)».

В «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина нет ни одного из названных выше слов (*хомутъ, вожжи, оголовиѥ*). Картотека древнерусского словаря дает сведения об употреблении названий *хомутъ* и *вожжи* в памятниках письменности со второй половины XVI в. Отметим также, что *попона* (в значении принадлежности конской сбруи), на основании данных картотеки древнерусского словаря, засвидетельствована тоже памятниками второй половины XVI в. и позже.

Не останавливаемся на двух маленьких грамотах-адресах №№ 58 и 79 (культурные слои XII и XIII в.), на надписях на бирках, на бочке, на каменном оселке (культурные слои XII, XIII, XIV и XV в.), поскольку с них не даны в статье снимки и в нашем распоряжении снимков также нет [23]. Несомненно, что надписи не в меньшей степени, чем грамоты, свидетельствуют о широком распространении грамотности в древней Руси.

Остановимся на некоторых фонетических, морфологических и синтаксических явлениях вышеуказанных грамот. Более детальный анализ этих сторон берестяных грамот, а также их лексики и палеографических особенностей будет дан в коллективном труде о языке берестяных грамот, который подготавливается Институтом языкознания АН СССР (в этом труде будут рассмотрены все 83 найденные при раскопках 1951 и 1952 г. берестяные грамоты).

Наиболее яркой фонетической чертой новгородских берестяных грамот является цоканье (*ц* на месте *ч*): *оуглицане, до углеца* (№ 69) [24]; *ѡ зерици* (№ 53); *оцистимъ* (№ 41); *цоловѣкъ*; *сороцицю, сороцицѣ* [25] (№ 43); *цита* (№ 46); *попецалуѥте* (№ 49); *цлвкъ* (№ 17); *уозцинку* (№ 21); *цастъ, цьтвьрти* (№ 23); *цоловѣкомъ* (№ 24); *цто, у нѣмцина, нѣмцине* (№ 25). Единственный случай сохранения *ч* — в грамоте XII в.: *савина чадь* (№ 69).

Следует отметить, что ни в одной из берестяных грамот нет случаев обратной замены — *ц* на *ч*: *съ яковьцемъ* (№ 69); *оу вьици* (№ 78); *у микифорця* (№ 54); *на жерепцѣ* (№ 43); *угодице с кымъ* (№ 21).

Берестяные грамоты последовательно сохраняют *ѣ*: *на конѣ* (местн. падеж ед. числа; № 78); *сѣно* (№ 53); *с купнои грамотѣ* (№ 53); *сѣмо* (№ 53); *во поткльтѣ* (№ 40); *цоловѣкъ* (№ 40); *на жерепцѣ* (№ 43); *здѣсе* (№ 43); *дѣлъ* (№ 43); *сороцицѣ забыле* (№ 43); *невѣжся* (№ 46); *в животѣ нѣтъ* (№ 49); *дѣтми* (№ 49); *сѣмяна* (№ 17); *ко мнѣ* (№ 21); *избѣли* (№ 21); *цоловѣкомъ* (№ 24); *к тобѣ* (№ 25); *на судѣ* (№ 25); *у нѣмцина* (№ 25); *нѣмцине* (№ 25).

Из перечисленных случаев особый интерес представляет употребление *ѣ* в форме местного падежа ед. числа основ на *о* мягкого различия, которое встретилось не только в сравнительно позднем памятнике XIV в. (*на жерепцѣ*; № 43), но и в памятнике XII в. (*на конѣ*; № 78). Отметим, что А. И. Соболевский в своих «Лекциях по истории русского языка» первый достоверный случай местного падежа ед. числа основ на *-о* мягкого различия с *ѣ* приводит из памятника XII—XIII вв. («Триодь Моисея киевлянина») [26].

---

[23] Нами были получены от А. В. Арциховского снимки и прориси со всех грамот, рассмотренных в его статье, кроме грамот-адресов №№ 58 и 79 и надписей на бирках, бочке и каменном оселке.

[24] Здесь и ниже приводим примеры из грамот, начиная с древнейших: №№ 69 и 78— XII в.; № 54 — XIII в.; № 53 — XIII—XIV вв.; №№ 40, 41, 43, 46, 49 — XIV в.; №№ 17, 21, 23, 24, 25, 27—XIV в.

[25] Второе *ц* — исконное.

[26] А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, 4-е изд., М., 1907, стр. 179.

Случаи с *е* на месте *ѣ* весьма немногочисленны: *поедуть* (№ 69); *оу тимоще* (№ 78); *въземи вожe*; *видьль* (№ 23) (ь на месте *е*). В первом из примеров (*поедуть*) *е* стоит после буквы, обозначающей гласный, и произносится в данном положении как *йе* [27]. Употребление *е* вместо *ѣ* не только после гласного, но и после согласного особых замечаний не вызывает: первые случаи с *е* на месте *ѣ* встречаются уже в древнейшем русском памятнике — Остромировом евангелии 1056—1057 гг.

Случай с *ѣ* на месте *е* единственный: *одиноунадесятѣ гривъноу* (№ 78). Следует подчеркнуть, что этот случай — в грамоте, найденной в культурном слое XII в.

Замену *ѣ* буквой *и*, характерную для новгородских памятников, находим редко, при этом только в поздних берестяных грамотах (XV в.): *к... тимофию* (№ 17) [28]; *не смиѥмъ* (№ 17); *к... фоми* (№ 23); *рожь Ѥсмь роздилило* (№ 23); *к тоби* (№ 27). Отметим, что ни в одном из приведенных выше случаев нет примера с *и* на месте *ѣ* перед твердым согласным.

Остановимся на том, что дают берестяные грамоты для рассмотрения вопросов, связанных с судьбой глухих ъ и ь. Сохраняя, как правило, ъ и ь, берестяные грамоты дают и примеры их исчезновения в слабом положении (при этом и в грамотах, найденных в культурном слое XII в.). Мы не находим ъ и ь в приставках, предлогах, суффиксах, а также и в корнях слов. Из приведенных ниже случаев особый интерес представляет написание *плкъ* вместо ожидаемого *пълкъ*. Этот пример находится в противоречии с другими случаями из той же грамоты XII в. (№ 69), отразившими не только сохранение ъ и ь в сильном положении, но и переход их в гласные полного образования (см. ниже). Следует отметить, что пропуск ъ, ь при сочетании их с плавными в случаях типа *пълкъ* не засвидетельствован древнерусскими памятниками.

Отметим случаи с написаниями без ъ и ь: *и ту плкъ* (№ 69); *псании* (№ 79); *у микифорця* (№ 54); *пожню* (№ 53); *с купнои* (пропуск ъ в предлоге и ь в имени прилагательном; № 53); *да пришли* (№ 53); *розумно* (№ 53); *кто* (№ 40); *волно* (№ 41); *много* (№ 43); *да пришли* (№ 43); *хто* (№ 46); *в животѣ* (№ 49); *дѣтми* (№ 49); *пришли* (№ 17); *спроста* (№ 17); *имать ржи* (№ 17); *ко мнѣ* (№ 21); *пришли* (№ 21); *с кымъ* (№ 21); *нѣмного* (№ 23); *ржи* (№ 23); *два* (№ 23); *пришли* (№ 24); *к тобѣ* (№ 25); *шли* (№ 25); *цто* (№ 25); *оу нѣмцина* (№ 25); *и нѣмцине* (№ 25); *к тоби* (№ 27); *вышли* (№ 27).

Грамоты, при этом и самые древние из них (XII в.), содержат также материал, говорящий о переходе глухих в гласные полного образования: *с ѧковьцемъ* (№ 69); *ко мнѣ* (№ 21); *рожь* (№ 23). Под влиянием случаев, когда глухой в предлоге, стоящем перед словом, в котором утратился глухой в первом слоге, перешел в гласный полного образования, находим *о* в предлогах и в других случаях (в грамотах XIV и XV в.): *во поткльтѣ* (№ 40); *ко ностасии* (№ 43); *со желутковымъ* (№ 25).

Переход глухих в гласные полного образования приводит к их смешению на письме, что тоже получило отражение в новгородских берестяных грамотах. С одной стороны, находим в них *о* и *е* на месте ъ и ь: *въземи оу тимоще* (№ 78); *поклоно ѿ карпа* (№ 23); *было Ѥсми* (№ 23); *рожь Ѥсмь роздилило* (№ 23); *съ гафанкомо* (№ 23); *написаво* (№ 27); *ѧво* (№ 27). С другой стороны, находим ъ и ь на месте *о* и *е*: *пришьлить лошакъ* (№ 69); *ньмного* (№ 23); *осподинь* (зват. падеж; № 23); *цьтвьрти* (№ 23); *а пѧнтьликь* (№ 23), а также ь на конце слова на месте ожидаемого ъ: *хомуть* (№ 78); *пѧнтьликь* (№ 26); *самь* (№ 23).

Падением редуцированных обусловлены и случаи написания ъ и ь там, где их ранее не было. См. *углицане замьрьзли* (№ 69), где ь, может быть, передает мягкость *з*; *к моѥи братьи* (№ 49).

Берестяными грамотами засвидетельствовано и изменение глухих согласных в звонкие и наоборот — звонких согласных в глухие, как результат падения глухих: *здоровъ* (№ 69); *во поткльтѣ* (№ 40); *з берестомь* (№ 40); *на жерепцѣ* (№ 43); *здѣсе* (№ 43); *со желутковымъ* (№ 25). Важно подчеркнуть, что такое изменение отмечено в грамоте № 69, найденной в культурном слое XII в., тогда как ранее примеры такого изменения отмечали лишь в памятниках начала XIII в. А. И. Соболевский, давший

---

[27] Замену *ѣ* буквой *е* в слове *доеди* находим в новгородской берестяной грамоте XI в. (см. В. И. Борковский, указ. соч., стр. 134).

[28] Это имя в памятниках XIII—XIV вв. и позже писалось не с *е*, а с *ѣ*, который и в данном слове (во всяком случае, в некоторых говорах русского языка) обозначал звук, отличный от *е*. Напомним, что в современном украинском языке — *Тимофій*. Относительно *и* в именах собственных (в том числе и в имени *Тимоѳѣи* — *Тимоѳеи*) см. у А. А. Шахматова (О языке новгородских грамот XIII и XIV века, «Исследования по русскому языку», т. I, Изд. Отд-ния русск. языка и словесности АН, т. I, СПб., 1885—1895, стр. 218—219). Отметим, что колебания в употреблении *ѣ* и *и* в именах собственных, где ожидали бы *е*, в севернорусских памятниках представлены сравнительно широко. См. в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку: *алексиѧ*, *алексии* при *ѡлексѣѧ*; *еремиѧ* при *еремѣѧ* и др. (В. И. Борковский, О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, «Труды комиссии по русскому языку», т. I, Л., 1931, стр. 33).

в своих «Лекциях» наиболее полную сводку случаев такого изменения в XIII в., выразил уверенность, что бо́льшая часть примеров явилась в языке много раньше. В частности, он полагал, что глухие перешли в звонкие тотчас после того, как соприкоснулись со следовавшими за исчезнувшими ъ и ь звонкими (кроме *в*) [29].

Пример из грамоты № 69 с переходом *с* в *з* в слове *вдоровъ*, повидимому, подтверждает правильность высказывания А. И. Соболевского, что ассимиляция и диссимиляция (в первую очередь ассимиляция глухих звонким) имела место раньше XIII в. Если предположить, что грамота № 69 принадлежит в т о р о й половине XII в., и учесть, что первые случаи с переходом глухих в звонкие встретились в «Житии Нифонта» — памятнике 1219 г.[30], то поправка к хронологии данного явления не будет весьма значительной.

В г р а м о т а х № 69 и № 78, которые, возможно, тоже относятся ко второй половине XII в., имеем и другие случаи изменений во вновь возникавших после падения редуцированных группах согласных: *пришьлить* — из *присьлѣте*; *тимоще* — из *тимошьцѣ*. Относительно первого случая отметим, что изменение *с* в *ш* в приведенном слове ранее отмечалось по памятнику 1284 г. Таким образом, поправка к хронологии является несомненно значительной.

Изменение группы *шьц* в *щ* (шч) в слове *тимоще* после падения глухого ь произошло, повидимому, не вследствие прогрессивной ассимиляции, а благодаря чоканью (*ч* на месте *ц*; смешению способствовала мягкость *ц*). Данный случай — с чоканьем — единственный в рассматриваемых берестяных грамотах.

Итак, берестяные грамоты позволяют внести важные поправки в хронологию ряда явлений. На это справедливо обращено внимание в передовой статье журнала «Вопросы языкознания» (№ 3 за 1953 г.): «Если поверить датировке грамот по их нахождению в слое того или иного века, как это предлагает А. В. Арциховский (хотя, повидимому, некоторые переносы устанавливаемых им дат в более поздний век необходимы), то придется существенно изменить многие уже установившиеся представления об этапах и ходе развития звукового и отчасти грамматического строя русского языка» (стр. 13). К сожалению, не изучена палеографическая сторона грамот, которая позволила бы уточнить датировку. Однако у нас нет оснований сомневаться в датировке на основании нахождения грамоты в культурном слое, поскольку каждый из культурных слоев имеет большую толщину.

Окончание *мь* в твор. падеже ед. числа находим в ранней грамоте № 69 (XII в.): *с григоремь* (рядом, что важно отметить, в памятнике XII в.: *съ ѧковьцемъ*). В других грамотах оно не встретилось (случаи с твор. и местным падежами ед. числа находим только в грамоте № 69 и в поздних грамотах — с XIV в.). В грамотах XIV—XV вв. имеется окончание только *мъ*: *з беростомъ* (№ 40); *с кымъ* (№ 21); *съ гафанкомо* (№ 23); *цоловѣкомъ* (твор. падеж; № 24); *с васильѥмъ* (№ 25); *со желутковымъ* (№ 25); *на томъ* (№ 25).

В 3-м лице ед. и мн. числа находим *т* мягкое [примеры, весьма немногочисленные, из грамоты XII в. (№ 69) и грамоты XIV в. (№ 40)]: *а поедуть дружина* (№ 69); *а стоять* (3-е лицо мн. числа; № 40); *кто придеть* (№ 40).

Остановимся на одной особенности новгородских берестяных грамот, которую мы объясняем фонетически, почему и говорим о ней здесь,— на форме причастия на *-лъ*. В берестяных грамотах мы находим в этих формах на конце: 1) ъ: *цто еси конь позналь* (№ 25); 2) черту вместо ъ : *послал/. ѧзо к тоби. берость* (№ 27); 3) *о* (как результат графической мены *о* и ъ): *было ѥсми ѡсподинь. на пустопьржи* (№ 23); *рожь ѥсмь роздилило* (№ 23); 4) *е*: *покосиле есмь пожню* (№ 53); *сороцицѣ забыле* (1-е лицо ед. числа; № 43); *и ухо ѥси за мене дале* (№ 25); *и нѣмцине с себе поводъ сложиле* (№ 25); 5) ь: *а пѧнтьликь видьль самь* (№ 23).

Интерес представляют формы с *е* и ь. Важно отметить, что формы с *е* встретились не только в 3-м лице ед. числа, но и в 1-м и во 2-м лице, что устраняет возможность их объяснения как результат слияния причастия с формой 3-го лица ед. числа вспомогательного глагола *ѥ*. Напомним, что форма на *е* встречается еще во вкладной Варлаама Хутынскому монастырю после 1192 г. (*въдале варламе*) и что форма на *ле* в 3-м лице ед. числа отмечена в псковском памятнике второй половины XVI в.— в Погодинском списке Псковской летописи — Н. М. Каринским [31]; встречается форма на *л'е* и в диалектах.

В связи с анализом данных форм важно отметить, что при лингвистическом обследовании ряда пунктов Новгородской, Ленинградской и Псковской областей для «Атласа русских народных говоров северо-западных областей» собиратели зареги-

---

[29] См. А. И. С о б о л е в с к и й, указ. соч., стр. 103.

[30] См. там же.

[31] Н. К а р и н с к и й, Язык Пскова и его области в XV веке, СПб., 1909, стр. 87. См. также Н. Каринский, Исследование языка Псковского шестоднева 1374 г., ЖМНП., Новая серия, часть LXI, Пг., 1916, февраль, стр. 234.

стрировали случаи со «средним», «европейским» *л*, в частности, в причастиях-глаголах на *-лъ* (в ед. числе перед гласным звуком).

Укажем эти пункты: 1) Новгородская область: дер. Менюша Менюшского сельсовета Шимского района, дер. Теребутицы Теребутицкого сельсовета Шимского района, дер. Подгощи Подгощского сельсовета того же района; 2) Ленинградская область: дер. Заполье Смердовского сельсовета Лужского района; 3) Псковская область: дер. Загорье Семищенского сельсовета Порховского района, дер. Чертёны Скугровского сельсовета Дновского района.

На основании диалектологических материалов показаний памятников письменности, особенно же новгородских берестяных грамот (со смешением твердого и мягкого *л* в причастиях), представляется возможным предположить, что в некоторых говорах, входивших в состав Новгородской земли, было среднее *л*.

Из других фонетических явлений отметим в грамотах XIII—XV вв. отражение перехода *е* в *о* перед твердым согласным: *поклонъ ѿ потра* (№ 53); *з берестомъ* (№ 40); *цоловѣкъ* (№ 43); *цоловѣкомъ* (№ 24); *беросто* (№ 27). Как видим, переход имеет место не только после шипящих и *ц* (в наших грамотах — после *ц*), но и после других согласных, что засвидетельствовано и другими древнерусскими памятниками конца XIII в. и позже, в первую очередь — новгородскими (грамота № 53, из которой приведен пример: *ѿ потра*, относится к XIII—XIV вв.).

В берестяных грамотах встретились только полногласные формы: *здоровъ* (№ 69); *оголове* (№ 78); *ни жерепцѣ* (№ 43); *сороцицю* (№ 43); *сороцицѣ забыле* (№ 43).

В отношении согласных звуков укажем только явление отпадения *г* в корне *господ-* как результате произнесения этого *г* как фрикативного звонкого. Рядом с примерами *къ гну*; *как се гдо*[32] (все примеры из одной грамоты № 49) находим: *к осподину* (№ 17 и № 23); *осподине* (№ 17); *ѡсподинь* (зват. п.; дважды; № 23).

Факт произношения *г* как звонкого фрикативного, установленный на основании находки берестяных грамот, авторами которых являются приказчик (грамота № 17), приказчик или крестьянин (грамота № 23), не позволяет нам видеть во фрикативном звуке в корне *господ-* наследие древнекиевского произношения, получившего распространение и в севернорусской области, как полагал А. А. Шахматов[33]. Полагаем вслед за А. М. Селищевым, что *hоспода*, *hосподарь*, *осподарь* — «...результат изменения, пережитого в русской среде, без воздействия украинско-белорусского произношения»[34].

На отдельных морфологических и синтаксических явлениях нам пришлось останавливаться выше, поэтому мы коснемся лишь некоторых вопросов морфологии и синтаксиса берестяных грамот. Отметим сохранение определенной, трафаретной для грамот формы зват. падежа ед. числа от слов *господинъ*, *господа*: *какъ се гдо мною попецалуѥте и моими дѣтми* (№ 49); *пришли осподине цлвкъ. спроста* (№ 17); *было ѥсми ѡсподинь. на пустопьржи* (№ 23); *ньмного ѡсподинь. ржи. на твою цасть* (№ 23).

Обычным является для древнерусских памятников употребление формы род. падежа от основы на согласный среднего рода по типу *о* основ, встретившееся в грамоте XV в.: *а мы не смиѥмъ імать ржи безъ твоѥго слова* (№ 17).

От возвратного местоимения находим в род. падеже новую форму: *и ты у себя избѣли* (грамота из культурного слоя XV в.; № 21). Это подтверждает известное положение о том, что формы *меня*, *тебя*, *себя* сравнительно поздние, их и ранее отмечали в памятниках, начиная с XV в. Как в ранних, так и в более поздних грамотах находим старинную форму: *и ѡзерици оу мене сѣно ѿяли* (№ 53); *ухо ѥси за мене дале* (вин. падеж; № 25).

В дат. падеже ед. числа личного местоимения 2-го лица находим только форму *тобѣ* (а не форму *тебѣ*): *ухо к тобѣ* (№ 25); *послал/. язо к тоби. беросто* (№ 27). Отметим еще форму *ми* в дат. падеже ед. числа в грамоте XIV в.: *пришли ми цоловѣкъ. на жерепцѣ ване ми. здѣсе. дѣлъ. много* (№ 43).

Наибольший интерес представляют случаи смешения форм твердого и мягкого различия. В грамотах XII и XIV в. встретилось старинное употребление формы вин. падежа мн. числа (с *ѣ*) от основ на *-а* мягкого различия: *въземи... вожє и оголове и попону* (№ 78); *пришли. сороцицю. сороцицѣ забыле* (№ 43). Старинную форму местн. падежа ед. числа от основы на *-о* мягкого различия находим в грамоте XII в.: *на ярославли*

---

[32] Интересно употребление буквенного титла. Это единственный случай с титлом в берестяных грамотах.

[33] См. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд., М., 1941, стр. 91—92.

[34] А. М. Селищев, Критические заметки по истории русского языка, «Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та. Кафедра русск. языка», вып. I, т. V, М., 1941, стр. 183.

(№ 69); *оуглицане замерьзьли на ярославли* (№ 69). В приведенных примерах попутно отметим употребление предлога *на* в значении *въ*, широко представленное и в других памятниках письменности, в частности новгородских, двинских, московских и др.

Рядом — многочисленные случаи смешения форм твердого и мягкого различия в ед. числе: 1) форма местн. падежа твердого различия вместо формы мягкого различия (в грамотах XII в. и позже): *въземи... на конѣ* (№ 78); *пришли ми. цоловѣкъ. на жерепцѣ* (№ 43); 2) форма дат. падежа твердого различия вместо формы мягкого различия: *поклонъ ѿ потра к марьѣ* (№ 53); 3) форма род. падежа твердого различия вместо формы мягкого различия: *поклон ѿ ностасьи къ гну къ моѥи къ братьи* (№ 49) (здесь и случай с сохранившейся формой дат. падежа ед. числа мягкого различия).

Наибольший интерес представляет форма *на конѣ* в грамоте XII в., поскольку, как мы уже говорили выше, первый случай, внушающий доверие, с формой местн. падежа твердого различия от мягких основ на *-о* отмечен только в памятнике XII—XIII в.— в Триоди Моисея киевлянина.

В следующем примере из грамоты XII в. находим смешение форм род. и дат. падежей (дат. падеж на месте род. падежа), засвидетельствованное древнерусскими памятниками со второй половины XII в.: *въземи оу тимоще* (из *тимощьцѣ*) (№ 78). Как смешение форм род. и дат. падежей можно рассматривать форму с *ѣ* в более поздней грамоте (XIII—XIV вв.): *спиши списокъ с купнои грамотѣ* (№ 53). Возможно, однако, предположить и то, что здесь имеет место влияние формы на *ѣ* мягких основ на форму твердых основ.

Из области склонения имен укажем еще употребление формы им. падежа мн. числа вместо формы вин. падежа мн. числа имени прилагательного (в местоименной форме) муж. рода: *въземи... на конѣ псании хомуть и вожe и оголове и попону* (№ 78).

Толкование формы *псании* как формы им. падежа мн. числа заставляет предполагать употребление уже в XII в. формы им. падежа мн. числа имен прилагательных муж. рода (в местоименной форме) вместо формы вин. падежа тех же прилагательных, между тем единичные случаи замены формы вин. падежа мн. числа формой им. падежа мн. числа отмечены исследователями древнерусского языка лишь со второй половины XIII в. (в именах существительных такое употребление формы одного падежа вместо формы другого падежа встречаем раньше — с 1215 г.).

Из области глагола отметим представленную в грамоте № 53 форму 3-го лица ед. числа простого будущего без *-ть*: *куды грамота поведе...*[35].

В 3-м лице ед. числа и мн. числа перфекта отсутствует связка: *и ѡзерици оу мене сѣно ѿяли* (№ 53); *а пятьликъ видьль самь* (№ 23). В 1-м и 2-м лице связка употребляется: *покосиле есмь* (№ 53); *было ѥсми* (№ 23); *ѥсмь роздилило* (№ 23); *цто еси конь позналъ* (№ 25). Отсутствует связка лишь в двух случаях. В одном из них употреблено *язъ*: *послал. язо к тоби* (№ 27). Интерес представляет второй случай. Автор письма дает поручение жене, рассказывает о себе (в грамоте дважды *ми*: *пришли ми..., ми. здѣсе. дѣлъ. много*), поэтому совершенно ясно, что и перфект указывает на первое лицо: *да пришли. сороцицю. сороцицѣ забыле* (№ 43).

В новгородских берестяных грамотах последовательно сохраняется форма вин. падежа (как от наименований животных, так и от наименований лиц): *пришьлить лошакъ* (№ 69); *пришли ми. цоловѣкъ* (№ 43); *пришли осподине цлвкъ спроста* (№ 17); *цто ѥси конь позналъ* (№ 25).

В грамотах мы находим повторение предлога, вызванное необходимостью подчеркнуть слова, при которых стоит предлог (приложение или определение, определяемое слово): *поклонъ ѿ ностасьи къ гну къ моѥи къ братьи* (№ 49); *рожь ѥсмь роздилило. с ольксог. съ гафанкомо* (№ 23). Как известно, повторение предлога весьма часто встречается в территориальных диалектах (как в устном творчестве, так и в разговорной речи).

В грамоте XII в. находим постановку сказуемого во мн. числе при собирательном слове. Употребление мн. числа сказуемого при собирательном слове характерно не только для древнерусских памятников, но и для современных территориальных говоров. Приведем этот единственный встретившийся нам случай: *поедуть дружина савина чадь* (№ 69).

Нам уже приходилось отмечать в отношении новгородских берестяных грамот, найденных при раскопках 1951 г., трафаретное начало грамоты. Это трафаретное начало (двух типов: 1) от такого-то к такому-то; 2) поклон от такого-то к такому-то как выражение приветствия) находим и в берестяных грамотах, найденных в 1952 г.: *ѿ тереньтея къ михалю* (№ 69); *поклонъ ѿ потра к марьѣ* (№ 53); *ѿ бориса. ко ностасии* (№ 43); *поклонъ ѿ ностасьи къ гну къ моѥи къ братьи* (№ 49); *поклонъ ѿ михаіл к оспо-*

[35] Формы без *ть*, *т* в глаголах различных классов отмечены в большом количестве пунктов территории, картографированной в «Атласе русских народных говоров северо-западных областей», сданном в печать Ин-том языкознания АН СССР.

дину своѥму тимофию. (№ 17); *поклоно ѿ карпа. к осподину. моѥму фоми* (№ 23); *поклоно ѿ фалеѧ ко ѥсифу* (№ 27).

Во всех приведенных случаях начало грамоты по своему синтаксическому построению — номинативное назывное предложение (предложение, содержащее указание на автора письма и на лицо, которому посылается это письмо) или номинативное (предложение с отглагольным именем существительным *поклонъ*).

Интересно отметить, что грамота № 78 (XII в.), представляющая целое письмо, а не отрывок письма, и грамота № 25 (XV в.), являющаяся н а ч а л о м письма, не содержат ни указания на автора письма и на лицо, к которому автор пишет, ни приветствия. Таким образом, эти грамоты отличаются от других грамот-писем. Это — своеобразные грамоты-частные записки.

Мы не останавливаемся на разборе типов предложения, встретившихся в грамотах, так как это может послужить темой для специальной статьи. Укажем только, что в грамотах широко представлены как простые предложения и сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения (с *кто, что, зане, куды*).

В грамотах имеет место и прямая речь (в грамоте № 27), что способствует бо́льшей живости изложения. Благодаря отсутствию в ряде предложений глагола-сказуемого или вспомогательного глагола при именной части сказуемого создается впечатление живой устной речи; например, в древнейшей грамоте № 69 (XII в.) читаем: *ѧ на ѧрославли добръ вдоровъ и с григоремь; ты до углеча и ту плкъ дружина.*

Отметим еще вопросительное предложение в грамоте № 49 (вопросительные предложения в грамотах встречаются очень редко), употребление которого тоже создает впечатление непосредственной беседы автора письма с адресатом.

Новая находка берестяных грамот — большой вклад в науку о древнерусском языке (хотя основная часть грамот и относится к XIV—XV векам). Когда будут вскрыты культурные слои XI и X в. и найдены грамоты, написанные в XI в., а возможно — и ранее, многое уточнится в отношении хронологии фонетических, морфологических и синтаксических явлений.

В. И. Борковский

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1953

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ПЕРВЫХ ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ «БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ» *

После появления работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» на второе издание «Большой Советской Энциклопедии» легла почетная и трудная задача — помочь советскому языкознанию ликвидировать последствия аракчеевского режима, покончить с теоретической неразберихой и занять первое место в мировом языкознании. Страна вправе предъявить к «Большой Советской Энциклопедии» высокие требования, для выполнения которых имеются огромные возможности.

Энциклопедия издается тиражом в 300 тыс. экземпляров; издание должно быть закончено через 3—4 года. В отдаленные районы и в научные центры страны «Большая Советская Энциклопедия» несет знания по самым различным отраслям науки, в частности по языкознанию, сообщая многообразные сведения по истории отечественной и зарубежной лингвистики, по истории памятников русского и других языков, знакомя широкие круги своих читателей с последними достижениями науки о языке.

Сведения по языкознанию даются БСЭ² в следующих группах статей: 1) об отделах общего языкознания как теоретического, так и прикладного; 2) о терминах общего и частных языкознаний, а в особенности — науки о русском языке; 3) об отдельных языках и языковых группах; 4) о выдающихся лингвистах и в первую очередь — отечественных; 5) о памятниках русского и других языков. Сведения, касающиеся языкознания, сообщаются и в статьях по смежной тематике, например по философии, этнографии, литературе, истории, вспомогательным дисциплинам филологического характера, а сведения, касающиеся фонетики,— в статьях по анатомии и физиологии.

В настоящей рецензии мы остановимся только на статьях первых двух групп.

1. Важнейшему отделу общего языкознания — грамматике — посвящена большая статья «Грамматика» (т. 12, стр. 423—430; автор — П. С. Кузнецов). Это пока — самая крупная из лингвистических статей БСЭ ².

Первая часть статьи систематически излагает учение о грамматике и о ее отношении к словарному составу, иллюстрируя основные положения примерами, то более общими, то более конкретными, но всегда доступными пониманию неспециалиста. Далее автор переходит к понятию грамматической категории, которое раскрывается на анализе категории падежа в русском языке и соответствующей роли предлогов во французском языке. К сожалению, отсутствуют примеры, и даже нет ссылки на статью «Аналитические языки», где такие примеры есть. Автор совершенно правильно подчеркивает специфический характер грамматических категорий для каждого конкретного языка, тем самым подготавливая читателя к оценке школы Фортунатова, с одной стороны, и к критике «понятийных категорий», с другой.

Анализируя отдельные морфологические формы, автор указывает, что они являются «внешними средствами выражения грамматических категорий в изменении отдельного слова»; следовало бы прямо сказать, что эти внешние средства называются морфологическими формами. Однако автор дает такое определение лишь косвенно. Перечислив важнейшие типы морфологических форм, он заявляет, что есть и неморфологические формы выражения грамматических категорий, тем самым давая понять, что перечисленные типы и есть морфологические формы.

Нечетко попутное упоминание о супплетивизме: «...для выражения тех отношений, которые выражаются изменением слова, используется т. н. супплетивизм, т. е. слова разных корней. Сравни, напр., „дом“ — „дом-а“, „стол“ — „стол-ы“ и т. д., но „человек“ — „люди“» (стр. 425). Получается, что супплетивизм — это самые слова разных корней, а не их использование для выражения тех или иных

* В тексте статьи 2-е издание «Большой Советской Энциклопедии» обозначается: БСЭ ².

грамматических значений. Кроме того, читателю неясно, является ли супплетивизм самостоятельным способом выражения грамматических значений или только дополнительным. На основании приведенного примера можно заключить, что способ этот дополнительный, так как в слове *люд-и* есть флексия именительного падежа множественного числа. Но ведь это не всегда так (ср. *брать — взять*). Непонятно, почему нет ссылки на отдельную статью «Супплетивизм»; если такая статья не предусмотрена, то это упущение надо исправить.

Говоря о различном содержании одних и тех же грамматических категорий у разных частей речи, автор удачно иллюстрирует это положение категориями рода, числа и падежа у русских прилагательных и существительных; но он не делает необходимых выводов, не заключает своего рассуждения краткой и точной формулировкой. Далее автор говорит о том, что в разных языках возможны и разное количество, и разная степень дифференцированности частей речи, но, к сожалению, не дает ни одного примера отсутствия в каком-либо языке одной из частей речи, имеющихся в русском языке. Говоря о том, что сочетание самостоятельных слов со служебными, составляя неразложимое целое, может выступать как один член предложения, автор приводит в качестве примера сочетания *два мальчика, пять мальчиков*, используемые для выражения подлежащего. Верно, что количественные числительные не столь знаменательны, как существительные, но все же нельзя считать их служебными словами. Не случайно и сам автор, раскрывая содержание термина «служебные слова», не упомянул среди них числительных.

В статье хорошо изложен вопрос о сочинении и подчинении, о синтаксических связях слов, правильно определено место словообразования как «области, пограничной между грамматикой и лексикологией» (стр. 427), подчеркнута необходимость разграничения форм словообразования и форм словоизменения.

Излагая марксистское учение об устойчивости грамматического строя, автор иллюстрирует основные положения этого учения примерами из истории русского языка. Примерами из русского языка (история глагольных видов) иллюстрируется также положение о грамматике, как о результате длительной абстрагирующей работы человеческого мышления. Теоретическая часть статьи заканчивается указанием на познавательное значение и воспитательную роль грамматики и очень краткими справками о предмете исследования исторических и сравнительных грамматик. Далее дается «История разработки грамматики», выделенная как подзаголовок, кстати, единственный в статье «Грамматика». Эта часть почти целиком представляет собой простой перечень имен и названий работ с очень краткими аннотациями. Из русских грамматистов относительно развернутую характеристику получили здесь только Потебня, Фортунатов и Шахматов, а из западноевропейских — Есперсен и Сепир. Странно, что среди имен лингвистов, работавших в области сравнительно-исторического метода, забыто имя Бодуэна де Куртенэ.

Специальный абзац посвящен критике теории Н. Я. Марра, но нам кажется, что это сделано неудачно, так как вместо того, чтобы разобрать несостоятельность ошибочных положений Марра, автор только перечисляет их. Общие вступительные порицания не могут заменить этого разбора. Гораздо удачнее критика «понятийных категорий» И. И. Мещанинова, тем более, что она, как уже указывалось, отчасти подготовлена предыдущим изложением.

Статья заканчивается краткой характеристикой труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Относящийся к статье список литературы дан без всякой рубрикации и аннотаций, без сведений о переизданиях и без указаний на содержание томов.

Несколько замечаний следует сделать о научно-техническом оформлении статьи, обусловленном, повидимому, общими установками издания в целом. Прежде всего, о ссылках на другие статьи. Нам кажется, что ссылки должны даваться при любом слове, которое упоминается в тексте первый раз в своем собственном значении, если только оно является заглавием соответствующей статьи. Ссылки — это цемент, который скрепляет статьи по смежной тематике. Они должны облегчить читателю пользование энциклопедией как с и с т е м а т и з и р о в а н н ы м сводом знаний. Ссылки устранили бы разнобой в сообщаемых сведениях, в употреблении терминов и в написании собственных имен; они способствовали бы ознакомлению с программой издания, с его словником.

В статье «Грамматика» даны следующие ссылки на статьи по отделам языкознания и его терминам: грамматический строй языка, морфология, синтаксис, фонетика, интонация, именные классы, род, инкорпорирующие языки, подчинение, основной словарный фонд, сравнительно-исторический метод. Непонятно, почему нет ссылок на лексикологию и семантику, которые должны быть представлены большими статьями, на продуктивные образования, родственные языки, словообразование, словоизменение, предложение, согласование, управление, примыкание, падеж, число, вид, время, глагол, имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение, определение, дополнение, подлежащее, сказуемое, аффиксацию, чередование, ударение, удвоение,

супплетивизм, служебные слова, предлоги, послелоги, союзы, порядок слов. Нет ссылок на языки агглютинативные, флективные, аморфные, аналитические, синтетические, славянские, русский, французский, коми, немецкий, ваи, санскрит. Из имен есть ссылка на Панини, Аристотеля (хотя в статье, посвященной Аристотелю, ничего не говорится о его работах в области грамматики), Потебню, Фортунатова, Шахматова, Виноградова, Гримма, Буслаева, Марра, но нет ссылок на остальных названных в статье лингвистов, хотя о некоторых из них (Бругман, Богородицкий, Востоков) уже имеются статьи в предыдущих томах.

Не разрешен вопрос о транскрипции и вообще о написании иноязычных слов. Русские слова, являющиеся примерами или называющие предмет рассмотрения, выделяются кавычками; слова других языков не выделяются никакими знаками. К чему приводит отсутствие правил написания в БСЭ [2] иностранных слов, видно из того, что приводимые в статье «Грамматика» санскритские слова «рас» и «рараса» (стр. 425) не знающий этих слов не может прочитать, так как неизвестно, надо ли их читать по-русски, или это латинская транскрипция.

Статья «Грамматика» — первая статья в БСЭ [2], систематически излагающая очень важный раздел языкознания. Казалось бы, что редакция должна была уделить этой статье особенное внимание, предоставить ей больше места, тщательно продумать ее план. Однако этого нет. По своему размеру статья уступает одноименной статье в первом издании БСЭ, несмотря на то, что первое издание по объему меньше второго.

Грамматика является одним из важнейших разделов языкознания, не менее важным, чем арифметика, геометрия, алгебра для математики. Но сравнение с соответствующими статьями оказывается не в пользу статьи «Грамматика». Все названные статьи по математике имеют подзаголовки, напечатанные жирным шрифтом, а некоторые из них даже оглавления; библиография двух более крупных статей снабжена многочисленными заголовками, все формулы выделены из текста, и читатель знает, какие употреблены в них буквы — латинские или греческие. Наконец, каждая из статей имеет раздел, посвященный преподаванию данного предмета в школе (например, «Арифметика в школе»). Текст основной статьи «Геометрия» вместе со статьей «Геометрия в школе» почти в три раза больше текста статьи «Грамматика». Все это говорит о том, что редакция БСЭ [2] еще не уделяет вопросам языкознания, в частности грамматике, достаточного внимания.

2. Подавляющее большинство статей, определяющих термины языкознания, в БСЭ [2] не являются энциклопедическими, а по своему содержанию скорее подходили бы для небольшого толкового словаря или для словаря иностранных слов. Энциклопедическая статья должна отличаться от одноименной статьи толкового словаря не только объемом, что, конечно, тоже важно, но и содержанием. Такая статья должна: 1) заключать в себе не только определение предмета, дающее возможность отличить его от других сходных, но и научное его описание, снабженное примерами; 2) информировать о современном состоянии изучения предмета; 3) содержать историю вопроса и перспективу его дальнейшей разработки; 4) указать по всем правилам библиографии на лучшие книги и статьи по данному предмету, с пояснениями, чем ценна та или иная работа и где содержится подробная библиография предмета.

В отличие от толковых словарей, энциклопедию интересует не слово, а стоящее за ним явление. Однако это не значит, что из конкурирующих или синонимичных терминов можно выбрать наиболее распространенный и не считаться с остальными. Так, если редакция предпочитает термин «прописная буква» термину «большая буква», то, дав статью под заглавием «Прописная буква», она обязана дать ссылочную статью под заглавием «Большая буква». Вся ссылочная статья может состоять только из двух терминов, разделенных словом см. [отри], но для читателя было бы очень удобно, если бы в ссылочной статье он получил и краткое толкование термина. Только ссылочные статьи и могут, по нашему мнению, приближаться к статьям толковых словарей и быть даже короче этих статей. Однако, как уже отмечено, многие основные статьи БСЭ [2], посвященные вопросам языкознания, ни по своей форме, ни по содержанию не отвечают требованиям, предъявляемым к статьям энциклопедического словаря.

Фонетике и письму в рецензируемых томах посвящено приблизительно 40 статей, как основных, так и ссылочных. Из них фонетические статьи: «Акустика», «Высота звука», «Голос», «Голосовая щель», «Гортань» не имеют даже небольшого абзаца, в котором уделялось бы внимание лингвистическому аспекту этих тем. Этот недостаток можно было бы возместить в статье «Органы речи», которая или не предусмотрена, или ссылка на которую пропущена.

Статья «Голосовой аппарат» содержит краткие сведения о механике звукообразования, а статья «Высота звука» касается преимущественно звуков речи, но ни та, ни другая не затрагивают вопросов фонетики и не указывают фонетической литературы. Из статей по фонетике только статья «Аккомодация» заключается фразой, относящейся к истории русской науки, однако ссылок на работы русских фонетистов здесь нет. Из статей по фонетике только четыре — «Артикуляционная база», «Артикуляция», «Ассимиляция» и «Аффрикаты» — имеют указания на литературу, кстати, очень

неполные. Статьи «Артикуляционная база» и «Артикуляция» страдают существенными недостатками. Первая вовсе лишена примеров. В статье «Артикуляция» дается ссылка на предшествующую статью «Артикуляционная база» и на статью «Фонема»; примеры в статье «Артикуляция» даны только из русского языка. Нам кажется беспредметным следующее заключение этой статьи: «Акустически почти тождественные звуки могут производиться различной артикуляцией... Поэтому возникает вопрос, как классифицировать звуки человеческой речи — по слуховому или по артикуляционному принципу. Традиционные системы буквенного письма обычно исходят из первого принципа, современная же лингвистика классифицирует звуки преимущественно по второму» (т. 3, стр. 132). Нам кажется, что автор поступил бы лучше, если бы дал указания на классификацию согласных по активным и пассивным органам речи, по способу образования и т. д., а равно на классификацию гласных по рядам, подъемам и т. д., сославшись на другие статьи БСЭ [2], где такие классификации даются подробнее. Действительно, в статье «Гласные» толково дается такая классификация соответствующих звуков, хотя и в этой статье нет ссылки на специальную литературу (ср. работы Л. В. Щербы и В. А. Богородицкого). Ни в одной из этих статей ничего не говорится об экспериментальной фонетике.

В упрек статье «Ассимиляция» нужно поставить, во-первых, отсутствие примеров прогрессивной ассимиляции, во-вторых, неряшливость заключительной ссылочной фразы, которая не только неточна сама по себе, но и не считается с содержанием единственной из помещенных уже статей, на которые дается ссылка,— «Веляризация звуков». Эта фраза сформулирована так: «К частичной ассимиляции относятся и явления *палаталиэации*, *лабиализации* и *веляризации звуков* (см.)» (т. 3, стр. 260). Автор упускает из виду, что все эти явления могут быть и фонемообразующими. В статье же «Веляризация звуков» (лучше бы сказать не «звуков», а «согласных») также нет различения ассимилятивной и фонематической веляризации. Здесь отсутствует указание на невозможность веляризации и увулярных, а не только заднеязычных. Про последние надо было сказать, что они называются еще велярными. По поводу опущения этого нужного термина возникает вопрос, не сделано ли это опущение сознательно, из ложной боязни иностранного термина. В данном случае, как и в ряде других, такая боязнь не обоснована. Автор справедливо подчеркнул сходство и различие между веляризованными и заднеязычными; если бы он добавил при этом, что последние называются еще и велярными, то параллелизм терминов «велярный» и «веляризованный» содействовал бы закреплению и сходства и различия в самих явлениях.

Статья «Взрывные согласные» дает толкование термина и ссылается на «Смычные». Хорошо, что в ссылочной статье дается и толкование, но тогда оно должно считаться и с различным употреблением терминов. Статья противопоставляет взрывные имплозивным. Это правильно, но нельзя забывать, что термин «взрывные», вслед за Д. Н. Ушаковым, очень многими употребляется в том же значении, что и термин «смычные». Кстати, надо было указать и на употребляющийся в том же значении термин «эксплозивные».

В смысле учета всех распространенных пониманий термина и дублетных терминов на правильном пути стоит статья «Гортанные», которая дает все употребительные значения этого термина. Если БСЭ [2] будет употреблять хотя бы и самые хорошие термины, но не даст ссылочных статей на все распространенные термины и при толковании их не учтет всех значений, то она не выполнит своего назначения — быть универсальным справочником. С другой стороны, нельзя измышлять термин и давать его в начале основной статьи; однако именно так получилось со статьей «Безголосые звуки», под которыми имеются в виду глухие. Редакция поступила правильно, поместив в 11-м томе статьи «Глухие гласные» и «Глухие согласные», частично исправляющие допущенную ошибку. Вызывает удивление, что первая статья не ссылается на какую-либо статью о редуцированных гласных (1-е значение) и на какую-либо статью по исторической фонетике русского языка. Хотя статья «Глухие согласные» значительно больше и содержательнее ненужной по существу статьи «Безголосые звуки», но и в ней есть серьезный недостаток. Здесь сказано: «Все согласные (кроме гортанных) могут быть произносимы с голосом и без голоса...» Неясно, что имеет в виду автор под гортанными? Если гортанный взрыв, то он о д и н, и множественное число здесь неуместно, если же еще и фарингальные, то они могут быть и звонкими, и глухими.

В статье «Гамза» (кстати, для этого термина нужно было дать и другой, более новый его вариант — «хамза») говорится: «Гамза входит в систему консонантизма нек-рых языков, напр. семитических: арабского, древнееврейского и др. Гамза обычно стоит в начале слова перед гласным. Но может встречаться и после гласного, как, напр., в персидском языке (бā′д — «после»), являясь т. о. самостоятельной фонемой» (т. 10, стр. 189). Из этой фразы следует, что в семитических языках гамза не бывает после гласной и не является фонемой. Это — грубая ошибка, которую не должен был допустить не только человек, знакомый с каким-либо из семитских языков, но и иранист, сколько-нибудь разбирающийся в арабских элементах персидского языка. Ведь фонема гамза в персидском литературном языке существует только в словах араб-

ского происхождения (арабским по происхождению является само название этого звука и его обозначение в персидском письме). Арабского же происхождения и приведенный автором пример, где, впрочем, гамза в персидском получилась из арабского «айна». Статью «Гамза» отчасти исправляет статья «Гортанный взрыв», называя гамзу фонемой арабского языка.

Статья «Аспираты», определяющая придыхательные согласные как произносимые с прохождением воздуха сквозь суженную голосовую щель, далека в этом своем утверждении и от Мейе — Вандриеса [1], и от школы Л. В. Щербы. Первые считают причиной придыхания открытую голосовую щель, вторые отказывают голосовым связкам в произнесении немецкого «h» [2]. Последний взгляд разделяется и автором статьи БСЭ² «Гортанные согласные».

Нельзя пройти мимо статей «Акцент» и «Акцентуация». Если по своему плану и размеру это — статьи для однотомного толкового словаря или для словаря иностранных слов, то по своему качеству они не могли бы быть приняты и в эти словари. В первой статье (2-е значение) даются лишь французские названия акцентов; надо было бы дать и латинские: *акут, гравис, циркумфлекс*. Но хуже всего то, что акцент определяется как совокупность особенностей произношения, характерных для определенного языка или диалекта (3-е значение). На самом деле в русском языке этим словом обозначается невольное искажение звуков чужого языка вследствие неусвоения его артикуляционной базы и отражение в речи произносительных навыков родного языка.

Ссылочная статья «Акцентуация», отсылающая к статье «Ударение», неверно толкует это понятие как систему ударений в каком-либо языке. Такое значение возможно (ср. одноименную статью «Литературной энциклопедии»), но это не прямое значение, а переносное. Прямое значение слова «акцентуация» — это выделение слога в произносимом слове силой или тоном, а на письме значком. Система ударений в каком-либо языке, а равно и учение об ударениях обозначается термином «акцентология», и это слово должно было найти себе место в БСЭ², но оно пропущено.

Статья «Гармония гласных» характеризует неупорядоченность в употреблении лингвистических терминов в БСЭ². В предшествующих ей статьях «Бурят-монгольский язык» и «Башкирский язык» употребляются синонимичные термины «сингармонизм», «небное и губное притяжение». Между тем эти термины в статье «Гармония гласных» не упоминаются. Из изложения и из примеров неясно, оба ли вида гармонии гласных присутствуют в одном языке, или они существуют порознь, или могут существовать и вместе, и отдельно. Не прав автор статьи, ставя знак равенства между губными и лабиализованными звуками. В статье нет ссылок на упоминаемые здесь языковые семейства, агглютинативные языки и казахский язык, а также на статьи «Ассимиляция» и «Аффиксы». Эти ссылки нужно было сделать. Нет в статье и библиографии.

Статьи по письму принадлежат к тем немногим статьям по языкознанию, которые дают сведения по истории культуры, в первую очередь отечественной; но, к сожалению, и в этих статьях почти не затрагивается история науки о письме. Библиография сопутствует большинству статей и часто составлена неплохо (например, в статье «Алфавит»); но нигде нет не только аннотаций, но даже указаний на страницы в тех случаях, когда относящийся к теме материал составляет очень незначительную часть называемой книги. Необходимые ссылки часто отсутствуют.

Автор статьи «Алфавит» при размере ее около 1/16 авт. листа сообщает в ней сведения по следующему плану: 1) определение и этимология слов «алфавит» и «азбука»; 2) историческое место алфавита в развитии письма; 3) финикийский алфавит как родоначальник большинства алфавитов мира (в том числе греческого); 4) происхождение современного русского алфавита: а) петровская реформа, б) окончательное установление русского алфавита, в) новое русское правописание; 5) русский язык как база для алфавитов большинства других народов СССР. По нашему мнению, статья об алфавите, разумеется, значительно увеличенная, должна была бы включать еще следующие данные: 1) теория алфавита, в частности, лингвистические принципы решения задачи о наименьшем и достаточном числе букв в алфавите (по этому вопросу существует целая литература, созданная советскими лингвистами); 2) об алфавитах угнетенных народов царской России; 3) о попытках применения русского алфавита для создания новых письменностей до Октябрьской революции; 4) о большой работе советских лингвистов в связи с латинизацией письменностей народов СССР (этой работой был подготовлен переход на базу русского алфавита); 5) об алфавитах народов СССР в настоящее время (в статье забыты три латинских алфавита народов прибалтийских союзных республик).

Автор делает ссылки на статьи «Письменность», «Кириллица», но необходимы еще ссылки на статьи «Буквы», «Гражданский шрифт», «Глаголица» и на те немногие

---

[1] Ср. Ж. Вандриес, Язык, М., Соцэкгиз, 1937, стр. 41—42 (со ссылками на Мейе и Граммона).

[2] Ср. М. И. Матусевич, Введение в общую фонетику, 2-е изд., Л., 1948, стр. 46.

статьи о языках, где помещены (или будут помещены) таблицы алфавитов, например, арабского, армянского, греческого, грузинского и др. Есть в статье «Алфавит» и фактические ошибки: 1) определение алфавита как совокупности букв, «которыми пользуются при письме на том или другом языке», недостаточно; к этому следовало бы добавить, что буквы в алфавите располагаются в раз навсегда установленном порядке, который имеет значение для расположения материалов в справочниках; 2) неверно утверждение, что алфавит не может быть слоговым: по крайней мере, многочисленные алфавиты народов Индии, а также эфиопский и амхарский алфавиты именно слоговые; 3) умолчание о периоде латинизации большого числа алфавитов языков народов СССР может дать неосведомленному читателю ложное представление о том, что переход на базу русского алфавита для многих письменностей народов СССР произошел сразу после Великой Октябрьской социалистической революции. Вот как говорит об этом автор: «После Великой Октябрьской социалистической революции возросла роль русского алфавита. На новую письменность на основе русского алфавита перешли азербайджанский, узбекский... и другие народы СССР. Новая письменность для ранее бесписьменных народов создается также на основе русского алфавита» (т. 2, стр. 156); 4) чтобы быть точным, можно говорить лишь о древнееврейской передаче названий финикийских букв.

Статья «Буква» описывает наиболее частые отношения между звуками и буквами, но, как и статья «Алфавит», умалчивает о силлабических алфавитах. Серьезными пропусками, допущенными в статье, на наш взгляд, являются: 1) вопрос о прописных и строчных буквах; 2) о письменностях, систематически опускающих гласные; 3) о слоговых буквах, как системе; 4) о печатных и рукописных разновидностях букв; 5) об орнаментальном использовании букв; 6) об использовании букв для транскрипций. Библиографии в статье нет.

Методические статьи «Букварь» и «Грамота» выгодно отличаются от смежных по темам лингвистических статей пропорциональностью теоретических сведений и сведений по истории вопроса, вниманием к родной старине, к отечественной традиции и к своим ближайшим предшественникам. Но и в этих статьях не упорядочены ссылки; так, говоря о старопечатных книгах, автор не ссылается на статьи, где этим памятникам уделяется больше места или где они частично воспроизводятся. В статье «Букварь» упоминается иллюстрированный букварь Кариона Истомина 1694 г.; здесь следовало бы дать ссылку на статью «Гравюра», где помещен снимок с одной страницы этого букваря.

Ознакомление со статьей «Буквослагательный метод», в которой нет ни нужных ссылок, ни указания на литературу, приводит к выводу, что вряд ли целесообразно помещать в энциклопедии самостоятельные маленькие статьи по вопросам, которые неминуемо должны быть освещены в смежной по теме большей статье (в данном случае — в статье «Грамота»). Полнота изложения от этого, несомненно, выиграла бы.

Статья «Гиератическое письмо», несмотря на свою краткость (21 строка) и отсутствие иллюстраций, обнаруживает высокую филологическую культуру составителя, который не только дает справку о том, что представляет собой это письмо, но говорит и о памятниках на нем, хранящихся в СССР. Простое упоминание имени Тураева (в библиографии) напоминает о заслугах русских и советских египтологов и о их почетном месте в мировой науке.

Статья «Глаголица» тоже занимает 21 строку, хотя для русского читателя эта тема, казалось бы, очень близка. К статье приложена таблица алфавита, но хотя в тексте говорится о двух видах алфавита, читателю не сообщается, какой же из них — болгарский или хорватский — представлен в таблице. Сообщая о гипотезе происхождения глаголицы из греческого минускульного письма, составитель не назвал авторов этой гипотезы — Беляева и Ягича. Из 10 древнейших глаголических памятников упомянуто только два, причем не сообщается ни о том, где они хранятся, ни о том, когда и кем они издавались и анализировались. Ничего не говорится в статье о черноризце Храбре, который оставил свидетельство о древнейшем письме славян. «Вопрос о происхождении глаголицы не может считаться окончательно решенным»,— заключает автор. В библиографии предлагается только статья Ягича в «Энциклопедии славянской филологии» (вып. 3, изд. 1911 г.), которую можно найти далеко не во всех даже специальных библиотеках. Ссылка дается только на статью «Кириллица»; это значит, что глаголическим памятникам БСЭ[2] уделять места не будет и что отсутствие соответствующих статей в предыдущих томах не случайно.

Статья «Греческое письмо» состоит из 28 строк. Больше половины ее посвящено доказательству происхождения греческого алфавита из финикийского. Сходство начертаний хорошо было бы подтвердить иллюстрацией, но ее нет. Читателя отсылают к статье «Греческий язык», где дана обычная таблица с изображением современных нам печатных букв. Очень кратко говорится о «бустрофедоне», а затем сообщается о распространении греческого алфавита и о происхождении из него обеих славянских азбук. Библиографии нет. Напрасно искать указаний на литературу по греческой палеографии и среди книг, рекомендуемых в статье «Греческий язык».

Обозрение нескольких статей, посвященных вопросам письма, приводит к заключению о случайности их пропорций и плана, подбора библиографии и иллюстраций. С большей тщательностью и вниманием к запросам современного советского читателя, интересующегося прошлым своей страны, сделана статья «Гражданский шрифт». Она занимает два столбца, снабжена двумя интересными иллюстрациями и хорошей библиографией, среди которой есть и переиздание «Азбуки гражданской» — памятника о котором БСЭ[2] напрасно не поместила специальной статьи.

Статьи, посвященные буквам алфавита «А», «Б», «В» и «Г», имеют следующие недостатки: 1) описывая звуковое значение букв, статьи иногда не считаются с современной орфоэпией. Так, например, произношение слов *благодарить*, *богатый*, *всегда*, *тогда*, *когда*, *иногда*, *боги* с фрикативным звонким *г* уже давно перестало быть орфоэпической нормой; ср. таблицы в академической «Грамматике русского языка» [3]; 2) не дается звуковых значений русских букв в других языках с алфавитом на русской базе. Для первых справок можно обратиться к книге Н. В. Юшманова «Определитель языков» [4]; 3) не дается модификаций описываемой русской буквы в других языках с их звуковым значением; 4) не везде и не всегда последовательно даются указания, какой иностранной букве и звуку соответствует описываемая русская буква в заимствованных и в иностранных словах. Так, например, дается сопоставление русск. *в* с греч. β IX в., но не приводится примеров двукратного заимствования одного и того же греческого слова из византийского и западных источников в разные эпохи, один раз с *в*, а другой раз с *б* (*вивлиофика* и *библиотека*).

Статьи о буквах можно было бы оживить, дав палеографические иллюстрации с обозначением века и художественные буквицы, смонтированные в одну красивую многоцветную таблицу. Не плохо было бы дать буквенные и звуковые сопоставления из других распространенных алфавитов, кроме греческого, например, латинского, арабского, еврейского, деванагари. Есть небрежные формулировки, ведущие к смешению буквы и звука, например, в статье «А»: «Буквой А в русском языке под ударением обозначается...» (т. 1, стр. 5). Известно, что под ударением может находиться не буква, а звук.

В некоторых статьях по общему языкознанию, помещенных в первых томах БСЭ[2], отразились вредные идеи «учеников» Марра, нигилистическое отношение к научной традиции и связанные с этим ошибки фактического характера (например, в статьях «Аббревиатуры», «Агглютинация», «Агглютинативные языки»).

Статья «Аморфные языки» отстает от современной науки: о трудах А. Драгунова по китайскому языку автор мог и не знать, но уже более ранние работы давали автору материал для того, чтобы разоблачить миф о моносиллабичности и аморфности китайского языка. Статья «Аналитические языки» хороша тем, что в ней правильно разоблачается реакционная идея некоторых буржуазных лингвистов о превосходстве аналитических языков и указана политическая подоплека этой «теории». Жаль, что не названы имена этих лингвистов. По крайней мере, Есперсена назвать нужно было.

В хорошей статье «Аналогия» есть упущение: следовало указать на дискуссии, связанные с противопоставлением аналогии фонетическому закону.

Статьи «Грамматическая категория», «Грамматическое значение» — ссылочные (на статью «Грамматика»); тем не менее они не только толкуют термины, но и дают удачные примеры, выгодно отличаясь этим от ссылочной статьи «Грамматическая форма», где примеры неудачны, так как, говоря только о формах падежа, автор иллюстрирует их предложными конструкциями.

Статья «Грамматический строй языка» дает следующее определение своего заглавного термина: «совокупность грамматических средств, служащих для выражения изменений слов и сочетаний их в предложении» (т. 12, стр. 430). Это определение недостаточно, так как оно опускает словообразование и сочетание предложений. Если же словообразование включается автором в «изменения слов», то такое обозначение следует признать неудачным, ввиду сходства с термином «словоизменение». Заканчивается статья следующим образом: «Чрезвычайная устойчивость грамматического строя языка объясняется устойчивостью тех наиболее общих понятий, к-рые выражаются грамматич. категориями (понятие числа, падежа, времени, вида, наклонения и т. п.)». Объяснение неверное. Понятия, о которых здесь говорится, являются грамматическими значениями, которые не существуют вне грамматических форм и вместе с последними составляют грамматические категории. Это довольно убедительно раскрывается в статье П. С. Кузнецова «Грамматика», где критикуются и «понятийные категории», которые в общем совпадают с «общими понятиями» автора рецензируемой статьи.

Статья «Аффикс» состоит из 10 строк. Она дает примеры только на словообразовательные аффиксы (кроме примера инфикса *n* в лат. *vinco*) и ничего не говорит об аффиксах, создающих разные формы одного слова. Было бы хорошо, если бы автор сравнил префиксы с предлогами, а суффиксы с послелогами и окончаниями. Следовало

---

[3] Грамматика русского языка, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 90.
[4] Н. В. Юшманов, Определитель языков, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941.

бы еще прибавить, что в тюркологии термин «аффикс» употребляется в более узком значении.

Статья «Аорист» дает два значения этого термина. Следовало бы прибавить еще третье: в современном персидском языке аористом принято называть глагольную форму, которая, употребляясь с соответствующими союзами, означает то кондиционалис, то конъюнктив. Рекомендуются книги И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» и «Глагол». Это неудачно не только потому, что книги эти методологически порочны, но и потому, что в них об аористе говорится лишь вскользь, на примере селькупского языка. По нашему мнению, следовало бы сослаться на соответствующие страницы исторических грамматик русского языка, книги С. И. Соболевского «Греческий язык», какой-либо грамматики персидского языка, на § 20 отд. «Глагол» IV т. «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебни и на соответствующие страницы двух книг Мейе, имеющихся в русском переводе.

«Вспомогательный глагол», в соответствии со взглядами А. А. Шахматова, определяется как «глагол, не имеющий полного лексического значения» (т. 9, стр. 354), независимо от того, употребляется он как связка или входит в состав сложных форм времени. Надо было указать, что многие считают вспомогательным глаголом лишь такой, который входит в состав сложных форм времени. Перечисляя случаи вспомогательных глаголов в русском языке, автор забыл сказать о сложном будущем времени. Ничего не сказано о происхождении вспомогательных глаголов, о их месте в системе частей речи. Ссылка дается только на статью «Страдательный залог». Необходима была бы ссылка и на статью «Связка».

На высоком научном уровне написана статья «Вид глагола»: сжато, популярно, с выделением основных проблем. Нам кажется, что в этой статье стоило указать на общераспространенное у семитологов (ср. Марсель Коэн) убеждение в отсутствии времен в семитских языках при наличии в них видов. Обидно, что в литературе отсутствуют упоминания о многих ценных исследованиях известных русских лингвистов. Здесь указаны только «Русский язык» В. В. Виноградова и IV т. «Из записок по русской грамматике» Потебни. Надо было сказать, что в первой книге есть библиография и история вопроса. Напрасно нет ссылки на очень популярный § «Приметы видов» в «Курсе русского литературного языка» Л. А. Булаховского. Нужно было бы назвать что-нибудь и по другим языкам, хотя бы журнальные статьи на русском языке. В статье нет ни одной ссылки.

Статья «Возвратный залог» непростительно мала (13 строк), тем более, что в ней нет ссылок. Русские возвратные глаголы сближаются с модальными, но не сближаются со страдательными. Про другие языки вообще ничего не говорится. Статья «Возвратное местоимение» сама по себе, как раскрывающая термин, не плоха, но слишком лаконична. В ней есть пропуски. Так, надо было указать на агглютинативность частицы *ся*. Очень интересна была бы параллель с семитскими языками, где возвратность выражается префиксацией и инфиксацией (вместе с мепой гласных). В статье есть ссылка на статью «Залог», однако нужнее была бы ссылка на «Возвратный залог» и на «Личные местоимения».

Неплохая в целом статья «Время глагола» вызывает следующие замечания: 1) автор говорит о сравнительно недавнем образовании категории будущего времени в русском языке. Проще и убедительнее было бы сослаться на тот очевидный факт, что окончания в настоящем и будущем одинаковы и настоящее время отличается от будущего только благодаря разнице видовых основ и вспомогательному глаголу (*сплю — посплю — буду спать*). Вместо этого статья глухо ссылается на «факты древнерусского языка», не указывая их; 2) противопоставляя абсолютные времена относительным, автор назвал соответствующим термином вторые, но не назвал первых; 3) слишком прямолинейным представляется утверждение, что в русском языке время «характеризует специально глагол»; ведь значение времени присутствует в предложениях типа: *я — учитель* и подобных; 4) вместо ненецкого языка для именного спряжения лучше было взять один из тюркских языков — более распространенных и более изученных; 5) надо было дать хотя бы некоторые сведения по истории изучения вопроса; 6) ссылка в «Литературе» на «Русский язык» В. В. Виноградова недостаточна, надо было присоединить что-либо о других языках, хотя бы «Французский язык» К. А. Ганшиной и М. Н. Петерсона, где хорошо изложено учение об абсолютных и относительных временах.

Ряд замечаний вызывает и статья «Глагол»: 1) пример не убеждает, что в грузинском языке есть полиперсонное спряжение. Если судить по примеру, приведенному автором, то такого спряжения там нет. В самом деле, по удалении из глагола личного (субъектного) аффикса останется его основа, а по удалении из глагола объектного личного аффикса останется полноценный глагол соответствующего времени и лица. Распространенное во многих языках (например, и в семитских, и во французском) выражение при глаголе объекта местоименным аффиксом еще не есть ни «спряжение объективного строя» (термин Марра), ни тем более «полиперсонное спряжение», иначе пришлось бы признать полиперсонное спряжение и во французском языке (ср. *je te prie* и т. д.) и даже в русском (ср. *умываюсь* и т. д.); 2) нет истории изучения

глагола ни у нас, ни за рубежом; 3) указанный в «Литературе» труд В. В. Виноградова и IV т. труда Потебни не дают никаких сведений о языках неиндоевропейских.

В статьях «Герундив» и «Герундий» упущено в изложении и в примерах, что 1) герундий есть субстантивированный герундив; 2) герундий управлял дополнениями как глагол; 3) в известных случаях герундий в классической латыни заменялся герундивом. Так как английский и французский языки у нас гораздо больше в ходу, чем португальский, то полезнее было бы указать на термины «герундий» и «герундив» в применении к этим языкам.

Очень маленькая (всего 7 строк) статья «Аблатив» настолько путана, что ее надо процитировать целиком: «**Аблатив** — отложительный *падеж* (см.), отвечает на вопросы «от кого?», «от чего?». В нек-рых языках имеет также значение исходного падежа, отвечающего на вопросы «откуда?», «с какой стороны?». Существует в языках тюркских, финно-угорских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских и др.» (т. 1, стр. 21).

Нам кажется, что нужно было учесть следующее: исходный и отложительный — это названия одного и того же падежа, причем термин «отложительный» более принят в индоевропеистике в применении к языку-основе и некоторым другим. «Аблатив» — это латинское название того же падежа; но в самой латинской грамматике «Аблатив» совпадает уже с творительным (инструментальным) падежом. Не осталось отложительного и в современных индоевропейских языках, в том числе и в славянских. В русской науке по отношению к тюркским, финно-угорским, монгольским и другим языкам более принят термин «исходный падеж».

Очень хорошей статье «Адвербиализация», написанной популярно, живо и содержательно и построенной целиком на примерах из русского языка, нехватает сведений по другим языкам, истории вопроса и литературы.

В двенадцати томах синтаксису вместе с пунктуацией посвящено всего шесть статей, причем самой большой из них почему-то является статья «Восклицательный знак», хотя о нем говорится то, что не выходит за рамки изучения русского языка в средней школе. Ни одна статья не говорит об истории вопроса, не дает литературы. Упоминания о других языках, кроме русского,— случайны, примеров из этих языков нет совсем.

Статья «Атрибут» занимает всего 18 строк, но содержит ряд грубых ошибок и промахов: 1) статья не дает четкого разграничения понятий «атрибут» и «определение»; 2) обязательно нужно было указать, что определение может быть согласуемым и несогласуемым, и, говоря о месте определения по отношению к определяемому, не следовало смешивать одного вида с другим; 3) место определения по отношению к определяемому слову не связано непосредственно ни с флективностью или агглютинативностью языка, ни с его синтетичностью или аналитичностью, и автор напрасно говорит о такой связи; 4) в предложении *Тиха украинская ночь* прилагательное *тиха*, которое приводится как пример позиции атрибута в русском языке, является не определением, а именным сказуемым; 5) определение изафета как взаимного согласования является ошибкой (кстати, на «изафет» ссылки нет, но такая статья необходима).

Статья «Вводные слова» вся построена на русском материале и других языков не затрагивает. Она вызывает следующие замечания: 1) автор пишет, что вводные слова включаются в предложение «в качестве вводного члена», но этот термин в статье не определен; 2) упоминаются вводные предложения, но кроме примера и указания на то, что вводные предложения близки к вводным словам,— о них ничего не сказано; 3) вводные слова ни с чем не сопоставляются и не рассматриваются в плане развития языков. В трактовке темы статья не выходит за уровень программы семилетней школы.

Статья «Вопросительные предложения» при надлежащей постановке проблемы могла бы быть очень интересной и значительной, но в ней также даются лишь определения и примеры в рамках школьной программы по русскому языку.

Несколько слов о статьях, посвященных стилистике и словарному составу (берем только то, что имеет непосредственное отношение к лингвистике). Это статьи «Анаколуф», «Архаизм», «Варваризм», «Вульгаризм» и «Галлицизмы». Все эти статьи, очень небольшие по объему, характеризуются тем, что они не подходят к трактуемым явлениям с точки зрения развития и совершенствования. При этом они ограничиваются рассмотрением своих тем исключительно в применении к русскому языку. Так, например, в статье «Архаизм» все примеры взяты из языка Пушкина. Ничего не говорится здесь о таком интересном явлении нашей советской действительности, как воскрешение архаизмов к новой жизни путем обновления их значений. Лучше статья «Галлицизмы» — она действительно исторична. К сожалению, автор совершенно незаконно отбросил рассмотрение калек с французского языка. Ссылка на статью «Кальки» не является оправданием. Больше касается актуальных проблем статья «Варваризм». Она правильно отличает от варваризмов интернациональную лексику, правильно ставит вопрос об интернациональной лексике в других языках народов СССР,

хотя, к сожалению, обходит важный вопрос о форме этих заимствований. Говоря о том, что вместе с иностранными словами в языки могут входить новые звуки, нужно было сослаться на пример русского языка, который усвоил фонему *ф* вместе со словами, взятыми из греческого языка. Очень портит статью слово «барбаризм», приведенное рядом с заглавием, как будто оно существует в русском языке наравне с основным термином.

В заключение назовем термины, относящиеся к рассмотренным отделам, которые должны были бы, по нашему мнению, находиться в рецензируемых томах БСЭ² в качестве заглавий основных или ссылочных статей [5]: аблаут, абсолютные времена, абсолютное состояние (в семитических языках), адаптация текстов (методика), адъективация, активный словарь, активный падеж (см. ст. «Афганский язык»), акут, акцентология, аль (арабский артикль), альвеолярные согласные, альхамьядо (испанское письмо арабскими буквами), анлаут, апикальный, арабизм, арабистика, артикль, атонация, аспекты глагола (?) (тюркология), аттракция, ауслаут, беглые гласные (сон — сна), библеизмы, библеистика, богемизмы, билабиальные согласные, боковые согласные, большие буквы, будущее время, бустрофедон, бытовой контекст, вариант фонемы, введение в языкознание, велярные согласные, вещественное значение, взаимный залог, вибрант, внесение, внутренняя речь, внутренняя флексия, внутренняя форма, воззвание, восходящее ударение, восходящий тон, временные придаточные предложения, всосный или инъективный (?), второе будущее, второе полногласие, второе склонение, второе смягчение, второе спряжение, второй именительный, второй винительный, выдержка звука, выдыхательное ударение, высокий тон, гебраизм, гебраистика, география лингвистическая, германизмы, гиероглиф, гингивальные согласные, главные времена глагола (лат. и греч.) ,глайды (?) (фонетика), гортанное придыхание, гравис, глубокозадненязычный.

Особого рассмотрения требуют статьи БСЭ², касающиеся отдельных языков или групп языков, истории языкознания и памятников письменности.

В. П. Старинин

---

[5] Этот список не претендует на полноту; нами не учтены многие частные филологии. Не будучи уверенными в распространенности того или другого термина, мы ставили возле него в скобках вопросительный знак. Не учтены здесь полностью и термины, употребляющиеся внутри лингвистических статей БСЭ² и оставшиеся без разъяснения.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1953

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ИЗУЧЕНИЯ КОМИ ЯЗЫКА

С 29 января по 1 февраля 1952 г. в г. Сыктывкаре проходило научное совещение по вопросам языкознания, проведенное Институтом языкознания АН СССР и Коми филиалом АН СССР. В работе совещания приняли участие научные работники, учителя, представители братских республик. На совещании было заслушано одиннадцать докладов и сообщений по вопросам развития коми литературного языка, по вопросам взаимоотношений коми и русского языков и по вопросам улучшения исследовательской работы по языку коми.

Первым был заслушан доклад зам. директора Института языкознания Б. А. Серебренникова на тему «Работа И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания" и задачи изучения коми языка». В своем докладе Б. А. Серебренников отметил, что успехи, достигнутые коми народом в развитии коми литературного языка за короткий период времени — после Великой Октябрьской социалистической революции, велики и неоспоримы. Большую роль в этом развитии играет язык великого русского народа, помогающий развертыванию внутренних средств народного разговорного коми языка. Тем не менее, сказал докладчик, необходимо указать на крайности в использовании этого важного источника обогащения коми языка. Неумелое использование русского языка, что имеет место, в частности, у переводчиков, мало считающихся с грамматическим строем родного языка и часто слишком свободно обращающихся с основным словарным фондом, приводит к трудности понимания содержания речи народными массами и к большому разнобою и неустойчивости лексики коми языка.

Докладчик напомнил, что опорой языка в области лексики является основной словарный фонд, что русское слово должно вводиться там, где требуется обозначить отсутствующее в коми языке понятие, что наряду с заимствованиями необходимо культивировать и закреплять возникающие в самом коми языке переносные значения слов. Докладчик предостерег и от увлечения диалектизмами, мало распространенными словами, от употребления устаревших слов, от неправильной замены бытовыми словами общеупотребительных научных и общественно-политических терминов (*выль олём* «новая жизнь» вместо *социализм* и т. п.).

Правильное развитие коми литературного языка, упорядочение лексики, создание нормативной грамматики, сказал докладчик, возможны только на основании обстоятельных и детальных исследований грамматического строя и словарного состава коми языка и его диалектов, учета отстоявшихся грамматических и лексических норм — путем отделения от них диалектизмов, путем освоения и закрепления в коми языке элементов русского языка и отграничения всего случайного, искусственно вносимого, сводящего на нет внутренние законы развития и специфику языка.

Докладчик отметил, что учение И. В. Сталина требует самого решительного внедрения историзма и сравнительно-исторического «метода» в исследовательскую работу по языку коми, что история коми языка не может быть создана без использования данных его диалектов, без привлечения для сравнения фактов близко родственных ему коми-пермяцкого и удмуртского языков, без привлечения, с целью проникновения в глубь истории, западнофинских языков и языков волжской группы, марийского и мордовского.

Далее Б. А. Серебренников сказал о том, что необходимо: 1) сосредоточить имеющиеся кадры исследователей по коми языку, 2) усилить подготовку новых кадров и обеспечить усвоение ими курса сравнительной грамматики финно-угорских языков, 3) поднять на должную высоту уровень теоретической работы по коми языку, 4) наладить научную связь с языковедами центра, а также Карелии, Эстонии, Мордовии, Марийской республики и особенно с языковедами Удмуртской АССР.

А. С. Сидоров в своем докладе «Пути развития коми литературного языка» дал краткий очерк развития коми литературного языка, остановившись на вопросе

о диалектной основе литературного языка, на вопросах грамматики, терминологии и орфографии.

В докладе А. И. Кипрушевой «Развитие языков социалистических наций и развитие коми языка» был обрисован процесс расцвета культуры и языка коми на фоне общего могучего подъема хозяйства и культуры многочисленных народов Советского Союза, находившихся до Великой Октябрьской социалистической революции под классовым и национальным гнетом. Грандиозное культурное строительство, которое развернулось в нашей стране, сказала А. И. Кипрушева, сопровождалось у ранее отсталых в своем развитии народов созданием письменности, литературных языков, естественно-научной и общественно-политической терминологии и изживанием неграмотности. Исключительно велика в этом деле ведущая роль передовой русской культуры и языка великого русского народа. На коми язык в настоящее время переводятся произведения классиков марксизма-ленинизма, произведения классиков русской литературы и советских писателей. Русский язык сделался вторым родным языком для коми народа.

В докладе «Влияние русского языка на грамматический строй языка коми» А. С. Сидоров рассмотрел некоторые языковые процессы в области грамматического строя, протекавшие в коми языке в результате наличия многовековых хозяйственных, культурных и политических связей коми и русского народов. Помимо многочисленных заимствований в области лексики, влияние русского языка имеет место в области фонетики и грамматики. Наиболее интересным фактом этого рода в области фонетики является процесс дезаффрикации переднеязычных аффрикат коми языка, который в конечном результате приводит к сближению фонетических систем коми и русского языков. О влиянии русского языка на артикуляционную базу коми языка можно судить, сказал докладчик, на основании изучения фонетического строения заимствуемых слов, в которых наблюдается изживание ограничений и своеобразия в произношении отдельных звуков и их сочетаний.

В диалектах, а отчасти и в литературном коми языке имеется ряд заимствованных суффиксов. Под влиянием русского языка происходило формирование в коми языке некоторых морфологических категорий в целом. Так, в направлении сближения с русским языком, но в своеобразных формах, обусловленных внутренними тенденциями развития коми языка, проходит развитие глагольного вида в коми языке. Влияние русского языка сказалось на происшедшей после XIV в. дифференциации форм обобщительных определительных местоимений в коми языке на две разновидности: местоимений собирательно-обобщительных и разделительно-обобщительных (*быд* «каждый», *став* «все», «всё»).

Докладчик отметил, что под влиянием русского языка наряду с *быд* в коми языке выделилось собирательно-обобщительное определительное местоимение (*став* «все в совокупности», «все вместе»), тогда как в удмуртском языке выделилось обобщительно-разделительное определительное местоимение (*каждой* «каждый»). Сближение коми и русского языков идет также в результате усложнения коми синтаксиса и более широкого употребления сложноподчиненных предложений.

На анализе отдельных примеров заимствований из русского языка, в частности на анализе заимствования форм отрицательных местоимений, докладчик показал, что заимствование морфологических категорий представляет собой не механический акт перенесения языкового факта из одного языка в другой, а длительный процесс, обусловленный внутренними законами развития заимствующего языка и потребностью в более дифференцированном выражении той или иной грамматической категории, с одной стороны, и возможностями воздействующего языка, с другой.

С. А. Шамахов в докладе на тему «Бытовая заимствованная лексика в коми языке» поставил вопрос о выяснении семантических и культурно-исторических условий заимствований из русского языка в области лексики. Докладчик выделил и описал заимствованные из русского языка пласты лексики коми языка, классифицированные им по принципу отдельных сторон быта: термины родства и свойства, слова из области жилищного строительства, домашнего обихода, пищи, одежды. Докладчик отметил, что заимствования культурных терминов из русского языка в коми язык отражают соответствующее благотворное влияние русской культуры на развитие культуры коми.

Заимствование русской лексики в коми языке происходило, по мнению докладчика, в рамках определительного словосочетания, при котором русское слово (существительное), стоящее в препозиции в качестве определяющего, обозначало видовое понятие, в то время как коми слово, стоящее в постпозиции в качестве определяемого, обозначало родовое понятие, например: *горнича вежöс* «горница комната», *кухня вежöс* «кухня комната» и т. п.

По мере усвоения коми языком русского слова обобщающее коми слово опускается, и русское слово начинает употребляться самостоятельно. Заимствованное русское слово в дальнейшем может послужить базой для заимствования нового слова с более частным значением, например: *картуз шапка* «картуз», *куль мешöк* «куль», «кулевой мешок».

В докладе «Об очередных задачах изучения диалектов коми языка» А. И. Кипрушева отметила, что неотложная задача Коми филиала АН СССР — завершить изучение и описание отдельных местных диалектов и говоров, которые могут дать богатый и ценный материал как для изучения общенационального языка коми, так и для выявления межплеменных и межнациональных связей. Описательные работы по отдельным местным диалектам коми языка могут послужить источником для создания краткого очерка коми диалектологии, а на основе комплексной работы языковедов, этнографов, антропологов и историков можно будет создать курс истории коми народа, что в настоящее время является крайне важным.

Необходимо, по мнению докладчика, начать работу по составлению толкового словаря, который должен включить в себя все слова языка коми — как литературного языка, так и разговорной речи всех диалектов. Необходимо развернуть далее работу по составлению диалектологического атласа языка коми, используя при этом большой и ценный опыт диалектологической работы АН СССР. В диалектологическом атласе следует отразить социальное и профессиональное расслоение коми народа, языковые отложения разных эпох, служащие для изучения истории языка; нужно также отразить в атласе распространение прежних диалектных явлений и данные современных диалектов

В. А. Сорвачева в своем сообщении остановилась на главнейших особенностях говоров Верхней Вашки и Верхней Мезени. В качестве важнейшей морфологической особенности указанных говоров она отметила развитие в этих говорах видовой категории, сходной с категорией совершенного и несовершенного вида русского языка.

Т. И. Фролова в своем сообщении рассказала о результатах изучения ею верхневымских говоров.

М. А. Сахарова в докладе «Проблемы научной и политической терминологии в коми языке» ознакомила совещание с результатами своей работы по составлению проекта терминологического словаря в объеме учебных предметов, преподаваемых в семилетней школе. Она остановилась на огромном значении русского языка в создании научной терминологии национальных языков, на использовании ресурсов родного языка при создании терминов и на вопросе об их орфоэпии и орфографии.

Н. А. Колегова в докладе «О принципах перевода с русского языка на коми» подвергла критике литературную практику редакторов и переводчиков, часто не считающихся с грамматическим строем коми языка, без нужды копирующих грамматический строй оригинала, вносящих в коми язык чуждые ему обороты и тем затрудняющих понимание переводного текста.

А. И. Подорова в докладе «Вопросы орфографии коми языка» отметила, что правописание слов в коми литературном языке не нуждается в коренной ломке. Требуется устранить лишь некоторые противоречия и непоследовательность, главным образом в области правописания сложных слов, правописания послелогов.

Доклады на совещании оживленно обсуждались. В прениях по докладам выступило 24 человека.

Зав. сектором языка Удмуртского научно-исследовательского института П. Н. Перевощиков, выступая по докладу Б. А. Серебренникова, говорил о том, что наряду с заимствованиями из русского языка необходимо шире использовать средства родного языка и возможности употребления слов родного языка не только в прямом, но и в переносных значениях. Он сказал, что в результате более вдумчивого отношения переводчиков к языковым средствам родного и русского языков в последнее время заметно улучшился удмуртский литературный язык. В частности, многие в прошлом «непереводимые» русские слова и выражения нашли в удмуртском языке и письменности совершенно правильные и точные соответствия, например: создавать — *кылдытыны*, инструктировать — *индылыны*, качество — *зеглык*, успех — *азинлык* и т. д.

Ст. научн. сотр. Мордовского научно-исследовательского института истории, языка и литературы Н. Ф. Цыганов сказал, что вопрос о заимствованиях будет яснее, если рассматривать его в историческом плане, в связи с культурно-историческими условиями жизни народов. Большая роль русского языка для всех народов Советского Союза объясняется руководящей ролью русской нации в деле строительства социалистического общества. Заимствованное слово должно передавать понятие, которое не может быть выражено средствами родного языка. Заимствование имеет место тогда, когда в нем возникает потребность. Не всякое случайно употребленное иноязычное слово является заимствованием. Заимствование, сказал Н. Ф. Цыганов, должно подчиняться фонетическим нормам данного языка, правилам словоизменения, словообразования и сочетания с другими словами, существующими в родном языке; тогда не будет половинчатых решений и в отношении правописания заимствованных слов.

Что касается внутренних ресурсов коми языка, то здесь также нужно учитывать исторические условия его развития. Творческие силы коми народа до Октябрьской революции были подавлены, что несомненно отразилось на развитии коми языка и на словотворчестве в частности. В прежних условиях лексический состав коми языка

был законсервирован. При Советской власти народная речь, диалекты наряду с заимствованиями из русского языка должны сыграть большую роль в обогащении коми литературного языка, так как последний едва ли можно считать достигшим ступени полной отработанности и относительной устойчивости.

С этой точки зрения Н. Ф. Цыганов счел неправильной позицию А. И. Кипрушевой, заявившей, что обогащать язык надо за счет заимствований, но «только не за счет диалектизмов». Отметив интересный лексический материал, представленный в докладе С. А. Шамахова, Н. Ф. Цыганов выразил сожаление, что вопрос о заимствованиях в условиях социалистического содружества наций в Советском Союзе не был конкретизирован в докладе применительно к теме о лексических заимствованиях в коми языке из русского языка.

Доц. К. Д. Петряев в своем выступлении сказал, что статья А. С. Сидорова, опубликованная в газете «За новый Север» от 14 декабря 1951 г. под названием «Некоторые вопросы развития коми литературного языка», является методологически неправильной. По его мнению, А. С. Сидоров, обусловливая заимствования состоянием лексических средств коми языка, становится на путь отрицания роли русского языка в развитии коми языка.

К. Д. Петряев отметил, что он считает «неточностью» выражение Б. А. Серебренникова, приведенное в его тезисах, что необходимо «отграничить прочно вошедшее в коми язык под влиянием русского языка от искусственно вносимого и сводящего на нет внутренние законы и специфику коми языка».

Секретарь Коми обкома КПСС Н. М. Лютоев в своем выступлении, подытоживая работу совещания, сказал, что победа Великой Октябрьской социалистической революции создала условия для расцвета национальных по форме, социалистических по содержанию культур народов СССР. В Коми АССР произошла подлинная культурная революция.

Коми литературный язык, сказал Н. М. Лютоев, особенно язык переводов, за последние годы отдалился от народной разговорной речи. Необходимы меры по упорядочению грамматического строя и лексического состава языка на основании их глубокого изучения. Очень важную роль в обогащении коми языка играют и должны играть заимствования из языка великого русского народа — языка, который является для коми вторым языком. Эта роль русского языка в докладе А. С. Сидорова не была подчеркнута с достаточной силой.

В условиях еще не вполне окрепшего коми литературного языка диалекты являются важным источником обогащения его лексики. Большую роль в совершенствовании литературного языка играет художественная литература, в которой получают конкретное воплощение выдвигаемые общие принципы нормирования языка. Изучение грамматического строя диалектов позволит ознакомиться с возможностями грамматических конструкций в коми языке и поможет созданию научной грамматики коми языка. Развитие лексики тесно связано с историей народа; в этой области требуется совместная работа языковедов и историков. Правильная постановка преподавания коми языка в школах — не менее важная задача исследователей и методистов.

Вопросы нормирования грамматики, правописания, терминологии, сказал Н. М. Лютоев, должны быть в центре внимания коми языковедов. Заканчивая свое выступление, он отметил, что в дальнейшем необходимо составить комиссию, которая окончательно бы сформулировала соответствующие правила с тем, чтобы потом принять их к руководству.

А. С. Сидоров, подытоживая развернувшиеся прения, связанные с темой его доклада, с удовлетворением отметил, что выдвинутые им вопросы улучшения нормализации и усовершенствования коми литературного языка вызвали на совещании оживленное обсуждение. Большинство товарищей, выступавших в прениях, сказал он, развило ценные мысли о путях улучшения коми литературного языка и исследовательской работы по нему; в то же время были внесены многочисленные обоснованные и серьезные критические замечания и важные предложения, которые необходимо учесть в дальнейшей работе. Не было в достаточной мере подкреплено соответствующими фактами лишь выступление К. Д. Петряева.

В результате обсуждения основной проблемы о путях обогащения коми литературного языка за счет заимствований и внутренних ресурсов родного языка и его диалектов мы пришли к более правильному и конкретному пониманию роли и возможности того и другого источника обогащения коми языка, сказал А. С. Сидоров.

Общее мнение по первому вопросу можно было бы сформулировать так: заимствование — не механический процесс перенесения языкового явления из одного языка в другой, а процесс сложный, всесторонне обусловленный, имеющий особенности на разных этапах развития народа и его языка. Заимствование в первую очередь обусловлено потребностями данного языка и происходит в соответствии с внутренними законами его развития.

Таким же единодушным, сказал А. С. Сидоров, было мнение участников совещания о необходимости усилить использование в коми литературном языке сокровищницы народной разговорной речи: ее выразительных, изобразительных и экспрессив-

ных ресурсов; ее продуктивных словообразовательных форм, системы метафор, сравнений, устойчивых сочетаний слов, идиоматических выражений, поговорок, пословиц и т. д. В условиях еще не вполне оформившегося коми литературного языка указанное требование не может не означать творческого использования диалектов коми языка как источника обогащения литературного языка.

Б. А. Серебренников в своем заключительном слове отметил, что, по мнению участников совещания, узловые вопросы о путях развития коми литературного языка из двух источников были поставлены в его докладе правильно. Далее он сказал, что язык великого русского народа, лексические богатства которого заимствуются коми языком, является не средством консервирования и замораживания национальной основы коми языка, а средством его развития и совершенствования; он не согласен с критикой К. Д. Петряева, касающейся этих положений.

В отношении роли диалектов в развитии коми литературного языка, по мнению Б. А. Серебренникова, нужно опасаться чрезмерного увлечения ими и искусственного и неумелого насаждения диалектизмов в литературный язык. В деле улучшения языка переводов, сказал далее Б. А. Серебренников, нельзя дать кодекса твердых правил, как требовали этого некоторые выступавшие товарищи, потому что перевод — это искусство, и все здесь зависит от таланта переводчика, от его уменья, вкуса, знания двух языков, культуры слова, опыта и целого ряда других факторов.

В заключение Б. А. Серебренников подчеркнул, что почти все выступления в прениях носили деловой характер, что каждый, подвергая других принципиальной критике, опирался на конкретные факты, что все это — элементы того нового стиля в работе, которую ведут советские языковеды.

Результаты работы совещания были закреплены в резолюции, в которой, наряду с признанием ряда достижений в деле нормирования коми литературного языка, в разработке вопросов грамматики, терминологии, орфографии, в изучении диалектов коми языка, отмечаются недостатки как в практике применения литературного языка, так и в исследовательской работе по нему — недостатки, вытекающие из вредного влияния марризма, насильственно внедрявшегося в течение ряда лет в центре и в республиках.

А. С. Сидоров

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ВОПРОСАМ МОРДОВСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В ноябре 1952 г. в столице Мордовской АССР г. Саранске состоялась совместная научная сессия Института языкознания АН СССР и Мордовского научно-исследовательского Института языка, литературы и истории при Совете министров Мордовской АССР, посвященная вопросам мордовского языкознания. Сессия привлекла большое внимание общественности республики.

К участию в сессии были привлечены языковеды других финно-угорских республик Советского Союза; в качестве гостя на сессии присутствовал также специалист по финно-угорским языкам зам. директора Института языкознания Венгерской Академии наук Д. Лако, командированный в СССР для ознакомления с постановкой исследовательской работы в области языкознания.

Большая часть докладов была посвящена вопросам развития и нормализации мордовского языка и проблемам его научного изучения.

Б. А. Серебренников в докладе «Труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ и задачи изучения мордовских (мокша и эрзя) языков» наметил основные теоретические и практические задачи, стоящие перед мордовскими языковедами на путях изучения и развития мордовских языков в свете марксистского учения об основном словарном фонде и словарном составе, о грамматическом строе, о языке и диалектах, о сравнительно-историческом методе. Докладчик также осветил проблему наличия двух литературных языков (мокша и эрзя) для единой мордовской социалистической нации, поставил вопрос о возможности их объединения или отказа от употребления одного из этих языков. Б. А. Серебренников высказался за оставление обоих литературных языков ввиду довольно больших расхождений между ними и ввиду того, что численность населения, пользующегося ими, почти одинакова.

М. Н. Коляденков в докладе «Образование и пути развития мокшанского и эрзянского литературных языков» также высказал мнение о том, что в настоящее время нельзя ни объединить эти два литературных языка, ни отказаться от одного из них. Дискуссия, развернувшаяся по данному вопросу, показала его теоретическое и практическое значение для дальнейшей работы мордовских языковедов. Поэтому в резолюции сессии эта проблема была освещена особенно подробно. В резолюции

подчеркнуто, что нет двух национальных мордовских языков; у единой мордовской нации имеется лишь один общенародный национальный язык с двумя основными диалектными ответвлениями, на основе которых созданы литературные языки эрзя и мокша. В резолюции было также отмечено, что об искусственном объединении этих двух литературных языков или об отказе от одного из них вопрос не ставится.

Во второй части своего доклада М. Н. Коляденков изложил основные принципы нормализации мордовских литературных языков как в области правописания, так и в области грамматики и лексики.

Доклад Н. Ф. Цыганова был посвящен вопросам развития словарного состава эрзя и мокша языков. Отметив вредное влияние «нового учения» о языке на разработку вопросов, связанных с лексикой, докладчик подробно охарактеризовал специфику развития словарного состава мордовского языка, отмечая особенности этого развития для современного мордовского языка и указывая источники его лексического пополнения: словообразование, использование лексики диалектов и заимствования из русского языка.

Р. А. Заводова в докладе «Система частей речи в мордовских языках» осветила весьма важную при составлении научных и школьных описательных грамматик проблему. Для определения частей речи докладчик предложил руководствоваться тремя принципами: освещать их со стороны семантики, морфологических особенностей (словоизменение и суффиксация) и синтаксического употребления. Опираясь на эти принципы, Р. А. Заводова уточнила количество частей речи в мордовском языке и наметила методику их выделения.

А. Н. Мамаев посвятил свой доклад принципам перевода с русского на мордовские литературные языки.

Работа сессии продолжалась в двух секциях (эрзянского и мокшанского литературных языков), обсуждавших вопросы уточнения норм орфографии, некоторых норм грамматики и в особенности употребления новых терминов.

В принятой в конце сессии резолюции не только были отмечены успехи в работе научно-исследовательского института, достигнутые в области изучения мордовского языка и развития эрзя и мокша литературных языков, но и было указано также на некоторые недостатки (например, на слабое развертывание работы по изучению диалектов), которые в будущем следует изжить.

К. Е. Майтинская

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ

В июле 1952 г. в столице Удмуртской АССР г. Ижевске происходило совещание по вопросам удмуртского языка и письменности, организованное Удмуртским научно-исследовательским институтом истории, языка, литературы и фольклора при Совете министров Удмуртской АССР. В совещании, кроме научных сотрудников института, приняли участие научные сотрудники Института языкознания АН СССР, преподаватели Ижевского пединститута, научные сотрудники и преподаватели институтов из других финно-угорских республик, общественные и литературные деятели Удмуртской АССР и учителя удмуртского языка в начальных и средних школах.

На совещании было прослушано несколько докладов. П. М. Яшин в докладе «Работа И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания" и задачи изучения удмуртского языка» указал на недостатки и ошибки в изучении удмуртского языка в связи с так называемым «новым учением» о языке и кратко сформулировал ближайшие задачи по развитию и изучению языка удмуртской нации. Среди этих задач важнейшие: изучение роли диалектов в развитии и обогащении удмуртского литературного языка, изучение основного словарного фонда и словарного состава, изучение источников для создания новой терминологии и выяснение путей заимствования новых слов из других языков, изучение грамматического строя удмуртского языка, создание исторической грамматики удмуртского языка, исследование влияния русского языка на удмуртский.

Оживленную дискуссию вызвал интересный доклад П. Н. Перевощикова *«Влияние русского языка на грамматический строй удмуртского языка»*. Докладчик показал, что заимствования из русского языка обогащают не только словарный состав удмуртского языка, но и его грамматический строй, в особенности синтаксис. Это касается, например, некоторых видов сложноподчиненных предложений, предложений с обособленными оборотами, некоторых явлений, связанных с порядком слов, и т. д. По наблюдениям П. Н. Перевощикова, во всех отмеченных конструкциях речь идет не о механическом переносе отдельных элементов русской грамматики в удмурт-

ский язык, а об их освоении в соответствии со структурными особенностями удмуртского языка, вследствие чего они «не колеблют основ грамматического строя удмуртского языка, но расширяют и развивают его строевые возможности».

Участники совещания заслушали также доклад В. И. Лыткина «Вопросы истории пермских языков». На основании наблюдений, сделанных докладчиком в связи с изучением пермских диалектов, ему удалось вскрыть много интересных и до сих пор никем не подмеченных фактов из истории пермских языков в связи с историей пермских народов. Пользуясь сравнительно-историческим методом, В. И. Лыткин указал на связь тюркских и русского языков с пермскими языками, а также на взаимодействие родственных финно-угорских и самодийских языков с пермскими в эпоху обособленного существования последних.

Я. М. Вахрушев в докладе «Вопросы общественно-политической терминологии в удмуртском языке» указал на два основных источника обогащения удмуртского языка общественно-политическими терминами: средства родного языка и заимствования из языка великого русского народа.

Доклад А. С. Бутолина был посвящен вопросу о переводах с русского языка на удмуртский. Докладчик подробно изложил методику перевода произведений различного жанра, отмечая при этом наиболее распространенные типы ошибок, допускаемых в переводах.

Выступавшие в прениях языковеды, литераторы, работники школ и вузов, отметив ценность прослушанных докладов, внесли ряд предложений, направленных на улучшение работы издательств и повышение качества преподавания родного и русского языков, а также критиковали некоторые учебники и учебные пособия и высказывали свои пожелания по поводу улучшения работы Удмуртского научно-исследовательского института

К. Е. Майтинская

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Аврорин, Р. А. Будагов, Ю. Д. Дешериев, Б. А. Серебренников, Е. И. Убрятова, Н. Ю. Шведова. Вопросы составления описательных грамматик 3

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. И. Ефимов. Некоторые вопросы развития русского литературного языка XIX — начала XX вв. 22
Т. А. Бертагаев. К проблеме сложных предложений 43

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

М. Н. Петерсон. Задача курса «Введение в языкознание» 60
А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова. О курсе «Общее языкознание» 65

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

Ло Чан-пэй. Предмет и задачи языкознания 79
Шао Жун-фэнь. Процесс формирования единого национального языка (и о фонетическом письме для диалектов). 85
В. П. Сухотин, А. Косталари. Основные проблемы албанского языкознания 90

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

А. В. Миртов. Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны 99
В. А. Истрин. Некоторые вопросы теории письма 109
В. И. Борковский. Новые находки берестяных грамот 122

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. П. Старинин. Вопросы языкознания в первых двенадцати томах второго издания БСЭ. 134

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. С. Сидоров. Совещание по вопросам изучения коми языка. 144
К. Е. Майтинская. Научная сессия по вопросам мордовского языкознания 148
К. Е. Майтинская. Совещание по вопросам удмуртского языка и письменности 149

Редколлегия:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), *Р. А. Будагов, В. В. Виноградов* (главный редактор), *А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев* (зам. главного редактора), *В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.*

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К-4-01-28.

Т-04997. Подписано к печати 9.VII 1953. Тираж 15.150 экз. Зак. 1365
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆ Бум. лист. 4³/₄. Печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 15,2

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ОТ РЕДАКЦИИ

В журнале «Вопросы языкознания» печатаются статьи, посвященные вопросам общего языкознания, развития языков народов СССР и зарубежных стран, истории отечественного языкознания, разоблачению реакционной сущности буржуазной идеалистической лингвистики, а также дискуссионные материалы по наиболее важным проблемам советского языкознания.

Статьи, опубликованные в других советских или иностранных научных органах, не могут быть напечатаны в «Вопросах языкознания».

Объем статьи не должен превышать, как правило, 1 авт. лист (около 25 стр. машинописи).

Рукописи должны представляться в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанными литературно и подписанными автором с указанием его фамилии, имени и отчества, места работы и адреса.

Все цитаты и ссылки как в тексте, так и в сносках должны быть обязательно снабжены необходимыми сведениями о работе, на которую автор ссылается. Для монографии указываются: автор, название, место издания, издательство, год, страницы. Для статьи — после названия добавляется описание издания, в котором статья помещена.

Авторская правка в сверстанных листах не допускается.

Статьи представляются в редакцию в двух экземплярах, четко переписанными на машинке на одной стороне листа через два интервала.

Непринятые рукописи, как правило, авторам не возвращаются.